

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 76
№ 10 2023

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

От разработки основ
концепции суверенной
демократии к парадигме
единой системы публичной
власти: вехи научного
творчества В. А. Лебедева
(к юбилею ученого)

О целях государственной
правозащитной деятельности
в Российской Федерации

Реабилитирующие
и нереабилитирующие
обстоятельства прекращения
производства по делу
об административном
правонарушении

Цифровое исполнительное
производство

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

ИСАЕВ Игорь Андреевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

МОРОЗОВ Андрей Витальевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СТАРИЛОВ Юрий Николаевич — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, генерал-полковник, главный редактор журнала «Наркоконтроль», г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингенский университет

ХЕЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

ЯРКОВ Владимир Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГРОМОШИНА Наталья Андреевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОМАРОВА Валентина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA
Научный юридический журнал

Том 76
№ 10 (203)
октябрь 2023

государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru
<https://lexrussica.msal.ru>

САЙТ

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 02.11.2023
Объем 16,85 усл. печ. л. (13,40 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина

Корректор

А. Б. Рыбакова, С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.
Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Igor A. ISAEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Andrey V. MOROZOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and

Mathematics of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Yuriy N. STARILOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Administrative Law and Administrative Procedural Law of the Voronezh State University, Voronezh, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Aleksandr V. FEDOROV — Cand. Sci. (Law), Professor, Vice-Chairman of the Investigation Committee of the Russian Federation, Colonel General, Editor-in-Chief of the Journal «Drug Enforcement» (Narcocontrol), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. YARKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Natalia A. GROMOSHINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Valentina V. KOMAROVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Nikita L. LYUTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 76
№ 10 (203)
October 2023

The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media
Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

02.11.2023
Volume: 16,85 conventional printer’s sheets (13,40 author’s sheets),
format: 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova, S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich’s, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ / LIBER AMICORUM

- Зенин С. С., Дудко И. Г.** От разработки основ концепции
суверенной демократии к парадигме единой системы публичной власти:
вехи научного творчества В. А. Лебедева (к юбилею ученого) 9

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Богданова Е. Е.** Многоотраслевая природа принципа
добросовестности в российском праве 23
- Шония Г. В.** Привлечение к дисциплинарной ответственности
медицинских работников: актуальные проблемы
в свете внедрения цифровых технологий в медицинскую деятельность 36

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Гарифуллин И. Р.** Вознаграждение за деятельный отказ
от совершения преступления как эффективный метод борьбы со взяточничеством 45

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Чечельницкий И. В.** О целях государственной
правозащитной деятельности в Российской Федерации 56
- Шахназаров Б. А.** Отдельные вопросы реализации правового режима
параллельного импорта и смежные проблемы правовой охраны
интеллектуальной собственности в России в условиях санкций 71
- Морозова Н. А.** Реабилитирующие и нереабилитирующие обстоятельства
прекращения производства по делу об административном правонарушении 82

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

- Теймуров Э. С.** Наилучшие научные данные для установления
зонально привязанных инструментов хозяйствования:
международно-правовая характеристика 95

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / COMPARATIVE STUDIES

- Кравец В. Д.** Государственные институты развития в системе
инновационной кооперации: опыт стран Азии 115

КИБЕРПРОСТРАНСТВО / CYBERSPACE

- Аюшеева И. З.** Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима 125
- Стрельцова Е. Г.** Цифровое исполнительное производство 135

ANNIVERSARY / LIBER AMICORUM

- Zenin S. S., Dudko I. G.** From Development of the Foundations
of Sovereign Democracy towards the Paradigm of a Unified System of Public Power:
Milestones of Scientific Creativity of Valerian A. Lebedev (to the Anniversary of the Scholar) 9

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Bogdanova E. E.** A Diversified Nature of the Principle of Good Faith in Russian Law 23
- Shonia G. V.** Bringing Medical Workers to Disciplinary Responsibility:
Current Problems in context of Introduction of Digital Technologies in Medical Activities 36

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Garifullin I. R.** Remuneration for Active Refusal to Commit
a Crime as an Effective Method of Combating Bribery 45

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Chechelintsky I. V.** Objectives of State Human Rights Protection Activities in the Russian Federation 56
- Shakhnazarov B. A.** Separate Issues of Implementation of Parallel Imports
Regime and Related Problems of Intellectual Property Protection in Russia under Sanctions 71
- Morozova N. A.** Exonerative and Non-Exonerative Grounds for Administrative Offense Case Dismissal 82

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Teymurov E. S.** The Best Scientific Data for the Establishment
of Zonally Linked Management Instruments: International Legal Characteristics 95

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Kravets V. D.** State Development Institutions in the System
of Innovation Cooperation: Asian Countries Experience. 115

CYBERSPACE / CYBERSPACE

- Ayusheeva I. Z.** Big Data: Problems of Defining the Civil Law Regime. 125
- Streltsova E. G.** Digital Enforcement Proceedings 135

С. С. Зенин

Тюменский государственный университет
г. Тюмень, Российская Федерация

И. Г. Дудко

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

От разработки основ концепции суверенной демократии к парадигме единой системы публичной власти: вехи научного творчества В. А. Лебедева (к юбилею ученого)

Резюме. Настоящая обзорная статья приурочена к одному из знаковых событий для всего юридического мира и сообщества ученых-конституционалистов — юбилею заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ, доктора юридических наук, профессора Валериана Алексеевича Лебедева. Начало творчества В. А. Лебедева пришлось на непростой для развития российской государственности период реформ, смены парадигмы конституционно-правового развития и коренной перестройки базовых принципов обеспечения и защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина. В статье отмечаются основные вехи научного творчества В. А. Лебедева, связанные с исследованием проблем подлинного народовластия и суверенитета народа, приоритета развития в соответствии с Конституцией РФ и обоснования концепции суверенной демократии, функционирования конституционного механизма защиты прав личности, обеспечения принципа политического плюрализма, построения единой системы публичной власти и единой законодательной системы страны, реализации конституционной реформы. Отмечается критически важная роль научного творчества В. А. Лебедева для переходного и современного пути развития отечественной государственности, глубина и острый, проблемный характер его трудов, уникальная научная прозорливость ученого, не только предвидевшего конституционную реформу, но и раскрывшего ее ключевые понятия-новеллы, подводные камни и перспективы совершенствования конкретных конституционно-правовых институтов. Возможность изучения современных и прошлых научных работ В. А. Лебедева представлена в качестве особой ценности для современной науки конституционного права, поскольку предметом исследования в них являются ключевые понятия и категории теории российского конституционализма, от правильного понимания которых зависит возможность эффективной реализации конституционных принципов существования государства и общества.

Ключевые слова: Валериан Алексеевич Лебедев; ученый; юбилей; наука конституционного права; научные труды; научные достижения; теория конституционализма; суверенная демократия; система публичной власти; конституционное право

Для цитирования: Зенин С. С., Дудко И. Г. От разработки основ концепции суверенной демократии к парадигме единой системы публичной власти: вехи научного творчества В. А. Лебедева (к юбилею ученого). *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 9–22. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.009-022

**From Development of the Foundations of Sovereign Democracy
Towards the Paradigm of a Unified System of Public Power:
Milestones of Scientific Creativity of Valerian A. Lebedev
(to the Anniversary of the Scholar)**

Sergey S. Zenin

Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

Igor G. Dudko

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The review article is dedicated to one of the landmark events for the entire legal world and the community of constitutional law scholars: the anniversary of Doctor of Law, Professor Valerian A. Lebedev, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. Prof. Valerian A. Lebedev started his work during a difficult period of reforms initiated for the development of Russian statehood, a change in the paradigm of constitutional law development and a radical restructuring of the basic principles of ensuring and protecting fundamental rights and freedoms of the man and citizen. The paper highlights the main milestones of Prof. Valerian A. Lebedev's scientific work related to the study of the problems of genuine democracy and sovereignty of the people, the priority of development in compliance with the Constitution of the Russian Federation and substantiation of the concept of sovereign democracy, functioning on the constitutional mechanism for the protection of individual rights, ensuring the principle of political pluralism, building a unified system of public power and a unified legislative system of the country, implementation of the constitutional reform. The paper highlights critically important role of Prof. Valerian A. Lebedev and his scientific creativity for the transitional and modern path of development of the national statehood, comprehensive, acute, problematic nature of his works, the unique scientific foresight of the scholar, who not only foresaw the constitutional reform, but also revealed its key concepts—novels, pitfalls and prospects for improving specific constitutional law institutions. The possibility of studying modern and past research works by Prof. A. Lebedev is presented as a special value for the modern science of constitutional law, since their subject of research covers the key concepts and categories of the theory of Russian constitutionalism, correct understanding of which depends on the possibility of effective implementation of the constitutional principles of the existence of the state and society.

Keywords: Valerian A. Lebedev; legal scholar; anniversary; science of constitutional law; scientific works; scientific achievements; theory of constitutionalism; sovereign democracy; system of public power; constitutional law

Cite as: Zenin SS., Dudko IG. From Development of the Foundations of Sovereign Democracy Towards the Paradigm of a Unified System of Public Power: Milestones of Scientific Creativity of Valerian A. Lebedev (to the Anniversary of the Scholar). *Lex russica*. 2023;76(10):9-22. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.009-022

Введение

2023 год ознаменован событием, значимым для всего юридического мира и сообщества ученых-конституционалистов, — 12 августа свой 70-летний юбилей отмечает заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор Валериан Алексеевич Лебедев, чье научное творчество и профессиональные успехи продолжают вдохновлять на собственные достижения учеников из целого ряда регионов

страны: Москвы, Санкт-Петербурга, Челябинска, Екатеринбурга, Севастополя, Калининграда. За пять десятилетий, посвященных творческой и самоотверженной работе на благо высшей школы, десятки студентов и молодых специалистов прошли под его руководством путь от написания курсовой работы или магистерской диссертации до собственного, проблемного и глубокого, научного проекта. При непосредственном участии Валериана Алексеевича было защищено более 70 кандидатских и 2 докторские диссертации.

Начало творчества В. А. Лебедева пришлось на непростой для развития российской государ-

ственности период реформ, смены парадигмы конституционно-правового развития и коренной перестройки базовых принципов обеспечения и защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина, формирования основ нового российского государства и права. Точкой отсчета профессиональной и научной карьеры будущего известного педагога и ученого-конституционалиста станет далекий 1974 год, когда, окончив Карагандинскую высшую школу МВД России, В. А. Лебедев примет решение продолжить обучение в общеизвестной кузнице научных кадров Советского Союза — аспирантуре Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Впереди будут годы работы в Кустанайском педагогическом институте, Челябинском государственном университете и других образовательных учреждениях, где исследователь будет набираться необходимого опыта педагогической, а затем и организационно-управленческой деятельности, однако уже на первых порах станет ясно, что научные труды и достижения В. А. Лебедева создадут прочный фундамент для теоретического обоснования критически важных проблем развития конституционализма, будут положены в основу важнейших конституционно-правовых преобразований переходного периода. Защитив диссертации на соискание ученой степени кандидата (в 1983 г.), а затем и доктора юридических наук (в 2000 г.) по проблемам организации и деятельности законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации, В. А. Лебедев останется верным избранному кругу научных вопросов, в то же время в орбиту его научных интересов закономерно попадут ключевые проблемы формирования основ конституционного строя, обеспечения прав личности, категории демократии и многопартийности.

Сегодня, анализируя научное наследие и новейшие труды ученого с высоты опыта проб и ошибок отечественной науки конституционного права и преобразовательного пути развития конституционных основ регулирования статуса и деятельности структур публичной власти, представляется возможным говорить

о нескольких вехах его творчества, давших толчок преодолению кризиса в сфере формирования новой конституционно-правовой идеологии, определивших приоритеты конституционных преобразований в стране на долгие годы вперед.

О подлинном народовластии и суверенитете народа. В. А. Лебедев одним из первых, еще в 2000-х гг., отверг краеугольный характер исследования проблем форм прямой и представительной демократии, обосновав утверждение о том, что российскому обществу и государству требуется не статическое закрепление и признание человека в качестве высшей ценности, но осознание необходимости развития личности, превращение такого развития в социальную ценность¹. Категория демократии была подвергнута им исследованию на основе глубокого анализа вопросов обеспечения подлинного народовластия и определена как конгломерат народовластия со свободой воли, в котором суммирование и выявление истинной народной воли требует наличия и активного участия в политическом процессе свободных средств массовой информации, политических партий и других подобных субъектов². Убежденность в том, что «народ никому не передает свою власть, а только передает право на осуществление власти от его имени», стала отправной точкой для проблемного рассмотрения конституционных основ избирательной системы в Российской Федерации, позволившего отвергнуть принцип предопределенности результатов выборов мнениями и предпочтениями представителей власти, подчеркнуть, что такой подход самым негативным образом влияет на эффективность государственности, поскольку речь идет о полной «дозволенности», полной «свободе» действовать в нарушение закона³.

Определение В. А. Лебедевым демократии на основе неразрывной связи народовластия со свободой людей обеспечило необходимые предпосылки не только для того, чтобы прийти к обоснованию необходимости разработки политико-правового механизма, в котором компонент сильной президентской

¹ Лебедев В. А., Киреев В. В. Об инструментальной роли науки конституционного права в период социальных преобразований // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 22. С. 10.

² Лебедев В. А. Государственная власть и политические партии в современной России: конституционно-правовые проблемы их взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 26.

³ Лебедев В. А., Киреев В. В. Главное — конституционализм (пути развития российской демократии) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 2.

власти органично сочетается с механизмами, препятствующими реставрации режима олигархических группировок, но и для того, чтобы сформулировать базовые условия обеспечения восприятия государства как организации, эффективно выражающей интересы общества. Любопытно, что еще в 2015 г. В. А. Лебедев, как бы намекая на сегодняшние события, указывал на проблематичность исполнения основополагающих международных документов о правах человека и международных обязательствах государств, обозначая в качестве приоритета демократического государственно-правового строительства развитие «моральной политики», базирующейся на поиске международной моральной общности и выражении этой общности в виде принципов международного сотрудничества, нормативного инструмента разрешения конфликтов⁴. Прозорливость и глубину научных воззрений ученого показывает и определение им «триады демократических принципов», к числу которых отнесены суверенитет личности, суверенитет народа, суверенитет государства с дополнительным акцентом на то, что только с их закреплением и реализацией становится доступным формирование «глобального режима демократии суверенных государств», многополярного мира. В. А. Лебедев стал одним из немногих представителей науки конституционного права, кому удалось провести связь между проблемами построения демократического политико-правового механизма в отдельно взятом государстве и обеспечением международного мира и безопасности, столь актуальными в современных условиях.

О приоритете развития в соответствии с Конституцией РФ и о концепции суверенной демократии. Именно В. А. Лебедеву принадлежит обоснование концепции суверенной демократии, отправными тезисами которой служат конституционно-правовое закрепление представлений о единстве и системном взаимодействии социальных регуляторов, регулирование социальных обязательств государства в совокупности с политико-правовыми формами их выражения и исполнения, обеспечение представитель-

ства в демократических процессах интересов всех национальностей, составляющих в своей совокупности многонациональный российский народ. Поистине революционным здесь является сформулированное автором совершенно нетипичное для науки российского конституционного права представление об идеологическом компоненте государственно-правового развития. Уверенно противостоя преобладающему мнению о запрете на любую приобретающую обязательный характер конституционную идеологию, В. А. Лебедев доказывает, что такая идеология в действительности не только имеет право на существование, но и должна находить свое концентрированное выражение в Основном Законе государства⁵.

Концепция суверенной демократии, будучи предметно обоснованной в трудах В. А. Лебедева, позволяет отечественной конституционно-правовой науке наконец пробиться «сквозь дебри правовых заимствований, неупорядоченных и нередко конъюнктурных нормативных правовых актов», доказав свою состоятельность, предложив жизнеспособную базовую идею, в основе которой лежит использование потенциала Конституции РФ для развития демократического политико-правового режима, обеспечивающего сбалансированный учет особенностей современного общества и государства. Правовой режим «полновластия народа» формируется на основе комплекса правовых принципов, в качестве которых ученым последовательно выводятся и анализируются принципы верховенства Конституции и всестороннего использования ее потенциала, обеспечения единства законодательной системы и приоритета федеральных законов над законами субъектов федерации, добровольного и неукоснительного исполнения законов, развития начал справедливости в нормативных правовых актах, определения системы правовых приоритетов, правовой конкурентоспособности общества и государства. Концепция суверенной демократии, таким образом, становится одной из немногих правовых концепций, обращенных непосредственно к российскому народу, базирующихся на выражении его силы и достоин-

⁴ Лебедев В. А. Демократия и суверенитет: проблемы и перспективы // Материалы II Московского юридического форума «Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения» (Кутафинские чтения) : сборник докладов. М. : Проспект, 2015. С. 25.

⁵ Лебедев В. А. Конституционная идеология — идеология демократии // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран : материалы международной научной конференции / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : РоЛИКС, 2010. С. 40–44.

ства через развитие гражданского общества и гражданской солидарности, эффективного механизма влияния на мировые события⁶.

Поставив во главу угла развитие конституционализма в стране, В. А. Лебедев обоснованно отмечает, что новаторская нестабильность в обществе необходима для обеспечения соответствия государства динамике общественных процессов, однако инструментом синхронизации динамики политического развития общества и государства всегда должна оставаться Конституция РФ. Ученый обстоятельно исследует проблемы подмены ценностно-ориентационного, регулятивного воздействия Основного Закона «серыми» политическими технологиями и дает недвусмысленный ответ на вопрос о том, чей суверенитет является первичным и приоритетным — суверенитет народа или суверенитет государства. Обеспечение независимости народовластия в значении общероссийской социальной ценности постулируется им в числе не столько ключевых, сколько жизненно важных идей суверенной демократии, претворение которых в жизнь представляется условием устойчивого развития всех систем общества⁷.

О проблемах построения конституционного механизма защиты и обеспечения прав личности. Справедливо полагая, что концепция суверенной демократии есть не только теория, но и практика общественно-государственного строительства, ученый обращается и к проблемам конституционно-правового статуса личности, исследование которых в его трудах приобретает системный характер. В. А. Лебедеву принадлежит авторская характеристика существенных признаков конституционных средств охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, концептуализация принципа признания человека, его прав и свобод высшей ценностью в качестве ценностного приоритета Конституции РФ⁸. В духе традиционных для его научного творчества очерков о проблемах разграничения компетенции государственных

структур в единой системе государственной власти В. А. Лебедев рассматривает современную концепцию прав и свобод человека, отмечая, что именно на федерации лежит ответственность за единую регламентацию таких прав и свобод на всей территории страны⁹.

Свое концентрированное выражение научные воззрения В. А. Лебедева по вышеперечисленным проблемам находят в серии учебных пособий и монографий по правам человека, в содержании которых автор стремится затронуть многие злободневные проблемы современности, актуальные вопросы, ежедневно встающие перед конституционно-правовой наукой. В частности, в пособии «Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации», вышедшем в одном из центральных издательств в 2021 г., ученый обосновывает доктринальный подход, препятствующий злоупотреблению и неправомерной спекуляции принципами территориальной целостности и самоопределения в ходе внешнеполитических конфликтов, справедливо указывая на отсутствие коллизии между этими принципами, первый из которых реализуется в отношениях государства с другими суверенными структурами, а второй подлежит объективизации и во внешней, и во внутренней государственной жизни. Красной линией через исследование современной концепции прав человека проходит идея о том, что конструкция прав не только является неотъемлемым элементом каждого человека, но и должна быть рассмотрена в диалектической взаимосвязи с правами отдельных социальных общностей, при этом их нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять друг другу¹⁰. В учебном пособии «Конституционный и отраслевой статус личности» ученый уделяет особое внимание проблемам обеспечения конституционного статуса личности в части, касающейся принятия федеральных законов, а также законов субъектов РФ, нормативных правовых актов органов государственной власти. Здесь несомненный

⁶ Лебедев В. А. Проблемы становления и развития концепции суверенной демократии // Суверенная демократия как конституционная идея России XXI века : сборник статей / под ред. В. А. Лебедева, В. В. Киреева. Челябинск, 2008. С. 9.

⁷ Лебедев В. А., Киреев В. В. Главное — конституционализм (пути развития российской демократии). С. 6.

⁸ Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности) : монография. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 137.

⁹ Лебедев В. А. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 27.

¹⁰ Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Лебедева. М. : Проспект, 2021. С. 5–18, 33–49.

интерес представляют рассуждения о допустимой «глубине» регулирования отношений в конкретной отрасли права с позиции соотношения федерального и субъектового правотворчества, о регулятивных возможностях местного самоуправления и других значимых проблемах¹¹.

Попутно В. А. Лебедев разрабатывает весьма непростые для науки конституционного права вопросы пределов ограничения конституционных прав, при этом его воззрения не сводятся к популярным на волне введения мер противодействия новой коронавирусной инфекции дискуссиям о соотношении и значении конституционно-правовых дефиниций («отмена», «умаление» и «ограничение» прав и свобод человека и гражданина). Взгляд в корень проблемы позволяет В. А. Лебедеву заключить, что сами формулировки прав содержат в себе пределы их осуществления, признаваемые объективно необходимыми и разумными в случае их соответствия уровню политического, правового и нравственного сознания людей в обществе¹². Ученый обстоятельно изучает отдельные компоненты механизма конституционно-правовой охраны прав и законных интересов личности, исследует критерии эффективности гарантирования, защиты и обеспечения таковых Президентом РФ, Конституционным Судом РФ, Прокуратурой РФ, Уполномоченным по правам человека. На злобу дня В. А. Лебедев рассуждает о конституционно-правовом статусе прослойки населения, от которой самым непосредственным образом зависит дальнейшее развитие и реализация ценностных ориентиров, формируемых российской Конституцией, — молодежи¹³.

О проблемах многопартийности и политическом плюрализме. Обширную часть научного творчества В. А. Лебедева составляют труды, ставшие результатом напряженной работы над проблемой конституционно-правового оформления принципа многопартийности и конституционно-правового статуса политических партий. Здесь ученый ставит перед собой весьма актуальную и одновременно с этим трудно-разрешимую задачу — дать обоснованный

ответ на вопрос о том, почему именно партиям отводится роль выразителя народной воли, предоставляется возможность участвовать в формировании органов государственной власти в демократическом государстве. В процессе этого исследования разрабатываются и вовлекаются в научный оборот понятия и категории, определяющие современные векторы развития воззрений на природу парламентаризма в России; речь идет, в частности, о понятии институционализации политических партий, в котором соединяются конституционно-правовое регулирование их статуса и процесс установления их роли в государственном механизме. В. А. Лебедев обосновывает необходимость определения конституционно-правового статуса политической партии непосредственно в Конституции РФ, с чем, по мнению автора, связывается завершенность формы их конституционно-правовой институционализации¹⁴.

Ученый не стремится избегать «неудобных» вопросов, на страницах его публикаций по данной проблематике определяются уникальные черты сформировавшейся в России партийной системы, для которой характерно наличие «политического доминанта» — партии власти, представляющей собой сложный сплав представителей законодательной и исполнительной структур, претендующей на роль лидирующей социальной группы и генератора партийных идеологем и не имеющей при этом серьезной и системной оппозиции. Подвергается всестороннему исследованию вопрос о соблюдении запрета на вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность политических партий, при этом высказываемое автором итоговое мнение включает в себе важный посыл для совершенствования законодательства. Помимо конкретных мер, направленных на обеспечение соблюдения ст. 13 Конституции РФ об идеологическом многообразии, обосновывается, в частности, потребность в отказе российского государства от роли строителя партийной системы с переходом к функциям регулятора

¹¹ Конституционный и отраслевой статус личности : учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Лебедева. М. : Проспект, 2021. С. 58–76.

¹² Лебедев В. А. Конституционные ограничения правового статуса личности // Проблемы права. 2021. № 2 (81). С. 7–15.

¹³ Лебедев В. А. Права молодежи в Российской Федерации // Проблемы права. 2022. № 2. С. 78–83.

¹⁴ Лебедев В. А. Конституционные нормы, регламентирующие политическое многообразие и многопартийность // Лебедев В. А., Кандалов П. М., Неровная Н. Н. Партии на выборах: опыт, проблемы, перспективы. М. : Изд-во МГУ, 2006. С. 6–18.

общественных процессов создания партий, в том числе посредством экономических мер, направленных на формирование среднего класса¹⁵.

Рассуждая о «неидеальном» идеале конституционного развития применительно к проблемам обеспечения идеологического многообразия и многопартийности, В. А. Лебедев под новым углом исследует опыт правовой институционализации партий в странах тоталитарного социализма, замечая, что при всей негативной оценке такого подхода, фактически призванного передать государственную власть одной партии, именно здесь впервые применяется конституционное регулирование статуса политических партий. «Парламент не может быть простым слепком гражданского общества», — справедливо отмечает автор, предлагая одновременно с этим посмотреть в самую суть народного представительства, заключающуюся, по его мнению, в реальном отражении в деятельности выборных органов общественно-политической воли всего народа или части населения страны. Работа над проблемами конституционно-правового регулирования отношений многопартийности находит свое оформление в монографии «Партии на выборах: опыт, проблемы, перспективы», изданной на базе МГУ имени М.В.Ломоносова, где в разделе, посвященном правовому статусу и институционализации политических партий, содержится ответ на ключевой вопрос исследования. Только партиям как общественным объединениям предоставляется право выдвигать кандидатов для формирования органов государственной власти, потому что в парламенте должны быть представлены не корпоративные интересы тех или иных социальных групп, а государственно значимые аспекты этих интересов и только партии позволяют выявить такие интересы. Это утверждение позволяет уяснить особую роль политических партий в государственно-правовом механизме, представить их в качестве государственно-ориентированных организаций гражданского общества, способ-

ных согласовать разрозненные различные частные интересы в рамках общей воли¹⁶.

О построении единой системы публичной власти в России. Высокой степенью проработанности во все периоды научного творчества В. А. Лебедева характеризуются проблемы конституционно-правового закрепления и развития системы публичной власти в России, к которым исследователь впервые обратился задолго до проявления концентрированного внимания к данной категории в научном сообществе на фоне конституционных преобразований, начатых в 2020 г. Обосновав в диссертационном исследовании оптимальную модель организации систем законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации в 2000 г., ученый продолжил тщательное изучение конфигурации государственной власти на региональном уровне, безошибочно улавливая векторы развития избирательного законодательства и политической системы, сложности балансировки на данном уровне механизма разделения властей. В первые десятилетия формирования переходного государства в России В. А. Лебедевым подвергнуты критической оценке подходы к формированию законодательных (представительных) органов государственной власти в субъектах РФ, отмечена негативная тенденция преобладания стремления сформировать в первую очередь орган власти, а не инструмент, обеспечивающий представительство интересов населения, проживающего на соответствующей территории¹⁷. В рамках поиска путей решения проблемы «раздвоения» института главы исполнительной власти субъекта РФ обозначается оптимальный способ регулирования организации и деятельности исполнительной власти, в котором территориальные органы государственной власти субъекта РФ формируются коллегиальным исполнительным органом, в то время как правовую основу этого процесса составляет региональный закон о системе исполнительных органов и структура исполнительных органов государственной власти, утверждаемая высшим должностным лицом субъекта РФ¹⁸.

¹⁵ Лебедев В. А. Конституционный идеал и политическая реальность: парадоксы российской многопартийности // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 26.

¹⁶ Лебедев В. А. Роль политических партий в становлении современного российского конституционализма в России // Лебедев В. А., Кандалов П. М., Неровная Н. Н. Указ. соч. С. 71–90.

¹⁷ Лебедев В. А. Особенности формирования органов законодательной власти в субъектах Российской Федерации // Проблемы права. 2014. № 2 (45). С. 16–29.

¹⁸ Лебедев В. А. Система исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Проблемы права. 2014. № 1 (44). С. 9–21.

Задолго до осмысления научным сообществом предпосылок конституционной реформы В. А. Лебедев характеризует компонент единства системы публичной власти в Российской Федерации, обоснованно указывая на то, что система исполнительной власти в субъектах является продолжением федеральной исполнительной власти на соответствующей территории, при этом автором выделены и подробно исследуются параметры обеспечения соблюдения принципа единства государственной власти применительно к организации таковой на уровне регионов¹⁹. В отличие от других работ в данной области, ученый реализует системный подход к рассмотрению форм взаимодействия законодательных и исполнительных органов государственной власти регионального уровня, посвящая свои вдумчивые и критические замечания конкретным формам такого взаимодействия, возникающего при решении организационных задач, в рамках правотворческой деятельности, непосредственного государственного управления, при осуществлении взаимного контроля и последующего применения мер юридической ответственности (конституционной, политической), в рамках разрешения споров²⁰.

Не обходит своим вниманием В. А. Лебедев и историко-теоретические особенности «облика оригинальной российской модели разделения властей», формируемой на федеральном уровне. Здесь наиболее значимые работы автора посвящены модификации института Президента РФ и дискуссиям вокруг отнесения его к «четвертой» ветви государственной власти федерального уровня²¹, выбору и законодательному закреплению современной модели парламентаризма в России²² и другим, не менее значимым вопросам. Исследования В. А. Лебедева в данной части по-прежнему отличает

качественная проработка проблемы и наличие обоснованных предложений по развитию законодательства и практики государственного строительства. Так, к примеру, функции полномочных представителей Президента РФ рассматриваются в контексте исторических предпосылок формирования данного института и возможностей раскрытия его потенциала в деятельности по повышению эффективности работы всей системы федеральных органов государственной власти и организации контроля за исполнением их решений. Ученый приходит к справедливому выводу о необходимости расширения функций полномочных представителей Президента РФ по обеспечению единого правового пространства, предлагает конкретные изменения в объеме и количественной характеристике реализуемых ими полномочий²³.

Проведенная работа позволила В. А. Лебедеву в новейший период развития российской государственности разрешить критически важную для науки конституционного права проблему определения содержания категории «единая система публичной власти», в которой, по мнению ученого, незыблемыми остаются ценностные основы, определяющие деятельность федеральных и региональных органов власти, — суверенитет, поддержание и укрепление международного мира и безопасности, достоинство граждан и уважение человека труда, экономическая, политическая и социальная солидарность. Ключевую задачу при этом составляет уточнение форм реализации этих ценностных основ на местах, учитывающих, что субъекты РФ обладают своей собственной властью, действующей на той же территории, на которой действует государственная власть Российской Федерации²⁴. К числу особенно значимых научных достижений В. А. Лебедева, несомненно, относится установление концеп-

¹⁹ Лебедев В. А. Система органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации // Lex russica (Русский закон). 2016. № 3 (112). С. 82.

²⁰ Лебедев В. А. Историко-теоретические проблемы формирования концепции государственной власти в Российской Федерации // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 23.

²¹ Лебедев В. А. Институт Президента Российской Федерации: история становления, конституционно-правовой статус // Проблемы права. 2016. № 5 (59). С. 9–19.

²² Лебедев В. А. Современная модель парламентаризма в России // Проблемы права. 2021. № 3. С. 7–13.

²³ Лебедев В. А. Становление и развитие института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6 (46). С. 88.

²⁴ Лебедев В. А. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации как элемент единой системы публичной власти современной России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 42.

туальных предпосылок определения места органов государственной власти субъектов РФ в единой системе публичной власти, исследование правовых средств, обеспечивающих стабильность образуемой ими системы, наконец, характеристика содержания самой категории публичной власти, в которую аргументированно отнесены не только государственные органы и органы местного самоуправления, но и прямые формы народовластия, общественная власть в государстве²⁵. Рациональные и подчас строгие, критические рассуждения ученого сопровождают начавшийся процесс масштабного переосмысления конституционно-правовой роли системы публичной власти в России и отдельных ее институтов и в настоящее время распространяются на частные проблемы «встраивания» в такую систему законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ и механизм разделения властей на региональном уровне, уточнение конституционно-правовых характеристик и функционала высшего должностного лица субъекта РФ и т.д.²⁶

Об обеспечении единства законодательной системы страны. Особую ценность в трудах В. А. Лебедева составляет предметное рассмотрение проблем обеспечения единства законодательной системы страны, к которым ученый закономерно обращается по ходу исследования структурных компонентов регионального уровня государственной власти. Еще на рубеже веков им ставится вопрос о том, каким образом с точки зрения распределения полномочий в сфере законодательства должны устанавливаться «общие принципы» регулирования отдельных сфер жизнедеятельности (налогообложения, социальной сферы и др.), кто должен развивать эти «общие принципы» в отсутствие иных законодателей, помимо федерации и ее субъектов. Автор обоснованно обращает внимание на преждевременность отказа от категории основ законодательства РФ в период «парада суверенитетов». Единство законодательной системы исследуется им через призму концептуальных начал единства системы государственной власти, что позволяет выделить

его характеристики, выражающиеся в том числе в единых принципиальных основах всех видов правотворческого процесса, единой, иерархически построенной системе правовых актов, обязанности субъектов правотворчества проводить работу по координации правотворчества и разграничению между собой правотворческих полномочий.

Результатом кропотливой работы над данными проблемами становится монография В. А. Лебедева «Обеспечение единства системы отечественного законодательства в процессе правотворчества субъектов Российской Федерации», в которой автор подвергает всестороннему исследованию понятие и структуру системы законодательства Российской Федерации, причины появления и пути устранения противоречий, конфликтов и коллизий. Критическую массу в этом научном труде приобретают суждения В. А. Лебедева о двухкомпонентном характере права законодательной инициативы, реализуемого с участием субъектов РФ, об универсальном характере компонента федерального уровня, свидетельствующего о значительном потенциале регионов в определении федеральной законодательной политики. Наряду с этим, однако, ученый не избегает и замечаний, высказываемых в связи с обнаруживаемой потребностью в обеспечении реальной самостоятельности нормативных правовых актов субъектов РФ, издаваемых в рамках их исключительной компетенции. Ученый последовательно обосновывает, что формирующаяся законодательная система — при стремлении к сохранению единства и целостности — предрасположена к созданию внутри себя иерархии актов по видам, по субъектам их принятия, по важности регулируемых общественных отношений. При этом складывающаяся иерархическая структура в приведенном виде содержит в себе потенциал для разрешения коллизий и противоречий, возникновению которых способствует специфический предмет правового регулирования и связанная с ним деятельность субъектов правотворчества²⁷.

Любопытно, что именно в этом научном труде, посвященном единой системе законода-

²⁵ Лебедев В. А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 5.

²⁶ Лебедев В. А. Публичная власть в субъектах РФ: понятие, принципы, система // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 31–36.

²⁷ См.: Лебедев В. А. Обеспечение единства системы отечественного законодательства в процессе правотворчества субъектов Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2020. С. 78–103, 145–173.

тельства, В. А. Лебедев приходит к обоснованному отрицанию одной из широко постулируемых в теории отечественного конституционного права «истин» о том, что субъекты РФ обладают ограниченным суверенитетом исходя из послышки о двухуровневости его конструкции в федеративном государстве, справедливо отмечая, что «суверенитет в суверенитете» невозможен. Новая веха в развитии конституционно-правовых основ законодательной деятельности субъектов РФ предопределяется тезисом об особой сущности нормативных правовых актов, принимаемых на региональном уровне в рамках той категории полномочий, которые отнесены к исключительной компетенции субъектов РФ. По утверждению В. А. Лебедева, таковые являются не чем иным, как юридической формой осуществления полномочий, предусмотренных статьей 73 Конституции РФ. Здесь же ученым подробно исследуются проблемы содержательного развития законодательства на уровне субъектов РФ, требующего корректного отражения в законах географической и иной специфики каждого региона. Обосновывается набор правовых средств и инструментов, позволяющих достичь баланса полномочий по всем предметам совместного ведения, предполагающий, что по предметам совместного ведения в федеральных законах не могут содержаться нормы прямого действия, а лишь рамочные директивы, общие принципы, в пределах которых субъект РФ должен обладать свободой законодательного регулирования. Ученый отстаивает в завершённом варианте потребность в возвращении к практике принятия на федеральном уровне основ законодательства Российской Федерации по вопросам совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов²⁸.

О предпосылках и путях конституционной реформы. Особый блок в творчестве В. А. Лебедева составляют проблемы, связанные с прогнозированием конституционно-правового развития и исследованием переходного характера российской государственности. Еще в 2004 г. ученый ставит ребром такой сложный, но важ-

ный для науки конституционного права вопрос о том, как определить в конституционно-правовых терминах период времени, в котором мы сейчас живем, что мы строим и куда идем в части развития политической и правовой систем общества, гражданских институтов. В. А. Лебедев отмечает «пропасть» между конституционной моделью российского правового государства и посттоталитарной действительностью, полагая ее предпосылками сложность перехода от тоталитарного режима к наиболее развитым формам государственности и права, разбалансированность системы разделения властей, непрочность нормативного фундамента общественных отношений на федеральном и региональном уровне²⁹. В. А. Лебедев уже тогда будет рассматривать конституционную реформу не как сугубо технический процесс, а как сложный, обусловленный социально-экономическими и политическими предпосылками вид деятельности компетентных субъектов, нацеленный не на достижение абстрактного всеобщего блага, а на обеспечение устойчивого повышения уровня жизни населения и высоких темпов экономического роста, снижение социального неравенства, прочное утверждение экономической и политической роли страны в мировом сообществе. В дальнейшем стабильность российской Конституции не раз будет привлекать внимание ученого, приводя к рассуждениям о том, являются ли пробелы в Конституции РФ ее свойством, или они таят в себе потенциал масштабной реформы, каким образом следует разрешать противоречия, конфликты и коллизии в сфере конституционно-правового регулирования³⁰.

В 2018 г., когда подавляющее большинство ученых-конституционалистов будут писать о неисчерпанном потенциале действующего Основного Закона или необходимости выбора пути поступательных, преимущественно «технических» изменений, В. А. Лебедев смело и беспартийно заявит о жизненной необходимости принятия новой Конституции РФ³¹. Автором также будут обозначены факторы про-

²⁸ Лебедев В. А. Обеспечение единства системы отечественного законодательства в процессе правотворчества субъектов Российской Федерации. С. 5–58.

²⁹ Лебедев В. А. Конституционное развитие России (к десятилетию принятия Конституции РФ 1993 года) // Конституция как символ эпохи : в 2 т. / под ред. С. А. Авакьяна. М. : Изд-во МГУ, 2004. Т. 1. С. 100–106.

³⁰ Лебедев В. А. Коллизии в конституционном праве // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы : материалы секции конституционного и муниципального права V Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». М. : Проспект, 2014. С. 400–454.

³¹ Лебедев В. А. Конституционное развитие России // Lex russica (Русский закон). 2018. № 11 (144). С. 16–22.

ведения конституционной реформы, отмечено, в частности, что ее проведение существующим составом органов государственной власти позволит лишь закрепить в общественном сознании взаимосвязь между конституционными преобразованиями и общим политическим курсом, не решая задачи по обеспечению соответствия конституционных норм современным сложным правовым процессам. Тогда же ученым будет предложен комплексный подход к подготовке конституционной реформы, осуществлять которую, по мнению ученого, необходимо будет в сопровождении реализации отдельной федеральной программы, предусматривающей не только создание организационной, правовой и экономической основы проводимых коренных преобразований, но также мониторинг развития положений Конституции РФ в текущем законодательстве и целевые научные исследования.

Разумеется, невозможно оценить все достижения, научную и практическую значимость трудов В. А. Лебедева в границах одной обзорной статьи. Являясь с 2012 г. и по настоящее время профессором кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Валериан Алексеевич принимает самое активное участие в подготовке квалифицированных юридических кадров для юридической отрасли, продолжает исследовать актуальные и такие злободневные проблемы организации и деятельности законодательной и исполнительной власти субъектов РФ, обеспечения и защиты основополагающих прав личности, реализации принципов политического и идеологического плюрализма, многопартийности в Российской Федерации. К настоящему времени ученый является автором более 200 печатных работ, включая более 20 монографий, учебных и учебно-методических пособий, авторский учебник по конституционному праву России, неоднократно признававшийся победителем и лауреатом Всероссийского конкурса на лучшую юридическую книгу года (в 2008, 2009, 2011, 2013, 2016, 2017 гг.).

Вклад В. А. Лебедева в развитие науки и высшей школы страны признан занесением его имени в книгу почета «Золотые имена высшей школы» преподавателей вузов Российской

Федерации. Достижения В. А. Лебедева в научной, педагогической, экспертно-консультативной, издательской деятельности отмечены государственными наградами и почетными званиями, региональной премией Ассоциации юристов России, многочисленными благодарностями.

Заключение

Вместе с тем краткий очерк научного пути и основных достижений ведущего ученого-конституционалиста и педагога дает возможность подчеркнуть критически важную роль научного творчества Валериана Алексеевича Лебедева для переходного и современного периода развития отечественной государственности, отметить глубину и острый, проблемный характер его исследований, уникальную научную прозорливость ученого, не только предвидевшего конституционную реформу, но и раскрывшего ее ключевые понятия-новеллы, подводные камни и перспективы совершенствования конкретных конституционно-правовых институтов. Сформировав концептуальные начала качественно новой конституционно-правовой идеологии российского государства — идеологии «суверенной демократии», В. А. Лебедев смог привлечь внимание научного сообщества и государственных институтов к потребности построения подлинного народовластия, обеспечить необходимым теоретическим фундаментом в виде парадигмы единой системы публичной власти масштабную перестройку конфигурации системы органов государственной власти в стране. Предметное изучение современных и прошлых научных трудов ученого, несомненно, представляет особую, самостоятельную ценность для науки конституционного права, поскольку предметом исследования в них являются ключевые понятия и категории теории российского конституционализма, от правильного понимания которых зависит эффективность построения конституционно-правовых основ современного российского государства, сама возможность его дальнейшего развития в направлении достижения социальной справедливости, всестороннего обеспечения и защиты базовых прав и законных интересов личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Конституционный и отраслевой статус личности : учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Лебедева. М. : Проспект, 2021. 120 с.
- Лебедев В. А. Государственная власть и политические партии в современной России: конституционно-правовые проблемы их взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 26–30.
- Лебедев В. А. Демократия и суверенитет: проблемы и перспективы // Материалы II Московского юридического форума «Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения» (Кутафинские чтения) : сборник докладов. М. : Проспект, 2015. С. 21–27.
- Лебедев В. А. Защита прав и свобод человека и гражданина Конституционным Судом Российской Федерации // Проблемы права. 2019. № 1. С. 7–14.
- Лебедев В. А. Институт Президента Российской Федерации: история становления, конституционно-правовой статус // Проблемы права. 2016. № 5 (59). С. 9–19.
- Лебедев В. А. Историко-теоретические проблемы формирования концепции государственной власти в Российской Федерации // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 10–26.
- Лебедев В. А. Коллизии в конституционном праве // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы : материалы секции конституционного и муниципального права V Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения». М. : Проспект, 2014. С. 40–45.
- Лебедев В. А. Конституционная идеология — идеология демократии // Современные проблемы конституционного и муниципального строительства: опыт России и зарубежных стран : сборник статей / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : РоЛИКС, 2010. С. 40–44.
- Лебедев В. А. Конституционное развитие России (к десятилетию принятия Конституции РФ 1993 года) // Конституция как символ эпохи : в 2 т. / под ред. С. А. Авакьяна. Т. 1. М. : Изд-во МГУ, 2004. С. 100–106.
- Лебедев В. А. Конституционное развитие России // Lex russica (Русский закон). 2018. № 11 (144). С. 16.
- Лебедев В. А. Конституционно-правовая охрана и защита прав и свобод человека и гражданина в России (теория и практика современности) : монография. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005.
- Лебедев В. А. Конституционные ограничения правового статуса личности // Проблемы права. 2021. № 2 (81). С. 7–15.
- Лебедев В. А. Конституционный идеал и политическая реальность: парадоксы российской многопартийности // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 8. С. 23–27.
- Лебедев В. А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 3–6.
- Лебедев В. А. Обеспечение единства системы отечественного законодательства в процессе право-творчества субъектов Российской Федерации : монография. М. : Проспект, 2020. 178 с.
- Лебедев В. А. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 26–29.
- Лебедев В. А. Особенности формирования органов законодательной власти в субъектах Российской Федерации // Проблемы права. 2014. № 2 (45). С. 16–29.
- Лебедев В. А. Права молодежи в Российской Федерации // Проблемы права. 2022. № 2. С. 78–83.
- Лебедев В. А. Проблемы становления и развития концепции суверенной демократии // Суверенная демократия как конституционная идея России XXI века : сборник статей / под ред. В. А. Лебедева, В. В. Киреева. Челябинск, 2008. С. 5–13.
- Лебедев В. А. Публичная власть в субъектах РФ: понятие, принципы, система // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 6. С. 31–36.
- Лебедев В. А. Система органов законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации // Lex russica. 2016. № 3 (112). С. 82–90.
- Лебедев В. А. Современная модель парламентаризма в России // Проблемы права. 2021. № 3. С. 7–13.
- Лебедев В. А. Становление и развитие института полномочного представителя Президента Российской Федерации в федеральном округе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 6 (46). С. 88–96.
- Лебедев В. А., Кандалов П. М., Неровная Н. Н. Партии на выборах: опыт, проблемы, перспективы. М. : Изд-во МГУ, 2006. 288 с.
- Лебедев В. А., Киреев В. В. Главное — конституционализм (пути развития российской демократии) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 2–8.

Лебедев В. А., Киреев В. В. Об инструментальной роли науки конституционного права в период социальных преобразований // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 22. С. 7–11.

Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации : учеб. пособие / под общ. ред. В. А. Лебедева. М. : Проспект, 2021. 168 с.

REFERENCES

Lebedev VA (ed.). Human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: Study Guide. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).

Lebedev VA, Kandalov PM, Nerovnaya NN. Parties in elections: Experience, problems, prospects. Moscow: Moscow State University Publishing House; 2006. (In Russ.).

Lebedev VA, Kireev VV. On the instrumental role of the science of constitutional law in the period of social transformations. *Constitutional and Municipal Law*. 2007;22:7-11. (In Russ.).

Lebedev VA, Kireev VV. The main thing is constitutionalism (ways of Russian democracy development). *Constitutional and Municipal Law*. 2012;2:2-8. (In Russ.).

Lebedev VA (ed.). Constitutional and sectoral status of the individual: Study guide. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).

Lebedev VA. Conflicts in Constitutional Law. In: *Constitutionalism and the legal system of Russia: results and prospects*: Proceedings of the Constitutional and Municipal Law Section of the 5th International Scientific and Practical Conference «Kutafin Readings». Moscow; Prospect Publ., 2014. (In Russ.).

Lebedev VA. Constitutional development of Russia (To the 10th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993). In: Avakyan SA (ed.). *The Constitution as a symbol of the epoch*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Moscow State University Publishing House; 2004. (In Russ.).

Lebedev VA. Constitutional Development of Russia. *Lex russica (Russian Law)*. 2018;11(144):16. (In Russ.).

Lebedev VA. Constitutional ideology — the ideology of democracy. In: Avakyan SA (ed.). *Modern problems of constitutional and municipal construction: the experience of Russia and foreign countries*: Collection of articles. Moscow: RoLiX Publ.; 2010. (In Russ.).

Lebedev VA. Constitutional law protection and protection of human and civil rights and freedoms in Russia (theory and practice of modernity). Moscow: Moscow State University Publishing House; 2005. (In Russ.).

Lebedev VA. Constitutional restrictions on the legal status of an individual. *Problemy prava*. 2021;2(81):7-15. (In Russ.).

Lebedev VA. Democracy and Public Power. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;3:3-6. (In Russ.).

Lebedev VA. Democracy and sovereignty: problems and prospects. In: *Proceedings of the 2nd Moscow Legal Forum «State Sovereignty and the Rule of Law: International and National Dimensions» (Kutafin Readings)*: Collection of Reports. Moscow; Prospect Publ., 2015. (In Russ.).

Lebedev VA. Ensuring human and civil rights and freedoms in the constituent entities of the Russian Federation. *Constitutional and Municipal Law*. 2016;12:26-29. (In Russ.).

Lebedev VA. Ensuring the unity of the system of national legislation in the process of law-making of the constituent entities of the Russian Federation. Moscow: Prospect Publ.; 2020. (In Russ.).

Lebedev VA. Features of the legislative authorities formation in the constituent entities of the Russian Federation. *Problemy prava*. 2014;2(45):16-29. (In Russ.).

Lebedev VA. Formation and development of the Institute of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Federal District. *Kurier of Kutafin University (MSAL)*. 2018;6(46):88-96. (In Russ.).

Lebedev VA. Government and Political Parties in the Present-Day Russia: Constitutional Law Issues of Interaction. *Constitutional and Municipal Law*. 2017;11:26-30. (In Russ.).

Lebedev VA. Historical and theoretical problems of formation of the state authority concept in the Russian Federation. *Problemy prava*. 2013;1(39):10-26. (In Russ.).

Lebedev VA. Institute of the President of the Russian Federation: history of formation, constitutional law status. *Problemy prava*. 2016;5(59):9-19. (In Russ.).

Lebedev VA. Problems of formation and development of the concept of sovereign democracy. In: Lebedev VA, Kireev VV (eds.). *Sovereign democracy as a constitutional idea of Russia of the 21st century*: Collection of articles. Chelyabinsk; 2008. (In Russ.).

Lebedev VA. Protection of human and civil rights and freedoms by the Constitutional Court of the Russian Federation. *Problemy prava*. 2019;1:7-14. (In Russ.).

Lebedev VA. Public power in the constituent entities of the Russian Federation: Concept, principles, system. *Constitutional and Municipal Law*. 2022;6:31-36. (In Russ.).

Lebedev VA. The constitutional ideal and political reality: paradoxes of the russian multiparty system. *Constitutional and Municipal Law*. 2013;8:23-27. (In Russ.).

Lebedev VA. The modern model of parliamentarism in Russia. *Problemy prava*. 2021;3:7-13. (In Russ.).

Lebedev VA. The system of legislative and executive bodies in the constituent entities of the Russian Federation. *Lex russica (Russian Law)*. 2016;3(112):82-90. (In Russ.).

Lebedev VA. Youth rights in the Russian Federation. *Problemy prava*. 2022;2:78-83. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зенин Сергей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, директор Института государства и права, проректор Тюменского государственного университета
д. 6, Володарского ул., г. Тюмень 625003, Российская Федерация
zeninsergei@mail.ru

Дудко Игорь Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
igdudko@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey S. Zenin, Cand. Sci. (Law), Law, Associate Professor, Director of the Institute of State and Law; Vice-Rector, Tyumen State University
6, Volodarskogo St., Tyumen 625003, Russian Federation
zeninsergei@mail.ru

Igor G. Dudko, Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
igdudko@msal.ru

Статья поступила в редакцию 14 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 6 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 14.05.2023

Revised 06.06.2023

Accepted 15.09.2023

Е. Е. Богданова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Многоотраслевая природа принципа добросовестности в российском праве

Резюме. В статье автор исследует процессы изменения законодательства России, которые отражают общие направления, тенденции, сформировавшиеся в обществе. Автором формулируется вывод, что, анализируя тенденции развития отечественного и зарубежного права, можно спрогнозировать основные направления развития законодательства, в том числе особенности применения принципа добросовестности.

В работе отмечается, что одной из тенденций, сложившейся в зарубежных правовых системах, является конституционализация частного права и усиление начал социализации права, выразившихся в эволюции принципа добросовестности. Другим направлением, сформировавшимся в праве, по мнению автора, является распространение принципа добросовестности в публичных правоотношениях, в силу чего этот принцип применяется, в частности, в налоговых отношениях.

В итоге проведенного исследования автор приходит к выводу, что в целях обеспечения единообразия конституционно-правового подхода применения принципа добросовестности, учитывая, что конституционные нормы, принципы и ценности должны выступать непосредственными регуляторами общественных отношений в рамках процесса социализации права, который осуществляется одновременно с постепенным размыванием разграничительной линии между частным и публичным правом, целесообразно распространять гражданско-правовые подходы применения принципа добросовестности, как наиболее эффективные и разработанные, на другие отрасли права, что будет соответствовать многоотраслевой природе данного принципа.

Ключевые слова: принцип добросовестности; частное право; публичное право; социализация права; конституционализация права; осмотрительность; разумность; состав правонарушения; виновность; способы защиты субъективных прав; юридическая ответственность

Для цитирования: Богданова Е. Е. Многоотраслевая природа принципа добросовестности в российском праве. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 23–35. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.023-035

A Diversified Nature of the Principle of Good Faith in Russian Law

Elena E. Bogdanova

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the article, the author examines the processes of changing legislation in Russia that reflect the general trends formed in society. The author concludes that by analyzing the trends in the development of domestic and foreign law, it is possible to predict the main directions of the development of legislation, including specific nature of the application of the principle of good faith.

The paper notes that one of the trends that have developed in foreign legal systems is the constitutionalization of private law and the strengthening of the principles of socialization of law, expressed in the evolution of the

principle of good faith. Dissemination of the principle of good faith in public legal relations forms another direction in law that, according to the author, means dissemination of the principle of good faith in public legal relations, which is why this principle is applied, in particular, in tax relations.

As a result of the study, the author comes to the conclusion that in order to ensure uniformity of the constitutional law approach to the application of the principle of good faith, given that constitutional norms, principles and values should act as direct regulators of public relations within the process of socialization of law that is carried out simultaneously with the gradual blurring of the dividing line between private and public law, it is advisable to distribute civil law approaches to applying the principle of good faith as the most effective and developed, to other branches of law, which will correspond to the diversified nature of this principle.

Keywords: principle of good faith; private law; public law; socialization of law; constitutionalization of law; prudence; reasonableness; composition of the offense; guilt; ways to protect subjective rights; legal responsibility

Cite as: Bogdanova EE. A Diversified Nature of the Principle of Good Faith in Russian Law. *Lex russica*. 2023;76(10):23-35. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.023-035

Введение

Масштабные изменения, происходящие в настоящее время в России, отражающие общие направления, тенденции, сформировавшиеся в обществе, получают закрепление в правовых нормах. Следует при этом иметь в виду, что российское право не изолировано от зарубежных правовых порядков и достаточно активно воспринимает влияние извне. Анализируя тенденции развития отечественного и зарубежного права, можно спрогнозировать основные направления развития законодательства, касающиеся применения принципа добросовестности.

Так, одной из тенденций, сложившейся в зарубежных правовых порядках, является конституционализация частного права и усиление начал социализации права, выразившихся, в частности, в эволюции принципа добросовестности.

Другим сформировавшимся в законодательстве направлением является распространение принципа добросовестности на публичные правоотношения, в силу чего принцип добросовестности применяется, в частности, в налоговых отношениях. В этой связи представляется необходимым более подробное исследование специфики развития данных тенденций в отечественном праве.

Принцип добросовестности и конституционализация гражданского права

В последнее время в зарубежных правовых порядках наметилась тенденция к конституционализации гражданского права, которая проявилась, например, в новом Гражданском кодексе Чехии (вступил в силу с 1 января 2014 г.), согласно статье 2 которого каждая частноправовая норма должна пониматься в соответствии с Хартией основных прав и свобод и конституционным порядком, а также принципами, которые лежат в основе права, и с постоянной заботой о ценностях, которые они защищают.

Таким образом, конституционные нормы, принципы и ценности становятся непосредственными регуляторами частноправовых отношений, что приводит к тому, что такие отношения перестают быть сферой исключительно частного произвола индивидов, но становятся пространством для их кооперации и сотрудничества¹.

Как отмечают Lucas Abreu Barroso и Laio Portes Sthel, конституционализированное гражданское право может трактоваться как кульминация по обновлению основ в частном праве на базе демократической конституции. Провозглашая справедливость, солидарность и человеческое достоинство, конституция помогает нам увидеть потребность в демократизации гражданского права, начиная с изменения его основ, то есть вместо имущества человек становится предельным основанием частного права².

¹ Богданов Д. Е. Тенденция социализации и гуманизации гражданского права как одно из направлений социально-экономических реформ // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ. Национальные приоритеты и проекты : сборник материалов конференции. Вологда, 2021. С. 36.

² Barroso L. A., Sthel L. P. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity // Journal of Civil Law Studies. 2015. Vol. 8. № 1. P. 187–207.

Представляет интерес то, что в российской цивилистике высказывались аналогичные идеи в отношении гуманизации и социализации гражданского права, в том числе связанные с изменением акцентов в предмете гражданского права — постановкой на первый план именно неимущественных отношений³. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации появились законодательные нормы (ст. 1, 10, 307), посредством которых суды могут распространять конституционные ценности в сферу частноправовых отношений, которые выражены, например, в ст. 2 (человек, его права и свободы являются наивысшей ценностью) и ст. 7 (принцип социального государства) Конституции РФ.

М. Хесселинк приходит к выводу, что в настоящий момент обнаруживается тенденция к социализации гражданского права, которая протекает как законодательно, так и путем применения судами общих оговорок, например о добросовестности (*good faith*)⁴. Соглашались с данным тезисом и бразильские цивилисты, полагая, что «понимание объективной добросовестности должно основываться на другой перспективе... которая эффективно ставит гражданское право и его институты на службу человеческой личности»⁵. В этой связи, по мнению отдельных зарубежных ученых, процесс социализации гражданского права осуществляется одновременно с постепенным размыванием разграничительной линии между частным и публичным правом⁶.

Рассуждая о конституционализации, следует отметить, что в доктрине вопрос о применении конституционных прав и ценностей в сфере частных отношений остается дискуссионным, поскольку относительно этой проблемы существуют два противоположных подхода — концепции прямого и косвенного воздействия.

Так, И. А. Алешкова отмечала, что прямое действие Конституции реализуется в рамках процессуальной деятельности и представляет собой применение конкретной конституционной нормы (конституционных норм) как непосредственно, так и в совокупности с нормами других законов, конкретизирующих ее положения, при обосновании и вынесении судебного решения. Косвенное применение осуществляется судами общей юрисдикции в рамках процессуальной деятельности и представляет собой применение нормы закона, которой конституционная норма была конкретизирована в совокупности с правовыми позициями Конституционного Суда РФ⁷.

В свою очередь, Б. И. Кожохин заключает, что прямое действие Конституции ограничено и не может рассматриваться в качестве единственного способа ее реализации. По его мнению, Конституция как юридический акт, составляющий фундамент всей правовой системы государства, в процессе применения реализуется и непосредственно (как политико-правовой документ прямого действия), и с помощью всей совокупности юридических, политических и морально-этических норм, используемых в данном государстве⁸.

Интересно, что Конституционный суд ФРГ долгое время придерживался подхода косвенного воздействия (*indirect effect*) Основного закона на сферу частноправовых отношений. В качестве примера конституционализации гражданского права представляет интерес следующее решение (BVerfG 19.10.1993, BVerfGE 89, 214 (Bürgschaft)). Суд принял во внимание то обстоятельство, что совершеннолетняя, но молодая дочь (21 год) должника, не успевшая получить образование, занятая на неквалифицированной работе на рыбной фабрике, выступила поручителем в отношении обязательств

³ См. более подробно: Богданов Е. В. Социализация гражданского права России как основа его модернизации // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 5 (174). С. 9–17.

⁴ Hesselink M. W., Mak Ch., Rutgers J. W. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference. Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series № 2009/05. P. 7–8. URL: <http://ssrn.com/abstract=1413089> (дата обращения: 10.08.2023).

⁵ Barroso L. A., Sthel L. P. Op. cit. P. 207.

⁶ Hesselink M. W., Mak Ch., Rutgers J. W. Op. cit.

⁷ Алешкова И. А. Итоги весенней школы молодых ученых «Актуальные проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации» // *Российское правосудие*. 2014. № 6. С. 109–112.

⁸ Кожохин Б. И. Некоторые особенности реализации российской Конституции // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право. 1996. Вып. 2. С. 87–93.

своего отца на сумму в 50 тыс. евро. Фактически суд признал недействительным договор о поручительстве, хотя он был заключен дочерью в соответствии с ее конституционным правом автономии личности, которое вытекает из конституционного права на свободное развитие личности во взаимодействии с принципом социального государства (ч. 1 ст. 2 и ч. 1 ст. 28 Основного закона ФРГ). По мнению немецкого суда, в случаях, когда «структурное неравенство в имущественной самостоятельности» приводит к договору, в котором существенным образом обременена слабая сторона, суды обязаны защищать конституционное право автономии личности этой стороны путем вмешательства в рамках общих принципов добрых нравов и добросовестности, закрепленных в ч. 1, § 138 и § 242 Германского гражданского уложения⁹.

По другому делу (BVerfG 07.02.1990, BVerfGE 81, 242 (Handelsvertreter)) немецкий суд признал недействительной оговорку об отказе конкурировать в договоре между агентом и его принципалом, посчитав ее противоречащей конституционному праву агента свободно заниматься профессиональной деятельностью. Согласно данному условию, агенту запрещалось заключать аналогичные договоры с конкурентами принципала в течение двух лет с момента прекращения договорных отношений. Следует отметить, что такое условие договора соответствовало норме Германского торгового уложения (ст. 90а). Однако Конституционный суд ФРГ указал на то, что в случае неравенства переговорных возможностей, когда экономически более сильная сторона имеет возможность диктовать условия другой стороне договора, частное право не способно обеспечить справедливый баланс интересов участников догово-

ворных отношений и судебная система обязана восстановить паритет в целях защиты конституционных прав прежде всего слабой стороны договора¹⁰.

Многие российские ученые — судьи Конституционного Суда РФ — являются сторонниками теории судебного конституционализма. Как отмечает Н. С. Бондарь, «свою полноту верховенство права приобретает тогда, когда сам закон оказывается в подчинении правовым целям и ценностям и заключает в себе не любое произвольное, но правовое содержание, а само право воплощается в законе как в необходимом источнике своего существования»¹¹. В то же время данные проблемы в настоящее время не находятся в центре внимания российской цивилистики. Поэтому вопросы конституционализации российского гражданского права разрабатываются в основном представителями науки российского конституционного права.

Как справедливо утверждает Г. А. Гаджиев, «одновременное участие в механизме правового регулирования предполагает совпадение интерпретации норм конституционного и гражданского права. А между тем вполне возможны ситуации, когда суды общей юрисдикции, применяющие нормы гражданского права, не учитывают одновременное регулирование соответствующих отношений нормами конституционного права либо вкладывают в нормы частного права смысл, отличный от конституционно-правового смысла гомогенных норм»¹².

Так, одним из примеров осуществленного воздействия конституционных норм на гражданско-правовые отношения является постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П¹³, в котором отмечается, что по Закону об ОСАГО расходы на восстановительный ремонт

⁹ Cherednychenko O. The harmonisation of contract law in Europe by means of the horizontal effect of fundamental rights // Erasmus law rev. Rotterdam, 2007. Vol. 1, № 1. P. 37–57.

¹⁰ Cherednychenko O. Op. cit.

¹¹ Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, 2011. С. 54.

Как указывает в этой связи Г. А. Гаджиев, судебный конституционализм в качестве одной из духовных предтеч имеет институт пророчества, см.: Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 157.

¹² Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2003.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2017 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой и других» (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

автомобиля возмещаются с учетом износа подлежащих замене комплектующих изделий (деталей, узлов и агрегатов). Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, данное правило, предназначенное исключительно для ОСАГО, не распространяется на деликтные правоотношения. Таким образом, при определении размера убытков, подлежащих возмещению причинителем вреда, надлежит учитывать полную стоимость новых деталей, узлов и агрегатов.

Подобная ситуация контрастирует с зарубежной цивилистикой, поскольку проблема конституционализации гражданского права не ограничена практикой юристов Германии, данным вопросом занимаются цивилисты и других европейских стран¹⁴.

Принцип добросовестности в семейном праве

Безусловно, что гражданское законодательство в сфере регулирования договорных отношений обладает более эффективным правовым инструментарием касательно обеспечения пропорциональности прав и обязанностей сторон договора при применении принципа добросовестности, чем нормы семейного права. В связи с этим возникает вопрос о возможности его применения к семейно-правовым соглашениям, учитывая, что гражданское законодательство в этой ситуации применяется в дополнительном (субсидиарном) порядке: постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений (ст. 4 СК РФ).

По данному вопросу представляет интерес позиция Конституционного Суда РФ, который в своем определении¹⁵ указал, что, допустив возможность договорного режима имущества супругов, федеральный законодатель — исходя из необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота, а также защиты интересов кредиторов от недобросовестного поведения своих контрагентов, состоящих в брачных отношениях, и учитывая, что в силу брачного договора часть общего имущества супругов мо-

жет перейти в собственность того супруга, который не является должником, — предусмотрел в п. 1 ст. 46 СК РФ обращенное к супругу-должнику требование уведомлять своего кредитора обо всех случаях заключения, изменения или расторжения брачного договора и его обязанность — отвечать по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора, если он указанное требование не выполняет. Таким образом, в случае заключения супругами брачного договора не извещенный об этом факте кредитор изменением режима имущества супругов юридически не связан и по-прежнему вправе требовать обращения взыскания на имущество, перешедшее согласно брачному договору супругу должника.

В то же время в отношении пределов судебного усмотрения по данной проблеме М. М. Агарков признавал, что «сторонники теории злоупотребления правом должны сформулировать критерий, который укажет суду, в каком направлении он должен пользоваться предоставленным ему правомочием... Как и во всех случаях судебного усмотрения, лицо узнаёт о границах своего права не заранее из закона, а *post factum* из судебного решения»¹⁶.

Так, по одному из споров банк в порядке ст. 10, 170 ГК РФ предъявил иск к супругам К. о применении последствий недействительности ничтожной сделки — брачного договора. Брачным договором супруги произвели раздел совместно нажитого имущества, передав супруге недвижимое имущество, супругу — бизнес. В ходе исполнительного производства судебным приставом-исполнителем денежных средств, движимого и недвижимого имущества у К. Н. (солидарного должника) не выявлено. Суд установил, что брачный договор был заключен до предъявления иска к кредитору и поручителю. Доказательств того, что в результате совершения оспариваемого брачного договора нарушены интересы истца в предпринимательской или иной хозяйственной деятельности, представлено не было. В действиях ответчиков по фактическому разделу супружеского имуще-

¹⁴ См., например: *Alpa G., Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Routledge-Cavendish, 2007. P. 5–8*; *Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. Iss. 2. P. 235–258.*

¹⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 13.05.2010 № 839-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Козловой Марины Николаевны и Козлова Сергея Сергеевича на нарушение их конституционных прав пунктом 1 статьи 46 Семейного кодекса Российской Федерации».

¹⁶ *Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. 1946. № 6.*

ства отсутствовали признаки злоупотребления правом¹⁷.

Следует отметить, что в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» при оценке добросовестности действий субъекта рекомендовано исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей в том числе в получении необходимой информации.

Однако применение основного принципа гражданского права — принципа добросовестности в семейно-правовых отношениях — вызывает у правоприменителя значительные трудности. Более того, возникает вопрос о целесообразности применения данного принципа и пределов его применения судом при разрешении семейно-правовых споров. Так, С. Ю. Чашкова приходит к выводу о том, что в семейном законодательстве данная категория раскрывается не через субъективное свойство лица, а через объективную категорию — нарушение прав супруга, что обусловлено потребностями юридической техники или желанием продемонстрировать отраслевую самобытность семейных отношений¹⁸. Н. А. Темникова полагает, что на подходы судов в квалификации добросовестного поведения членов семьи и ее бывших членов влияет специфика института, в рамках которого происходит разбирательство. Само понимание добросовестности члена семьи судом непосредственно зависит от методологических институциональных особенностей и субъектного состава спора¹⁹.

В научных исследованиях, посвященных проблемам семейного права, часто употребляется понятие «лично-доверительный характер семейных отношений». Так, Н. Д. Егоров пишет: «Как имущественно-стоимостные, так и личные

неимущественные отношения в семье приобретают лично-доверительный характер, оказывающий влияние и на особенности их гражданско-правового регулирования»²⁰.

В этой связи Л. Ю. Михеева ставит вопрос о том, насколько возможно в семейных отношениях прямое действие правил ГК РФ о добросовестности. «Обязанность действовать добросовестно (п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ), как представляется, бесспорна и должна существовать также в семейных отношениях. Однако презумпция добросовестности (п. 5 ст. 10 ГК РФ), которую во многих случаях опровергать придется слабой стороне семейного правоотношения, требует отдельного осмысления применительно к семейному законодательству»²¹.

В то же время суды при разрешении отдельных семейных споров дают оценку добросовестности поведения участников. Так, по одному из дел суд признал: законодатель, наряду с презумпцией согласия супруга на распоряжение совместным имуществом другим супругом, закрепил также пределы осуществления семейных прав не вопреки интересам другого супруга, т.е. недопустимость злоупотребления правами²².

Но в целом в настоящее время судебная доктрина оценивает добросовестность членов семьи уже в случае прекращения семейных отношений, что не может не вызывать критику такого подхода. Совершенно очевидно, что недобросовестное поведение членов семьи по отношению друг к другу, злоупотребление ими своими правами может иметь место и в рамках семейных отношений, когда их участники осуществляют свои права в противоречии с их сущностью и доверительным характером. При оценке добросовестности субъекта суд оценивает различные обстоятельства: какие интересы преследует управомоченный субъект при осуществлении субъективного права; какие неблагоприятные последствия для других лиц повлекли действия управомоченного субъекта; учитывало

¹⁷ Решение Одинцовского городского суда Московской области по делу № 2-3560/11 // СПС «Судовед». URL: <http://sudoved.ru> (дата обращения: 12.08.2023).

¹⁸ Чашкова С. Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 47–52.

¹⁹ Темникова Н. А. Имущественные отношения в семье: доверительность vs. добросовестность // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 82–84.

²⁰ Егоров Н. Д. Семейное право и семейное законодательство // Гражданское право. М., 1999. Ч. 3. С. 204.

²¹ Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.] ; под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019.

²² Определение Верховного Суда РФ от 30.08.2016 № 5-КГ16-119 // СПС «Гарант».

ли управомоченное лицо интересы других лиц при реализации права; могут ли вследствие отказа от защиты права пострадать интересы управомоченного лица и как они соотносятся с характером вредных последствий для других лиц, наступивших вследствие его действий, и др.

Учитывая, что отношения между супругами по распоряжению общим имуществом в большей мере остаются семейно-правовыми, к ним применяется пункт 2 ст. 7 СК РФ, предусматривающий, что суд может отказать в защите субъективного права супруга, осуществившего его в противоречии с назначением. Однако, на наш взгляд, вполне уместно говорить о распространении на участников семейных отношений гражданско-правовых требований о добросовестности²³. Так, в случае несоблюдения данных требований лицу может быть отказано в защите принадлежащего ему права (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В науке семейного права не все разделяют такой подход. В частности, С. Ю. Чашкова отмечает, что доверительный характер семейных отношений, подпадающих под влияние морально-этических правил, делает невозможным предъявление к правовому регулированию и осуществлению семейных прав принципа добросовестности, так как оно будет «ненужным мерилom субъективного отношения лица к своему поведению», которое соотносится членом семьи в большей степени через нравственные категории²⁴.

Данное противопоставление основ гражданского и семейного права представляется, на наш взгляд, искусственным. Введение в гражданское законодательство принципа добросовестности в качестве одного из наиболее общих и важных принципов гражданского права является мерой, направленной на укрепление нравственных начал гражданско-правового регулирования. Именно с позиции нравственности следует подходить к оценке поведения субъекта права как добросовестного (нравственного) или недобросовестного (безнравственного): поведение участников гражданского оборота,

отражающее представление общества о добре, следует считать нравственным, следовательно, добросовестным; поведение, отражающее представление о зле, — соответственно безнравственным и недобросовестным. Из этого вытекает, что безнравственное поведение субъекта не может быть добросовестным, а недобросовестное поведение — нравственным²⁵.

В этой связи следует отметить, что Конституционный Суд РФ признал действие категории «добросовестность» в семейно-правовых отношениях. Так, постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2010 № 17-П «По делу о проверке подпункта “з” пункта 2 Перечня видов заработной платы и иного дохода, из которых производится удержание алиментов на несовершеннолетних детей, в связи с жалобой гражданина Л. Р. Амаякяна»²⁶ содержит вывод о том, что приоритет добровольного исполнения родительской обязанности по предоставлению содержания несовершеннолетним детям базируется на презумпции добросовестности родительской заботы о детях.

В литературе отмечается, что возведение категории «добросовестность» в ранг презумпции в целях процессуального доказывания ни в коей мере не определяет возникновение препятствий для ее применения в качестве принципа материально-правовых отраслей права²⁷. Представляется, однако, что не следует рассматривать категорию добросовестности в контексте правовой презумпции.

Как верно замечает А. В. Шухарева, возможность опровержения презумпции добросовестности не означает наличие вероятности отступления от принципа добросовестности, не является пробелом, а, наоборот, означает, что данный принцип пронизывает всю отрасль, обязывая всех без исключения быть добросовестными в своих действиях²⁸. Однако презумпция добросовестности акцентирует внимание суда и участников на процессуальной стороне возникшего спора. Гораздо важнее, чтобы субъекты семейных правоотношений были

²³ Тарусина Н. Н. Семейное право в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М., 2014. С. 67–68.

²⁴ Чашкова С. Ю. Указ. соч. С. 52.

²⁵ Богданова Е. Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex russica. 2016. № 1. С. 180.

²⁶ Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

²⁷ См.: Принципы гражданского права и их реализация : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М. : Проспект, 2017. С. 94.

²⁸ Шухарева А. В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9–11.

ориентированы на добросовестное поведение как единственно возможное. Такое воздействие на участников семейных правоотношений может обеспечить только включение принципа добросовестности в качестве основного начала семейно-правового регулирования.

Таким образом, можно заключить, что изменение вектора развития общественных отношений в направлении социализации действующего законодательства не может не влиять на правовое регулирование института семьи, в частности с учетом увеличения значимости экономической (имущественной) составляющей брачных (семейных) отношений. Данная тенденция не в полной мере учитывается законодателем, что обуславливает проблемы применения правовых норм, регулирующих вещно-правовой аспект семейных отношений, обязательственную сферу взаимоотношений в семье, семейное предпринимательство и др. В этой связи судебная доктрина вынуждена устранять противоречия и пробелы законодательства в данной области, что, конечно, является лишь временным средством разрешения семейно-правовых конфликтов и доказывает необходимость системного реформирования семейного законодательства, в частности включения принципа добросовестности в качестве основного начала семейного права.

Принцип добросовестности в налоговом законодательстве. Специфика законодательных подходов по применению принципа добросовестности в налоговом и гражданском праве

Диспозитивный метод правового регулирования в значительной мере предопределил основополагающее значение принципа добросовестности в гражданском праве. В то же время, несмотря на конституционные основы данного

принципа, вопрос о его значении в отраслях публичного права, основанных на преобладании императивного метода правового регулирования, долгое время был дискуссионным.

Однако еще в 2001 г. Конституционный Суд РФ признал, что «по смыслу положения, содержащегося в пункте 7 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации, в сфере налоговых отношений действует презумпция добросовестности налогоплательщиков»²⁹. К. В. Нам в этой связи полагает, что «мысли о необходимости подчинения публично-правовых формальных норм идеям справедливого регулирования, обеспечения интересов прежде всего лиц, находящихся в нижней части властно-правовой вертикали, получили свое распространение и в этой области»³⁰.

В 2017 г. в Налоговый кодекс РФ была включена статья 54.1 «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», которая запрещает налогоплательщику недобросовестные действия по уменьшению налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога в результате искажения сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика»³¹.

При этом в доктрине и судебной практике толкование данной статьи НК РФ вызвало противоречивые суждения, в частности относительно содержания недобросовестных действий налогоплательщика, направленных на уменьшение налоговой базы.

В соответствии с разъяснениями Конституционного Суда РФ, нашедшими отражение в определении от 29.09.2020 № 2311-О³², следует признать, что статья 54.1 НК РФ направлена на конкретизацию механизма налогового контроля таким образом, чтобы поддерживался баланс частных и публичных интересов в про-

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 № 138-О «По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12.10.1998 по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»».

³⁰ Нам К. В. История развития принципа добросовестности (Treu und Glauben) в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С. 74.

³¹ Федеральный закон от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³² Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2020 № 2311-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Саратов-Холод Плюс» на нарушение консти-

цессе выявления незаконного уменьшения налогоплательщиком налоговой базы, и указывает на обстоятельства и условия, которые принимаются во внимание налоговым органом при квалификации действий налогоплательщика как незаконных. Таким образом, при выявлении фактов получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды налоговый орган обязан проверить, осуществлялась ли субъектом в действительности хозяйственная деятельность, не подменяемая формальным документооборотом, совершались ли сторонами гражданско-правовые сделки, выявить их экономическое содержание, а также установить реальный размер имеющихся налоговых обязательств. Существенное внимание при рассмотрении данных обстоятельств уделялось анализу поведения налогоплательщика при выборе контрагента в ходе совершения сделки.

Так, по одному из споров Верховный Суд РФ отметил, что при выборе контрагента налогоплательщик руководствуется необходимой степенью заботливости и осмотрительности (должной осмотрительностью); проявление надлежащей осмотрительности предполагает, что при выборе контрагента субъекты предпринимательской деятельности, как правило, оценивают не только условия сделки и их коммерческую привлекательность, но и деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; а при совершении значимых сделок, например по поводу дорогостоящих объектов недвижимости, изучают историю взаимоотношений предшествующих собственников и принимают тому подобные меры³³. Далее Верховный Суд указывает, что, если налоговый орган установит, что экономический источник вычета (возмещения) НДС не

создан, а поставщик (исполнитель) в период взаимодействия с налогоплательщиком-покупателем не имел экономических ресурсов (материальных, финансовых, трудовых и т.п.), необходимых для исполнения заключенного с покупателем договора, в связи с чем сделка в действительности исполнена иными лицами, такие обстоятельства могут указывать на то, что налогоплательщик не проявил должной осмотрительности при выборе контрагента, пока иное не будет доказано налогоплательщиком.

Таким образом, в качестве обязательного критерия получения налоговой выгоды предлагается применять должную (коммерческую) осмотрительность налогоплательщика при совершении конкретной сделки. В свою очередь, в п. 20 письма ФНС РФ от 10.03.2021³⁴ отмечается, что если из оценки материалов проверки, а также представленных налогоплательщиком возражений и доказательств следует, что им проявлена коммерческая осмотрительность и он не знал и не должен был знать об обстоятельствах, характеризующих контрагента как «техническую» компанию, и о предоставлении исполнения иным лицом, то в действиях налогоплательщика отсутствует состав правонарушения.

Обращает на себя внимание, что проявление коммерческой осмотрительности при выборе контрагента является свидетельством, как отмечает ФНС РФ, отсутствия состава правонарушения в действиях налогоплательщика.

В этой связи следует отметить, что Конституционный Суд РФ и в сфере защиты гражданских прав продемонстрировал подобный подход относительно установления связи между проявлением осмотрительности (в данном случае — разумной) и добросовестностью поведения участника, указав, что действующее законодательство исходит из принципа защиты добросовестных участников гражданского оборота, проявляющих при заключении сделки добрую волю, разумную осмотрительность и осторожность³⁵.

туционных прав и свобод пунктами 1 и 2 статьи 54.1, пунктом 5 статьи 82 Налогового кодекса Российской Федерации, а также частью 2 статьи 2 Федерального закона от 18.07.2017 № 163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации»».

³³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.05.2020 № 307-ЭС19-27597 по делу № А42-7695/2017.

³⁴ Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации».

³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2015 № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева».

В то же время согласно п. 1 ст. 401 ГК РФ лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства. Таким образом, проявление необходимой степени заботливости и осмотрительности (т.е. добросовестности) выступает также критерием невиновного поведения субъекта.

Возникает вопрос, всегда ли недобросовестное поведение является виновным поведением, а добросовестное — невиновным. Данная проблема вызывает споры в научной литературе. Так, В. И. Емельянов утверждает следующее: «...Определение добросовестности совпадает, в сущности, с определением невиновности. Тогда понятие “недобросовестность”, являющееся негативным по отношению к понятию “добросовестность”, должно совпадать с понятием “виновность”»³⁶. М. Ф. Лукьяненко, в свою очередь, приходит к выводу, что «недобросовестный субъект — это субъект, виновный в неисполнении или ненадлежащем исполнении гражданско-правового обязательства»³⁷.

В. В. Ровный по данному вопросу отмечает, что «...категории добросовестности и недобросовестности являются субъективными и сопоставимыми с традиционными и более понятными категориями невиновности и вины»³⁸. Однако В. В. Ровный не обосновывает в таком случае необходимость введения в гражданское законодательство категории «добросовестность» при наличии более понятной категории «невиновность».

В. А. Белов в своем исследовании признает, что «добросовестным может считаться только приобретатель, который приобрел чужую вещь невиновно, т.е. если в его действиях не усматривается ни умысла, ни неосторожности»³⁹.

Однако, на наш взгляд, добросовестность характеризует действия субъекта применительно

к сложившимся в обществе стандартам поведения участника оборота при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. В этой связи виновный субъект с точки зрения права всегда недобросовестный, однако недобросовестный может быть и невиновным. Усложняет понимание обеих категорий то, что восприятие добросовестности как соответствия поведения лица принятым стандартам поведения в известной степени пересекается с его невиновностью — также объективной категорией, выражающейся в проявлении субъектом необходимой (разумной, достаточной) осмотрительности (п. 1 ст. 401 ГК РФ).

Следует признать, что добросовестность как оценочная категория — это в значительной мере инструмент достижения баланса прав и обязанностей участников гражданского оборота. То есть добросовестность или недобросовестность — объективные категории, представляющие собой оценку поведения субъекта применительно к общепризнанным стандартам осуществления участниками субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей. Отдельные случаи недобросовестного поведения законодатель квалифицирует как правонарушение, однако даже здесь вина субъекта учитывается не всегда, так как имеют место безвиновные или безвредные (безубыточные) правонарушения. В этих случаях принимается во внимание только наличие или отсутствие недобросовестности субъекта. При нарушении же субъективного права лица, не отнесенного законодателем к правонарушению, вина вообще не имеет какого-либо самостоятельного значения⁴⁰.

В этой связи заслуживает поддержки позиция Верховного Суда РФ, заключающаяся в том, что при выявлении недобросовестного поведения одной из сторон суд, в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и

³⁶ Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. С. 106.

³⁷ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 47.

³⁸ Ровный В. В. Переработка добросовестная и недобросовестная // Вещные права: система, содержание, приобретение. Сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М. : Статут, 2008. С. 366.

³⁹ Белов В. А. Защита интересов добросовестного приобретателя ценной бумаги // Законодательство. 1997. № 6. С. 34.

⁴⁰ См. более подробно: Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М., 2014. С. 54–56.

последствий такого поведения, отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК РФ)⁴¹. На примере данного подхода следует различать меры ответственности и способы защиты субъективных прав, которые соотносятся как частное и общее. Поэтому основание гражданско-правовой ответственности (правонарушение) может одновременно являться основанием защиты только как частный случай.

Заключение

В итоге можно прийти к выводу, что недобросовестное поведение субъекта является основанием применения способов защиты субъективных прав, что, в свою очередь, не предполагает по общему правилу установления факта

совершения субъектом виновных противоправных действий, влекущих гражданско-правовую ответственность. Таким образом, не следует отождествлять недобросовестность субъекта с его виновностью и, соответственно, его добросовестные действия с отсутствием вины.

В то же время оценка проявления коммерческой осмотрительности при выборе контрагента в качестве критерия отсутствия в действиях налогоплательщика состава правонарушения характеризует императивный подход налогового законодательства к реализации принципа добросовестности.

На наш взгляд, представляется, что в целях обеспечения единообразия конституционно-правового подхода применения принципа добросовестности, учитывая, что конституционные нормы, принципы и ценности должны выступать непосредственными регуляторами общественных отношений в рамках процесса социализации права, который осуществляется одновременно с постепенным размыванием границы между частным и публичным правом, целесообразно распространять гражданско-правовые механизмы применения принципа добросовестности, как наиболее эффективные и разработанные, на другие отрасли права, что будет соответствовать многоотраслевой природе данного принципа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. 1946. № 6. С. 424–436.

Алешкова И. А. Итоги весенней школы молодых ученых «Актуальные проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации» // Российское правосудие. 2014. № 6. С. 109–112.

Белов В. А. Защита интересов добросовестного приобретателя ценной бумаги // Законодательство. 1997. № 6. С. 33–39.

Богданов Д. Е. Тенденция социализации и гуманизации гражданского права как одно из направлений социально-экономических реформ // Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ. Национальные приоритеты и проекты : сборник материалов конференции. Вологда, 2021. С. 36–38.

Богданов Е. В. Социализация гражданского права России как основа его модернизации // Lex russica. 2021. Т. 74. № 5 (174). С. 9–17.

Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях : монография. М., 2014. 344 с.

Богданова Е. Е. Принцип добросовестности: соотношение правовых и нравственных аспектов // Lex russica. 2016. № 1. С. 177–182.

Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма, 2011.

Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М. : Юрист, 2003. 286 с.

⁴¹ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2013. 320 с.

Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-книга, 2002. 160 с.

Кожохин Б. И. Некоторые особенности реализации российской Конституции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия, политология, социология, психология, право. 1996. Вып. 2. С. 87–93.

Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 53 с.

Михеева Л. Ю. Развитие российского семейного законодательства // Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало [и др.] / под ред. Д. А. Медведева. М. : Статут, 2019. 492 с.

Нам К. В. История развития принципа добросовестности (Treu und Glauben) в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С. 97–108.

Ровный В. В. Переработка добросовестная и недобросовестная // Вещные права: система, содержание, приобретение : сборник научных трудов в честь профессора Б. Л. Хаскельберга / под ред. Д. О. Тузова. М. : Статут, 2008. С. 360–401.

Тарусина Н. Н. Семейное право в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М. : Проспект, 2014. 281 с.

Темникова Н. А. Имущественные отношения в семье: доверительность vs. добросовестность // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 82–84.

Чашкова С. Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9. С. 47–52.

Шухарева А. В. Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9–11.

Alpa G., Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Routledge-Cavendish, 2007.

Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2007. Vol. 14. Iss. 2. P. 235–258.

Barroso L. A., Stiel L. P. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity // Journal of Civil Law Studies. 2015. Vol. 8. № 1. P. 187–207.

Cherednychenko O. The harmonisation of contract law in Europe by means of the horizontal effect of fundamental rights // Erasmus Law Rev. 2007. Vol. 1. № 1. P. 37–57.

Hesselink M. W., Mak Ch., Rutgers J. W. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference. Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series № 2009/05. URL: <http://ssrn.com/abstract=1413089>.

REFERENCES

Agarkov MM. The problem of abuse of law in Soviet civil law. *Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR*. 1946;6:424-436. (In Russ.).

Aleshkova IA. Results of the spring school of young researchers «Actual Problems of Direct Action and Application of the Constitution of the Russian Federation. *Russian Justice*. 2014;6:109-112. (In Russ.).

Belov VA. Protection of the interests of a bona fide acquirer of a security. *Zakonodatel'stvo*. 1997;6:33-39. (In Russ.).

Bogdanov DE. The tendency of socialization and humanization of civil law as one of the directions of socio-economic reforms. In: *Strategy and tactics of implementation of socio-economic reforms. National priorities and projects: Conference proceedings*. Vologda; 2021. (In Russ.).

Bogdanov EV. Socialization of the Russian civil law as the basis of its modernization. *Lex russica (Russian Law)*. 2021;5:9-17. (In Russ.).

Bogdanova EE. The principle of good faith and the evolution of civil rights protection in contractual relations. Moscow; 2014. (In Russ.).

Bogdanova EE. The principle of good faith: the ratio of legal and moral aspects. *Lex russica*. 2016;1:177-182. (In Russ.).

Bondar NS. Judicial constitutionalism in Russia in the context of constitutional justice. Moscow: Norma Publ.; 2011. (In Russ.).

Gadzhiev GA. Constitutional principles of a market economy: (development of the foundations of civil law in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). Moscow: Jurist Publ.; 2003. (In Russ.).

- Gadzhiev GA. Ontology of Law (a critical study of the legal concept of reality). Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
- Emelyanov VI. Reasonableness, conscientiousness, non-abuse of civil rights. Moscow: Lex-kniga Publ.; 2002. (In Russ.).
- Kozhokhin BI. Some features of the implementation of the Russian Constitution. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6: Philosophy, Political Science, Sociology, Psychology, Law*. 1996;2:87-93. (In Russ.).
- Lukyanenko MF. Evaluative concepts of civil law: theoretical and legal analysis and practice of law enforcement. Abstract Dr. Diss. (Law). Moscow; 2010. (In Russ.).
- Mikheeva LYu. Development of Russian family legislation. In: Vitryansky VV, Golovina SYu, Gongalo BM [et al.], Medvedev DA (ed.). *Codification of Russian Private Law 2019*. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
- Nam KV. The history of the development of the principle of good faith (Treu und Glauben) in the period from 1900 to 1945. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2018;6:97-108. (In Russ.).
- Rovnyi VV. Fair and unfair processing. In: Tuzov DO (ed). *Real rights: system, content, acquisition: collection of scientific papers in honor of Professor B. L. Haskelberg*. Moscow: Statut Publ.; 2008. (In Russ.).
- Tarusina NN. Family law in the «orchestration» of sovereignty and judicial discretion. Moscow: Prospect Publ.; 2014. (In Russ.).
- Temnikova NA. Property relations in the family: trustworthiness vs. conscientiousness. *Family and Housing Law*. 2018;1:82-84. (In Russ.).
- Chashkova SYu. Application of the categories «conscientiousness» and «reasonableness» in the regulation of property relations of spouses. *Zakony Rissii: opyt, analiz, praktika*. 2010;9:47-52. (In Russ.).
- Shukhareva AV. The importance of good faith as a principle and presumption in civil law: problems of theory and practice. *Russian Justice*. 2020;9:9-11. (In Russ.).
- Alpa G, Zeno-Zencovich V. Italian Private Law. Routledge-Cavendish; 2007. (In Russ.).
- Amstutz M., Abegg A., Karavas V. Civil Society Constitutionalism: The Power of Contract Law. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 2007;14(2):235-258.
- Barroso LA, Sthel LP. The role of objective good faith in current contract law: For a general duty of inter parties cooperation and solidarity. *Journal of Civil Law Studies*. 2015;8(1):187-207.
- Cherednychenko O. The harmonisation of contract law in Europe by means of the horizontal effect of fundamental rights. *Erasmus Law Review*. 2007;1(1):37-57. (In Russ.).
- Hesselink MW, Mak Ch, Rutgers JW. Constitutional Aspects of European Private Law. Freedom, Rights and Social Justice in the Draft Common Frame of Reference. Centre for the Study of European Contract Law. Working paper series. 2009;05:7-8. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1413089>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданова Елена Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры семейного и жилищного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
debogdanova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena E. Bogdanova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Family and Housing Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
debogdanova@msal.ru

Статья поступила в редакцию 19 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 19 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 19.05.2023

Revised 19.06.2023

Accepted 15.09.2023

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.036-044

Г. В. Шония

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Привлечение к дисциплинарной ответственности медицинских работников: актуальные проблемы в свете внедрения цифровых технологий в медицинскую деятельность

Резюме. Цифровые технологии стали неотъемлемой частью современной жизни. Оказание цифровых медицинских услуг является одной из форм деятельности практически любой медицинской организации. По этой причине актуальны проблемы выполнения медицинским работником своей трудовой функции. При осуществлении медицинским работником медицинского вмешательства с применением цифровых медицинских технологий должны быть приняты во внимание иные критерии оценки надлежащего выполнения им своей трудовой функции. Особенности данных критериев оказывают влияние на установление оснований привлечения медицинского работника к дисциплинарной ответственности.

Труд медицинских работников имеет особое социальное значение. В наши дни практически ни одно медицинское вмешательство не обходится без применения искусственного интеллекта, технологий искусственного интеллекта, роботов, приложений, ботов и др. Широкое распространение они получили в период введения дистанционных форматов труда и локдаунов, когда для дистанционного оказания медицинских услуг применялись различные программные средства.

В трудовом законодательстве закреплены общие основания привлечения медицинских работников к дисциплинарной ответственности, а также традиционные меры дисциплинарной ответственности. Полагаем, что привлечение к дисциплинарной ответственности медицинских работников имеет сильно выраженную специфику. Особенно ярко это проявляется в свете внедрения цифровых технологий в медицинскую деятельность.

На основе анализа современного законодательства и правоприменительной практики нами выявлены специальные основания привлечения к дисциплинарной ответственности медицинских работников, проанализированы типичные случаи нарушения трудовой дисциплины медицинскими работниками, а также выработаны рекомендации по тактике проведения дисциплинарного служебного расследования работодателем (медицинской организацией). Даны рекомендации к закреплению определенных условий в объяснительной записке медицинского работника.

Ключевые слова: трудовой договор; медицинский работник; работодатель; цифровые технологии; дисциплинарное служебное расследование; персональные данные; биометрические данные; врачебная тайна; пациент; социальные сети; медицинское вмешательство

Для цитирования: Шония Г. В. Привлечение к дисциплинарной ответственности медицинских работников: актуальные проблемы в свете внедрения цифровых технологий в медицинскую деятельность. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 36–44. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.036-044

Bringing Medical Workers to Disciplinary Responsibility: Current Problems in context of Introduction of Digital Technologies in Medical Activities

Guri V. Shonia

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. Digital technologies have become an integral part of modern life. Digital medical services is one of the forms of activity of almost any medical organization. For this reason, the problems of implementation of the work function of medical personnel are relevant. When a medical worker is performing a medical intervention using digital medical technologies, other criteria for evaluating the proper performance of their work function should be taken into account. The specifics of these criteria have an impact on the establishment of grounds for bringing a medical professional to disciplinary responsibility. The work of medical workers is of special social significance. Nowadays, almost no medical intervention is performed without the use of artificial intelligence, artificial intelligence technologies, robots, applications, bots, etc. They became widespread during the introduction of remote labor formats and lock downs, when various software tools were used for remote provision of medical services.

The labor legislation establishes general grounds for bringing medical workers to disciplinary responsibility, as well as traditional disciplinary measures. We believe that bringing medical workers to disciplinary responsibility has a strongly pronounced specificity. This is especially evident in the context of introduction of digital technologies in medical activities.

Based on the analysis of modern legislation and law enforcement practice, we have identified special grounds for bringing medical workers to disciplinary responsibility, analyzed typical cases of labor discipline violations by medical workers, and developed recommendations on the tactics of conducting a disciplinary internal investigation by an employer (medical organization). The author provides recommendations for fixing certain conditions in the explanatory note of a medical worker.

Keywords: employment contract; medical worker; employer; digital technologies; disciplinary internal investigation; personal data; biometric data; confidentiality; patient; social networks; medical intervention

Cite as: Shonia GV. Bringing Medical Workers to Disciplinary Responsibility: Current Problems in context of Introduction of Digital Technologies in Medical Activities. *Lex russica*. 2023;76(10):36-44. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.036-044

Введение

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью современной жизни. Оказание цифровых медицинских услуг является одной из форм деятельности практически любой медицинской организации. По этой причине актуальны проблемы выполнения медицинским работником своей трудовой функции. При осуществлении медицинским работником медицинского вмешательства с применением цифровых медицинских технологий должны быть приняты во внимание иные критерии оценки надлежащего выполнения им своей трудовой функции. Особенности данных критериев оказывают влияние на установление оснований привлечения

медицинского работника к дисциплинарной ответственности.

В статье 350 Трудового кодекса РФ предусмотрена специфика регулирования отношений, связанных с выполнением трудовой функции медицинскими работниками. К таким особенностям возможно отнести: продолжительность рабочего времени, предоставление ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска¹, установление в исключительных ситуациях дежурства на дому, специальный учет рабочего времени в случае дежурства на дому, особые требования к лицу, замещающему должность руководителя медицинской организации². На основании ч. 2 ст. 220 ТК РФ медицинские работники проходят обязательные

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25.05.2015 № 5-КГ14-161 (здесь и далее в статье, если не указано иное, нормативные акты и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

² Конституционность норм ст. 350 ГК РФ оспаривалась в 2014 и в 2021 гг., однако Конституционный Суд РФ не нашел оснований для удовлетворения жалобы. См.: определение Конституционного Суда РФ

предварительные (при поступлении на работу) и периодические медицинские осмотры³, это является обязательным основанием допуска к выполнению трудовой функции, связанной с оказанием медицинской помощи. В противном случае работодатель принимает на себя риски в случае выявления определенного заболевания у медицинского работника. Так, работодатель после получения медицинского заключения о наличии медицинских противопоказаний к выполнению врачебной трудовой функции будет вынужден принять решение о прекращении трудового договора в силу п. 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ или о переводе работника на другую имеющуюся у работодателя работу (ч. 1 ст. 73 ТК РФ).

На современном этапе развития медицинской науки и методик оказания медицинской помощи медицинская деятельность немыслима без применения искусственного интеллекта, систем искусственного интеллекта, его алгоритмов и методов⁴, а также иных цифровых меди-

цинских технологий⁵. Робот-ассистированные системы всё чаще применяются при оказании медицинской помощи. Обладая признаками источника повышенной опасности, искусственный интеллект, а также его системы не признаются таким источником в законодательстве. Важно отметить, что только роботы относятся к тем типам медицинских изделий, которые подлежат учету и регистрации⁶. Иные формы цифровых технологий регистрации не подлежат. Отсутствуют единые клинические рекомендации, стандарты и порядки оказания медицинской помощи с применением искусственного интеллекта, систем искусственного интеллекта. По этой причине остро встает проблема определения субъекта дисциплинарной ответственности и установления факта дисциплинарного правонарушения.

Медицинский работник, корректно выполняющий свою трудовую функцию, не должен быть привлечен к дисциплинарной ответственности в случае неудачного исхода меди-

от 22.01.2014 № 21-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крапчинского Альберта Андреевича на нарушение его конституционных прав частями первой и третьей статьи 92, частями первой и третьей статьи 147, частью второй статьи 219, статьями 251, 252 и частью первой статьи 350 Трудового кодекса Российской Федерации» ; определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 2767-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Терешковой Натальи Валериевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 2 Закона Красноярского края “О единовременных компенсационных выплатах отдельным категориям медицинских работников”».

³ Определение Верховного Суда РФ от 14.11.2007 № 83-Г07-7.

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 11.10.2019 ; Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 24.04.2020 ; распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 26.08.2020 ; приказ Минэкономразвития России от 29.06.2021 № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 29.07.2021.

⁵ См., например: ГОСТ Р 60.0.0.2-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Классификация (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 29.11.2016 № 1842-ст) ; приказ Росстандарта от 25.04.2022 № 222-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации» ; ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ИСО 8373:2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 14.02.2019 № 31-ст).

⁶ Приказ Минздрава России от 06.06.2012 № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» (вместе с Номенклатурной классификацией медицинских изделий по видам, Номенклатурной классификацией медицинских изделий по классам в зависимости от потенциального риска их применения).

цинского вмешательства по причине скрытых конструктивных недостатков применяемой цифровой медицинской технологии. По нашему мнению, необходимо учитывать также добросовестность пациента при оказании ему медицинской помощи (медицинской услуги). В ряде случаев пациент умышленно не соблюдает рекомендации медицинского работника, что приводит к неблагоприятным последствиям. По данной совокупности причин считаем, что проблема установления всех обстоятельств дисциплинарного правонарушения в цифровой медицинской сфере приобретает особую остроту.

По справедливому утверждению Т. В. Записной, «к основным направлениям внедрения искусственного интеллекта в медицине относят: анализ данных о пациенте, анализ результатов рентгенографии, МРТ, УЗИ, разработку “виртуального врача с искусственным интеллектом”, роботизированную хирургию, использование технологий блокчейна при хранении и управлении медицинской информацией о пациенте»⁷. Как пишет А. А. Карцхия, «цифровое здравоохранение, которое создается в России, как отмечают специалисты, базируется на трех принципах: 1) организация медицинской помощи за счет централизации всех данных в цифровом виде; 2) применение методов искусственного интеллекта для их обработки; 3) обеспечение коммуникации всех участников процесса, включая дистанционный мониторинг здоровья»⁸.

Полагаем, что в связи с внедрением цифровых технологий в медицинскую деятельность существенно расширился круг обязанностей медицинских работников, а также перечень случаев привлечения их к дисциплинарной ответственности. К данным случаям можно отнести:

— несвоевременное внесение в информационную систему медицинской организации, в региональную и федеральную медицинские информационные системы сведений о пациенте, его законном представителе, а также ци-

фровых копий документов, подтверждающих легальность оказания медицинской помощи и результаты ее оказания;

— некорректное применение цифровых технологий (например, искусственного интеллекта) при оказании медицинской помощи, что повлияло на ее качество (в противоречии с обязательными к применению клиническими рекомендациями, стандартами и порядками оказания медицинской помощи⁹, а также инструкции по применению программного обеспечения либо устройства);

— несвоевременное оказание медицинской помощи и отказ в ее оказании;

— раскрытие персональных и биометрических данных пациента;

— неявка медицинского работника на телемедицинскую консультацию;

— отсутствие разъяснения пациенту рисков применения цифровых медицинских технологий при оказании медицинской помощи;

— разглашение врачебной тайны.

М. А. Жильцов справедливо полагает, что ТК РФ, а также иные федеральные законы «не содержат каких-либо дополнительных дисциплинарных взысканий для медицинских работников, помимо предусмотренных статьей 192 ТК РФ... основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности медицинских работников является не только нарушение правил внутреннего трудового распорядка, но и ненадлежащее оказание медицинской помощи, а также в ряде случаев нарушение правил врачебной этики... Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации... не является нормативным правовым актом. В то же время, если правила, содержащиеся в указанном акте, закреплены в локальных нормативных актах... а также в трудовых договорах, указанные нормы становятся обязательными правилами поведения»¹⁰.

Таким образом, базирясь на нормах ст. 192 ТК РФ, можно прийти к выводу, что дисциплинарный проступок¹¹ медицинского работника

⁷ Записная Т. В. О формировании цифрового медицинского права // Медицинское право. 2022. № 1. С. 34–38.

⁸ Карцхия А. А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 39–46.

⁹ Ст. 10 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹⁰ См.: Жильцов М. А. Проблемы привлечения к дисциплинарной ответственности медицинских работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 38–41.

¹¹ См.: определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2022 № 3215-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “АПТОС” на нарушение его конститу-

выражается в нарушении им не только норм трудового законодательства (норм о дисциплине труда), но и ряда нормативных правовых актов, иных актов, трудового договора, а также других документов, в частности:

— Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», нормативных правовых актов в области передачи, обработки и хранения информации;

— порядков оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций и стандартов медицинской помощи¹²;

— правил функционирования медицинских информационных систем¹³;

— локальных актов;

— трудового договора;

— инструкций к препаратам, программному обеспечению и приборам;

— лицензионных договоров об использовании искусственного интеллекта, иных цифровых медицинских технологий, заключенных медицинской организацией — работодателем.

В первую очередь дисциплинарный проступок медицинского работника находит свое подтверждение в некорректно заполненной медицинской документации либо в неправомерном обнародовании персональных, биометрических данных пациента, а также информации, составляющей врачебную тайну. Рассмотрим типичные претензии пациентов на действия (бездействие) медицинских работников.

Претензия к качеству оказания медицинской помощи с использованием различных цифровых медицинских технологий может иметь весьма разнообразное содержание. В претензии могут быть отражены следующие жалобы:

— низкая компетентность врача при использовании цифровых технологий (искусственного интеллекта, технологий искусственного интеллекта, роботов, ботов, приложений и др.);

— плохое качество связи при дистанционном применении цифровых медицинских технологий;

— присутствие при оказании медицинской помощи, в том числе при дистанционном применении цифровых медицинских технологий, третьих лиц;

— оказание медицинской помощи, в том числе дистанционной, с использованием цифровых медицинских технологий без соответствующего добровольного информированного согласия пациента;

— видеозапись медицинского вмешательства без получения согласия пациента;

— разглашение врачебной тайны пациента.

В вышеуказанных и аналогичных ситуациях на работодателя возлагается обязанность провести, по существу, внутреннее дисциплинарное расследование и установить все элементы дисциплинарного правонарушения. При этом необходимо учитывать, что его материалы могут стать предметом рассмотрения в судебном заседании, если пациент впоследствии подаст в суд на медицинскую организацию как на лицо, оказавшее ему, по его мнению, некачественную медицинскую услугу (медицинскую помощь).

В ходе дисциплинарного расследования работодателю необходимо установить ряд обстоятельств, которые повлияют на привлечение медицинского работника к дисциплинарной ответственности, а в дальнейшем — на исход дела по иску пациента в суде. Тριάдой обстоятельств, устанавливаемых в ходе проведения дисциплинарного расследования, являются: наличие признаков дисциплинарного проступка; наличие соответствующей трудовой обязанности работника; наличие его объяснений.

Считаем, что в ходе проведения внутреннего служебного расследования в медицинской организации необходимо принять во внимание:

— *получение всех необходимых видов согласия на оказание медицинской помощи с применением цифровых технологий.* Согласие на медицинское вмешательство характеризуется такими признаками, как добровольность, информированность, самостоятельность выражения, осознанность. Пациент до начала

ционных прав частью первой статьи 71 во взаимосвязи со статьей 192 Трудового кодекса Российской Федерации».

¹² Справочная информация «Стандарты и порядки оказания медицинской помощи, клинические рекомендации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См., например: постановление Правительства РФ от 11.06.2021 № 901 «Об утверждении Правил функционирования государственной информационной системы обязательного медицинского страхования и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»; определение Верховного Суда РФ от 09.07.2018 № 309-КГ18-8660 по делу № А47-3290/2017.

медицинского вмешательства должен быть под роспись проинформирован о специфике оказания ему медицинской помощи с использованием искусственного интеллекта. Если применение искусственного интеллекта предполагает фиксацию, передачу и хранение в цифровых хранилищах информации, составляющей врачебную тайну, персональные и биометрические данные пациента, в отношении каждого вида пациентской информации необходимо получить его согласие на предоставление, обработку, передачу;

— *выяснение, соответствует ли оказание медицинской помощи с использованием цифровых технологий уровню квалификации, трудовой функции работника, его графику рабочего времени (времени отдыха)*. Полагаем, что в этой ситуации необходимо исключить подмену медицинских работников, а также выход медицинских работников за пределы своей компетенции. Следует также выяснить, оказывалась ли медицинская помощь в период рабочего времени медицинского работника пациенту, который, согласно медицинским документам, был направлен к нему;

— *установление, оказывалась ли медицинская помощь с учетом жалоб на состояние здоровья пациента, наличия у него хронических заболеваний или патологий*. В этой ситуации принимаются во внимание вышеуказанные нормативные правовые и иные акты, документы. Считаем, что исследованию также подлежит медицинская карта пациента, инструкции к лекарственным препаратам, приборам и устройствам, применяемым при оказании медицинской помощи (включая инструкцию по применению искусственного интеллекта). Необходимо выяснить, позволяло ли состояние здоровья пациента применять соответствующий препарат, прибор, устройство, в том числе искусственный интеллект;

— *выяснение, соответствует ли поведение медицинского работника правилам, содержащимся в медицинском законодательстве, в локальных актах, а также нормам врачебной этики*. Для жалоб пациентов характерна гиперболизация поведения медицинских

работников. Цель работодателя — установить истинное положение дел, по этой причине считаем необходимым взять объяснения со всех медицинских работников, присутствовавших в ходе спорного медицинского вмешательства. Очевидно недопустимым поведением медицинского работника являются оскорбления, критика пациента, обсуждение его диагноза в присутствии иных пациентов или его родственников (за исключением несовершеннолетних пациентов в возрасте до 15 лет и ряда иных случаев), а также в общественных местах медицинских организаций;

— *установление, ознакомлен ли медицинский работник со всеми необходимыми локальными актами*;

— *выяснение, соответствует ли состав лиц, присутствующих в ходе проведения медицинского вмешательства с использованием цифровых технологий, требованиям законодательства об оказании медицинской помощи*. Учету подлежат основания допуска к информации, составляющей врачебную тайну, включая согласие пациентов на присутствие третьих лиц при медицинском вмешательстве и на иное разглашение врачебной тайны, квалификация и специализация медицинских работников, наличие специальных средств фиксации информации;

— *установление, своевременно ли заполнена и внесена в информационные системы медицинским работником вся необходимая медицинская документация, включая виды согласия, предшествующие медицинскому вмешательству*. Судебная практика, в частности, подтверждает, что согласие при оказании медицинской помощи не может быть взято уже после ее оказания¹⁴.

Как известно, у медали две стороны. Наряду с проведением дисциплинарного расследования работодателем, у медицинского работника или работников берутся объяснения¹⁵ (медицинский работник представляет работодателю объяснительную записку). Важно отметить, что в ТК РФ не закрепляется, в какой форме (устной, письменной или нотариальной) необходимо запросить у работника данное объяснение. Представляется целесообразным использо-

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 1755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ц. на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 32 Закона Российской Федерации “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании”».

¹⁵ См. об этом, например: п. 6 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 09.12.2020).

вать письменную форму запроса объяснения у медицинского работника. В объяснительной записке мы рекомендуем максимально подробно описать спорную ситуацию, при которой оказывалась медицинская помощь с использованием искусственного интеллекта, иных цифровых медицинских технологий. В подходе к содержанию объяснительной записки недопустимы формализм и краткость.

Считаем, что в объяснительной записке медицинского работника следует указать:

- основания оказания медицинской помощи;
- состав лиц, участвовавших в ее оказании;
- перечень медицинских манипуляций, осуществленных с применением цифровых технологий;
- список документов, оформленных медицинским работником до оказания им медицинской помощи (медицинской услуги) пациенту;
- соответствие совершенного им медицинского вмешательства порядкам оказания медицинской помощи, клиническим рекомендациям, стандартам медицинской помощи, инструкциям к медицинским препаратам и устройствам;
- поведение пациента, в том числе те сведения, которые он сообщил о состоянии своего здоровья;
- какие рекомендации были даны пациенту;
- была ли разъяснена пациенту необходимость их соблюдения.

К сожалению, в медицинской практике нередко случаи «пациентского экстремизма»¹⁶. В этой ситуации для медицинского работника особенно важно зафиксировать свое этическое и корректное поведение. Достижению этой цели служат свидетельские показания иных медицинских работников, а также материалы видеофиксации, осуществляемой в медицинской организации в целях обеспечения безопасности пациентов и медицинских работников. Полагаем, что «пациентский экстремизм»¹⁷ является одной из причин подробного изложения поведения пациента в объяснительной записке медицинского работника. В ходе дистанционного оказания медицинской помощи с применением цифровых технологий осуществляется

видеозапись взаимодействия пациента и медицинского работника. Она также может служить доказательством корректного и этичного поведения медицинского работника, оказания им качественной медицинской помощи.

По итогам рассмотрения проблем, связанных с привлечением к дисциплинарной ответственности медицинских работников в свете внедрения различных цифровых технологий в медицинскую деятельность, сделаем ряд важных, на наш взгляд, выводов.

1. Медицинская деятельность с использованием цифровых технологий отличается высокой технологичностью и инновационностью, что накладывает дополнительные обязанности на работодателя по проверке квалификации и специализации работника, а также на работника — по корректному выполнению своих обязанностей в инновационной медицинской среде.

2. Условия инновационной среды диктуют необходимость подписания расширенного перечня документов перед проведением медицинского вмешательства, устанавливающих права и обязанности медицинского работника, а также выражающих согласие пациента на проведение медицинского вмешательства в условиях цифровой среды.

3. Внедрение цифровых технологий в медицинскую деятельность повлекло за собой появление на практике новых составов дисциплинарных правонарушений, связанных с нарушением не только права пациентов на качественное оказание медицинской помощи, но и их информационных прав.

4. Высокотехнологичность оказания медицинской помощи связана с повышением контроля работодателя за качеством ее оказания, включая усложнение методики проведения внутреннего дисциплинарного расследования. В предмет дисциплинарного расследования должно входить установление обстоятельств корректного применения определенной цифровой медицинской технологии (искусственной нейронной сети, робот-ассистированной системы, чат-бота и др.).

5. Объяснительные записки формального характера неприменимы в ходе дисциплинарного расследования при совершении правона-

¹⁶ В России растёт пациентский экстремизм — врачи ходят по лезвию ножа // URL: <https://medrussia.org/30464-v-Rossii-rastyot-pacientskiy-yekstremitet/?ysclid=lb109agvm7968844630> (дата обращения: 28.11.2022).

¹⁷ См.: *Свередюк М. Г.* Необходимость организации медико-правовой работы в субъекте РФ как фактор, способствующий снижению рисков ненадлежащего осуществления медицинской деятельности (практика Хабаровского края) // *Медицинское право*. 2022. № 3. С. 43–47.

рушений в инновационной медицинской среде. Формальный характер объяснения не позволяет установить все события и обстоятельства, связанные с дисциплинарным правонарушением медицинского работника. Медицинский работник должен максимально подробно описать ситуацию, которая послужила предметом претензии (жалобы) пациента.

6. В ходе проведения дисциплинарного расследования тезис «пациент всегда прав» следует соотносить с категорией «пациентский экстремизм» с целью исключения привлечения к дисциплинарной ответственности медицинского работника, корректно выполняющего свои трудовые обязанности, на основании жалобы пациента, содержащей ложную информацию. По этой причине считаем важным проверить все обстоятельства, содержащиеся в такой жалобе, на предмет соответствия их действительности.

7. Для привлечения к дисциплинарной ответственности за нарушение трудовой дисциплины при использовании цифровых медицинских технологий необходимо учитывать, ознакомлен ли медицинский работник под роспись или в результате подписания трудового договора (дополнительного соглашения к нему) со своими трудовыми обязанностями в инновационной медицинской сфере. На современном этапе развития цифровых технологий практически любая медицинская деятельность сопряжена с ее освещением в сети Интернет. Часто встречаются случаи, когда медицинские работники выкладывают в эту сеть контент, содержащий сведения, составляющие врачебную тайну пациентов, их личную либо семейную тайну. По

этой причине в локальных актах и трудовом договоре рекомендуем уделить особое внимание социальным сетям медицинских работников, устанавливая запрет распространения через социальные сети персональных, биометрических данных пациентов, а также информации, составляющей врачебную тайну.

Заключение

Исходя из современного состояния правоприменительной практики, необходимо констатировать, что дисциплинарное расследование и наложение дисциплинарного взыскания зачастую предшествуют судебному разбирательству по иску пациента к медицинской организации в связи с некачественным оказанием медицинской помощи (медицинской услуги). В этой связи рекомендуем учитывать, что дисциплинарные материалы, в том числе объяснения медицинских работников, медицинские документы являются доказательствами по делу. От грамотности и времени их заполнения во многом зависит содержание судебного решения, а также репутационные риски медицинской организации. Пациент, как правило, представляет суду информацию из социальных сетей о медицинском работнике, поведение которого он считает некорректным. Полагаем, что систематическое разъяснение медицинским работникам правил соблюдения врачебной этики¹⁸ и врачебной тайны при ведении своих страниц в социальных сетях является одной из основ поддержания добросовестной репутации медицинской организации и медицинского сообщества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дячук М. Споры, связанные с дистанционной работой // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2022. № 7. С. 55–67.

Жильцов М. А. Проблемы привлечения к дисциплинарной ответственности медицинских работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 38–41.

Закалюжная Н. В., Кудряшова С. Н., Бабкина И. Н. Эволюция понятия дистанционной работы // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 50–52.

Записная Т. В. О формировании цифрового медицинского права // Медицинское право. 2022. № 1. С. 34–38.

Карцхия А. А. Формирование цифрового здравоохранения как вызов времени // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 39–46.

¹⁸ Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации 5 октября 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Куренной А. М. Некоторые актуальные проблемы правового регулирования трудовых отношений // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 4–11.

Менкенов А. В. Дистанционная работа: трансграничные трудовые отношения // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 32–35.

Свередюк М. Г. Необходимость организации медико-правовой работы в субъекте РФ как фактор, способствующий снижению рисков ненадлежащего осуществления медицинской деятельности (практика Хабаровского края) // Медицинское право. 2022. № 3. С. 43–47.

REFERENCES

Dyachuk M. Disputes related to remote work. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya*. 2022;7:55-67. (In Russ.).

Kartskhiya AA. Formation of digital healthcare as a challenge of the time. *Law and Digital Economy*. 2021;3:39-46. (In Russ.).

Kurennoy AM. Some current issues of labor relations legal regulation. *Rossiyskoe Pravo. Obrazovanie, Praktika, Nauka*. 2020;4:4-11. (In Russ.).

Menkenov AV. Remote work: cross-border labor relations. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2021;3:32-35. (In Russ.).

Sveredyuk MG. The need for the arrangement of medical and legal work in a constituent entity of the Russian Federation as a factor facilitating reduction of risks of undue medical assistance rendering (the practice of the Khabarovsk Territory). *Medical Law*. 2022;3:43-47. (In Russ.).

Zakalyuzhnaya NV, Kudryashova SN, Babkina IN. The evolution of the remote work concept. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2022;2:50-52. (In Russ.).

Zapisnaya TV. On the formation of digital medical law. *Medical Law*. 2022;1:34-38. (In Russ.).

Zhiltsov MA. Problems of bringing medical workers to disciplinary responsibility. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2021;4:38-41. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шония Гури Вахтангович, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
gvshonija@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guri V. Shonia, Cand. sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
gvshonija@msal.ru

Статья поступила в редакцию 15 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 17 июля 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 19.05.2023

Revised 17.06.2023

Accepted 15.09.2023

Вознаграждение за деятельный отказ от совершения преступления как эффективный метод борьбы со взяточничеством

Резюме. В статье исследуется эффективность правовых механизмов противодействия коррупции. Проводится анализ экономической выгоды для «взятополучателя» и «взятодателя» при избрании различных моделей поведения в типовых ситуациях, классифицируемых по основанию иницилирующей стороны, стадии реализации коррупционной сделки и др. Делается вывод, что причиной латентности взяточничества является экономическая выгода для сторон в заключении коррупционной сделки, а также в соблюдении ее конфиденциальности. Данное обстоятельство инициирует необходимость введения в законодательство и правоприменительную практику правовых механизмов, позволяющих экономически стимулировать физических и юридических лиц отказываться от предложения со стороны должностных лиц о даче взятки, уведомлять об этом правоохранительные органы и активно участвовать в процессуальных действиях, направленных на изобличение преступников. Вознаграждение может быть в денежной форме, при этом сумма должна быть существенно выше предполагаемой выгоды от пресеченной коррупционной сделки, и/или в форме предоставления государственной услуги (даже при отсутствии правовых оснований ее получения), и/или в виде отказа государственного органа в требовании исполнения гражданского долга. Автор сравнивает механизм, указанный в названии статьи, с добровольным отказом от совершения преступления, определяет его место в системе поощрительных норм, сравнивает с другими видами вознаграждения за помощь в раскрытии коррупционного преступления, а также проводит анализ зарубежного опыта. Автор предлагает дополнить ряд законодательных актов положениями, регламентирующими реализацию вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления.

Ключевые слова: вознаграждение; латентность; раскрытие преступления; коррупционное преступление; противодействие коррупции; борьба со взяточничеством; классификация ситуаций; поощрительные нормы
Для цитирования: Гарифуллин И. Р. Вознаграждение за деятельный отказ от совершения преступления как эффективный метод борьбы со взяточничеством. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 45–55. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.045-055

Remuneration for Active Refusal to Commit a Crime as an Effective Method of Combating Bribery

Ilgiz R. Garifullin
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation

Abstract. The paper examines effectiveness of legal mechanisms employed for combating corruption. The author analyzes economic benefits for the «bribe-taker» and «bribe-giver» when they are choosing different behaviors in typical situations classified according to the reason of the initiating party, the stage of implementation of a corrupt transaction, etc. The author concludes that an economic benefit for the parties in concluding a corrupt

transaction, as well as in maintaining its confidentiality, causes latency of bribery. This circumstance results in introducing legal mechanisms into legislation and law enforcement practice that allow individuals and legal entities to economically encourage individuals and legal entities to refuse an offer from officials to pay a bribe, notify law enforcement agencies about the incident and participate in procedural actions aimed at detecting criminals. Remuneration may be provided in monetary form, while the amount should be significantly higher than the expected benefit from the suppressed corruption transaction, and/or in the form of providing a public service (even if there are no legal grounds for receiving it), and/or in the form of a refusal by a public authority to demand the performance of a civil duty. The author compares the mechanism indicated in the title of the paper with the voluntary refusal to commit a crime, determines its place in the system of incentive norms, compares it with other types of remuneration for assistance in uncovering a corruption crime, and analyzes foreign experience. The author proposes to supplement a number of legislative acts with provisions regulating remuneration for the expressed refusal to commit a crime.

Keywords: remuneration; latency; disclosure of crime; corruption crime; anti-corruption; fight against bribery; classification of situations; incentive norms

Cite as: Garifullin IR. Remuneration for Active Refusal to Commit a Crime as an Effective Method of Combating Bribery. *Lex russica*. 2023;76(10):45-55. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.045-055

Введение

Взятничество, являющееся одной из разновидностей коррупционных преступлений, выражающееся в удовлетворении личных корыстных интересов за счет нивелирования общественного блага, представляет наибольшую общественную опасность для охраняемых законом ценностей. Поэтому борьба со взятничеством — существенный элемент противодействия коррупции.

Российское законодательство достаточно сурово к лицам, совершившим коррупционные преступления: наказание может достигать до 15 лет лишения свободы, а сумма назначенного штрафа — стократно превышать размер взятки (ч. 6 ст. 290 УК РФ). К сожалению, даже столь суровое наказание не останавливает преступников от совершения коррупционных преступлений, что позволяет выдвинуть тезис об отсутствии (или не столь очевидной) обратной корреляции между суровостью наказания за преступление и вероятностью его совершения.

Динамика коррупционных преступлений показывает, что существующий подход к борьбе со взятничеством, заключающийся в моральном стимулировании гражданского долга предполагаемых участников коррупционной сделки добровольно сообщать в правоохранительные органы о совершенном преступлении (при-

мечание к ст. 291 УК РФ) либо в материальном стимулировании лиц, не являющихся участниками коррупционной сделки, но которым стало что-либо известно о ней, информировать правоохранительные органы¹, существенным образом не повлиял на эффективность борьбы со взятничеством. Это обстоятельство требует выработки новой концепции борьбы с такими деяниями, в основе которой должно находиться экономическое стимулирование непосредственных участников коррупционной сделки, а именно предоставление экономической выгоды за отказ от совершения коррупционного преступления.

Данное направление исследования полностью находится в фарватере принятых Россией обязательств по результатам ратификации подписанных ею международных норм, а именно ч. 2 ст. 39 Конвенции ООН против коррупции², согласно которой государство рассматривает вопрос о поощрении граждан и иных лиц за сообщение о фактах коррупционных преступлений. В научной литературе совершенно обоснованно отмечается, что «поощрение антикоррупционной деятельности является одним из направлений государственной политики противодействия коррупции, обеспечивающим его результативность»³.

В этой связи необходимо провести научный анализ проблем, касающихся целесообразно-

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О полиции» ; Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности».

² СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.

³ Кабанов П. А. Реализация принципа поощрения антикоррупционной деятельности в Российской Федерации // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 413.

сти и эффективности внедрения в правоприменительную деятельность правового механизма вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления.

Объектом исследования являются правовые отношения, складывающиеся в процессе вознаграждения участника коррупционной сделки за деятельный отказ от дачи/получения взятки.

Предмет исследования — действующее национальное законодательство, регламентирующее процесс вознаграждения за деятельный отказ от совершения взяточничества.

Доктринальной целью исследования является разработка модели правового механизма регламентации вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления.

Задачи исследования:

- анализ действующих механизмов борьбы со взяточничеством;
 - выявление причин латентности взяточничества;
 - классификация коррупционных ситуаций;
 - сравнительный анализ деятельного отказа от совершения взяточничества с иными правовыми механизмами;
 - выработка предложений по совершенствованию национального законодательства, регламентирующего выплату вознаграждения за деятельный отказ от получения/дачи взятки.
- Методика исследования основана на применении общенаучных методов познания.

Анализ механизмов борьбы со взяточничеством

В целях анализа перспектив применения института вознаграждения (поощрения) за деятельный отказ от совершения преступления проведем ревизию действующих правовых механизмов борьбы со взяточничеством с учетом ситуационного подхода, в зависимости от иницирующей стороны коррупционной сделки.

В ситуации, когда инициатором коррупционной сделки является не должностное лицо, в законодательстве предусмотрен правовой механизм, нивелирующий подобную инициативу посредством введения обязанности государственного или муниципального служащего уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие госу-

дарственные органы обо всех случаях обращения к ним лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений⁴.

В ситуации, когда инициатива заключения коррупционной сделки исходит от должностного лица, законодательством предусмотрена возможность обращения гражданина в правоохранительные органы с заявлением о привлечении виновных к уголовной ответственности, а также гарантии освобождения от уголовной ответственности лиц, подвергшихся вымогательству взятки либо добровольно сообщивших в правоохранительные органы о совершенном преступлении — даче взятки⁵. Анализ судебной практики показывает, что реализация гражданином права на обращение в правоохранительные органы по факту поступившего со стороны должностного лица требования взятки обусловлена либо наличием угроз конституционным правам и свободам, либо размером взятки, несопоставимым с предлагаемой чиновником услугой или финансовыми возможностями гражданина.

В ситуации, когда инициатива заключения коррупционной сделки исходит от обеих сторон, при этом «существенные условия коррупционной сделки (предмет и сумма)» не вызывают разногласий, высока вероятность сохранения латентности данной сделки.

Как следует из сказанного, имеющийся арсенал правовых механизмов, направленных на предотвращение заключения коррупционной сделки, требует дальнейшего совершенствования, принятия новых кардинальных нестандартных решений, направленных на разработку новых средств и способов предотвращения и борьбы с коррупцией, что возможно лишь после анализа причин, порождающих преступления данной категории, и факторов, препятствующих их выявлению.

Анализ материальной заинтересованности участников коррупционной сделки

Практика показывает, что взяточничество является одним из наиболее латентных преступлений. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «участники коррупционных сделок не заинтересованы в раскрытии информации

⁴ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О противодействии коррупции», ч. 1 ст. 9.

⁵ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022), ст. 291, примечание.

об их взаимодействии»⁶. По нашему мнению, основная причина латентности взяточничества заключается в отсутствии экономической выгоды от разглашения коррупционной сделки. Соответственно, именно экономическое стимулирование разглашения коррупционной сделки является панацеей в борьбе со взяточничеством. Законодательное предоставление участнику предполагаемой коррупционной сделки выбора, обусловленного экономической выгодой — вступать или не вступать в коррупционную сделку, с обязательным условием существенного превышения экономической выгоды в случае отказа от совершения преступления, на наш взгляд, значительно снизит уровень латентности взяточничества.

В этой связи считаем необходимым провести анализ возможной экономической (материальной) выгоды участников коррупционной сделки, выделив следующие ситуации.

1. Предкоррупционная ситуация, характеризующаяся возможностью/необходимостью решения проблемы посредством совершения коррупционной сделки. Лицо, оказавшееся в такой ситуации, может выбрать одну из следующих моделей поведения:

а) вступление в коррупционную сделку (дача взятки) с высокой вероятностью получения желаемого блага, пусть и с некоторыми «административными» расходами. Данная модель поведения содержит риск быть задержанным за совершение данного преступления, привлеченным к уголовной ответственности с вытекающими последствиями — длительным сроком наказания и существенным штрафом. В случае обоюдного желания взяткодателя и взяткополучателя вступить в коррупционную сделку риск привлечения к ответственности сводится к минимуму;

б) пассивный отказ (без обращения в правоохранительные органы) от вступления в коррупционную сделку может привести к следующим последствиям. В случае избрания лицом правомерного поведения, отказа от дачи взятки и регламентированного обращения в надлежащие инстанции для получения желаемого блага возможны значительные временные потери и судебные издержки. Данная модель поведения эффективна лишь при наличии законных оснований получения желаемого блага. При

отсутствии законных оснований и при отказе от коррупционной сделки лицо теряет возможность достижения позитивного для себя результата. Подобный исход экономически не выгоден для лица. Помимо сказанного, отказ лица от вступления в коррупционную сделку понижает уровень коррупции в целом, но не снижает коррупционные риски, так как публичное должностное лицо, потенциально согласившееся на совершение несостоявшейся коррупционной сделки, продолжит свою служебную деятельность с высокой степенью вероятности совершения новых коррупционных преступлений с другими, более «коммуникабельными» лицами;

в) деятельный отказ от вступления в коррупционную сделку с обращением в правоохранительные органы предполагает возложение на законопослушного гражданина определенного бремени — необходимости участия в следственных действиях и судебных заседаниях, риска подвергнуться негативному воздействию со стороны изобличенных им преступников. При этом ни на какие экономические выгоды лицу, отказавшемуся от вступления в коррупционную сделку и исполнившему свой гражданский долг по изобличению преступников, рассчитывать не приходится.

2. Коррупционная ситуация, характеризующаяся совершением действия (бездействием), входящего в объективную сторону преступления, отнесенного к категории взяточничества.

3. Посткоррупционная ситуация, характеризующаяся действиями после окончания преступления данной категории. Учитывая, что преступное событие имело место в прошлом, а как минимум один из участников коррупционной сделки не заинтересован в ее разглашении, перспективы уголовного преследования не всегда являются высокими.

При таких обстоятельствах, учитывая, что размер взятки всегда значительно ниже размера предполагаемой получаемой выгоды, а в других случаях коррупционная сделка существенным образом облегчает процедуру получения желаемого блага, порой даже при отсутствии законных оснований, вынуждены констатировать, что совершение коррупционной сделки экономически (материально) выгодно обеим ее сторонам. Правомерное пове-

⁶ Антонова Е. Ю. Защита и поощрение осведомителей как мера противодействия правонарушениям коррупционной направленности: опыт зарубежных стран // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6. С. 92.

дение лица в коррупционной ситуации не дает ему никаких личных экономических бонусов. Данное обстоятельство противоречит здравому смыслу. Экономическая выгода потенциального участника коррупционной сделки от изобличения коррупционера должна быть выше выгоды от «успешной» коррупционной сделки.

Экономическое (финансовое) стимулирование за деятельный отказ от совершения преступления должно представлять собой существенное материальное вознаграждение. Лицу, отказавшемуся от коррупционной сделки (дачи взятки) и сообщившему в правоохранительные органы о просьбе или требовании должностным лицом взятки за законные действия, целесообразно законодательно гарантировать предоставление государственной услуги, ставшей поводом взятки. Возможна также иная комбинация компенсации — в виде предоставления лицу, совершившему это действие, определенных гарантий и благ⁷. Вознаграждение, на наш взгляд, целесообразно определить в твердой денежной сумме, не ниже суммы предполагаемой выгоды от коррупционной сделки, и (или) в виде предоставления желаемой государственной услуги, и (или) в виде освобождения от исполнения гражданского долга (обязанности).

При отсутствии правовых оснований получения блага, то есть в ситуации требования должностным лицом взятки за незаконные действия, в целях стимулирования деятельного отказа, помимо денежного вознаграждения, целесообразно ввести в законодательство положения (исключительные обстоятельства), позволяющие предоставить желаемое благо даже при отсутствии законных оснований либо многократно повысить размер вознаграждения, по своей сути компенсирующий «неполученную выгоду» в связи с отказом от совершения коррупционной сделки.

Таким образом, материальное поощрение лица, отказавшегося от участия в коррупционной сделке, должно быть экономически более выгодным, чем предполагаемая финансовая выгода от участия в ней. Более того, при определении размера вознаграждения за отказ от

совершения преступления, по нашему мнению, необходимо также учитывать некоторые из обстоятельств, указанных П. А. Кабановым, а именно степень тяжести и общественной опасности предотвращенного, пресеченного, выявленного или совершенного коррупционного деяния и размер предотвращенного и (или) возмещенного материального ущерба⁸.

Размер вознаграждения за отказ от совершения преступления при таком подходе действительно будет формировать значительную статью расходов в бюджете государства. Вместе с тем необходимо отчетливо осознавать, что затраты государства на материальное поощрение деятельного отказа несопоставимы с предполагаемой выгодой в результате изобличения коррумпированного чиновника. Так, по мнению некоторых экономистов, «затраты одной денежной единицы (доллара, фунта стерлингов, рубля) на противодействие коррупции приносит в среднем 23 единицы при борьбе с коррупцией на уровне отдельной страны и около 250 при борьбе с нею на международном уровне»⁹. В этой связи мы полностью разделяем мнение ученых, предлагающих активно внедрять в российское законодательство поощрительные нормы, направленные на предотвращение коррупционных преступлений и ориентирующие граждан на активное правомерное поведение в коррупционных ситуациях¹⁰.

Сравнение деятельного и добровольного отказа от совершения преступления

Считаем необходимым провести уголовно-правовой анализ соотношения деятельного отказа от совершения преступления с добровольным отказом от преступления, регламентированном статьей 31 УК РФ, выделив следующие особенности.

Во-первых, добровольный отказ от совершения преступления предполагает окончательное прекращение каких-либо действий после принятия решения, тогда как деятельный отказ предполагает совершение обязательных дейст-

⁷ Сабитов Р. А. Правовое стимулирование сообщений о коррупции // Виктимология. 2017. № 3 (14). С. 5.

⁸ Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Russian Journal of Economics and Law. 2020. Т. 14. № 1. С. 99.

⁹ Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика : учеб. пособие для вузов / под ред. В. Я. Кикотя, Г. М. Казиахмедова. М. : Норма, 2006. С. 223.

¹⁰ Пустовалова И. Н. Поощрительные санкции в механизме противодействия коррупции // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 10. С. 107.

вий по уведомлению правоохранительных органов, а также активное участие в раскрытии и расследовании преступления.

Во-вторых, добровольный отказ от преступления возможен на стадии приготовления и покушения на совершение преступления, а деятельный отказ возможен также до стадии приготовления, сразу после поступления лицу предложения совершить преступление.

В-третьих, деятельный отказ от совершения преступления может выражаться только в активном действии, в отличие от добровольного отказа от преступления, предполагающего как действие, так и бездействие.

В-четвертых, нельзя говорить о деятельном отказе от совершения преступления в отношении лица, являющегося инициатором совершения преступления, так как невозможно сначала инициировать совершение преступления, а впоследствии отказаться от него и изобличить иного участника, поскольку данное действие по своей сути является провокацией преступления.

Таким образом, несмотря на различия, деятельный отказ от совершения преступления является разновидностью добровольного отказа от преступления.

Вознаграждение за деятельный отказ от совершения преступления как поощрительная норма

Вознаграждение за деятельный отказ от совершения преступления, безусловно, является поощрительной нормой, направленной на материальное стимулирование определенной общественно полезной модели поведения лица. Опираясь на классификацию поощрительных норм по целям воздействия на поощрительные нормы, стимулирующие правомерное посткриминальное поведение, проанализируем каждую из них через призму отношений взяткодатель-взяткополучатель.

В контексте поощрительных норм, удерживающих от совершения преступления, можно выделить несколько типовых ситуаций.

1. *Поощрение служащего за отказ от получения взятки.* Говоря о поощрении отказа от

совершения преступления государственным и муниципальным служащим, необходимо отметить, что на этих лиц возлагается обязанность уведомления работодателя, соответствующих государственных органов о поступившем предложении взятки. Более того, уведомление служащим соответствующих органов об обращении лиц в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений поощряется материально¹¹.

Однако лишь отказ от совершения преступления, с уведомлением представителя нанимателя или правоохранительных органов, не является исчерпывающей мерой в борьбе с коррупцией, в нашем случае с таким преступлением, как дача взятки, поскольку привлечь к уголовной ответственности взяткодателя без проведения тактической операции «задержание преступника с поличным в момент передачи взятки» затруднительно в связи с недостаточностью доказательственной информации. Необходимо дальнейшее участие должностного лица в оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на фиксацию преступления. При этом согласно ст. 17 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» участие лица в оперативно-розыскных мероприятиях является добровольным, что существенно снижает возможность уголовного преследования лиц, предлагающих взятки, в случае отсутствия согласия служащего на участие в оперативно-розыскных мероприятиях.

Иная ситуация складывается, когда должностное лицо, которому была предложена взятка, является сотрудником правоохранительных органов. В соответствии с действующим законодательством на сотрудников правоохранительных органов возлагается обязанность пресечения и раскрытия преступлений. В этой связи данным сотрудникам недостаточно будет лишь уведомить представителя нанимателя, в их обязанности будет входить участие в процессуальных действиях, направленных на пресечение, раскрытие и расследование дачи взятки.

Исходя из сказанного, мы согласимся с точкой зрения, согласно которой в содержание категории «отказ от получения взятки»

¹¹ Постановление Администрации города Ханты-Мансийска Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 08.11.2013 № 1448 (в ред. от 13.02.2017 № 75) «О видах поощрений и награждений муниципальных служащих Администрации города Ханты-Мансийска, органов Администрации города Ханты-Мансийска, способствующих раскрытию правонарушений коррупционной направленности, и порядке их применения» // Самарово-Ханты-Мансийск. 2013. 14 ноября.

включается не только информирование вышестоящего должностного лица о поступившем предложении взятки, но и обязательное согласие сотрудника «на организацию проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях документирования действий взяточдателя»¹². При этом считаем конструктивным дополнить данный подход возложением на служащего обязанности не только дать согласие, но и участвовать в процессуальных действиях, проводимых в ходе расследования данного факта.

По нашему мнению, обязанность участия в процессуальных действиях, направленных на пресечение, раскрытие и расследование преступления, необходимо возложить не только на служащих правоохранительных органов, но и на всех государственных и муниципальных служащих, дополнив часть 1 ст. 9 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» положениями, согласно которым «...на государственных и муниципальных служащих возлагается обязанность участия в процессуальных действиях, направленных на фиксацию, раскрытие и расследование преступлений». Правовым основанием данного тезиса будет обязанность служащих противодействовать коррупции, то есть принимать меры по профилактике коррупции, по минимизации и ликвидации ее последствий, а также по борьбе с коррупцией, то есть по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений.

2. *Поощрение гражданина за отказ от дачи взятки.* Считаем необходимым указать, что отказ от совершения преступления может быть деятельным либо пассивным, характеризующимся бездействием после получения предложения от должностного лица дать взятку. На наш взгляд, нецелесообразно материально стимулировать потенциального взяточдателя за отказ от совершения преступления в виде лишь бездействия, так как данная модель поведения не стимулирует лицо участвовать в раскрытии преступления. Уголовным законодательством при этом не предусмотрена ответственность должностного лица за несообщение

в правоохранительные органы о предложении/требовании взятки. В этом случае для общества сохраняется угроза дальнейших вероятных преступных действий коррумпированного служащего по совершению иных должностных преступлений. Данное обстоятельство обуславливает необходимость стимулирования гражданина на совершение действий, направленных на уведомление правоохранительных органов, а также на дальнейшее активное участие в процессуальных действиях — фиксации, раскрытии и расследовании получения взятки.

При таких обстоятельствах, по нашему мнению, предложенную категорию поощрительной нормы в виде вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления нельзя отнести в чистом виде ни к поощрительным нормам, удерживающим от совершения преступления, ни к поощрительным нормам, стимулирующим посткриминальное поведение. Дело в том, что уведомление правоохранительных органов, а также непосредственное участие в раскрытии и расследовании преступления не относятся к поощрительным нормам, удерживающим от совершения преступления, так как на лицо после отказа от совершения преступления возлагается обязанность по совершению определенных действий, охватываемых оперативно-розыскным мероприятием «наблюдение» или «оперативный эксперимент». С другой стороны, в силу контента данного инструмента, а именно возложения обязанности в виде дальнейшего участия в следственных действиях, направленных на изобличение взяточполучателя, данный механизм невозможно отнести к поощрительным нормам, стимулирующим посткриминальное поведение, так как отказ от совершения преступления произошел до окончания преступления, в силу чего не может быть отнесен к посткриминальному поведению.

Таким образом, учитывая отмеченную специфику вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления, полагаем возможным выделить отдельную группу поощрительных норм, стимулирующих правомерное поведение в период пресечения преступления.

¹² Полторыгин Р. В., Сахапов И. Р. Поощрение за отказ от получения взятки как один из видов стимулирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел (Опыт МВД по Республике Татарстан) // Труды академии Управления МВД России. 2014. № 2 (30). С. 26.

Соотношение вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления с иными видами вознаграждения за помощь в раскрытии коррупционных преступлений

В российском законодательстве имеется ряд нормативных актов, регламентирующих основания и процедуру выплаты вознаграждения лицам, сообщившим правоохранительным органам о коррупционных фактах. В частности, можно назвать Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», согласно п. 34 ч. 1 ст. 13 которого органам Министерства внутренних дел предоставлено право «объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, и выплачивать его гражданам». Другим законодательным актом является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно ч. 5 ст. 18 которого «лица, сотрудничающие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, либо оказавшие им помощь в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших, могут получать вознаграждения и другие выплаты». Основания и процедура получения вознаграждения регламентированы приказом МВД России от 06.06.2018 № 356 «Об утверждении Положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших».

Аналогичные нормы имеются в законодательствах зарубежных стран. Так, в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан от 30.12.2015 № 1131 «Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции» лицам, сообщившим о фактах совершения коррупционного преступления, предоставившим информацию о местонахождении разыскиваемого лица или оказавшим иное содействие в раскрытии и расследовании преступления, выплачивается поощрение в виде денежного вознаграждения до 100 месячных расчетных показателей.

Проведем сравнительный анализ эффективности механизма противодействия коррупции посредством выплаты вознаграждения за помощь в раскрытии преступления лицам, сообщившим в компетентные органы о любых фактах совершения коррупционных деяний, с вознаграждением за деятельный отказ от совершения преступления.

Вознаграждение за деятельный отказ от совершения коррупционного преступления отличается от вознаграждения за помощь в раскрытии преступления лицами, сообщившими в компетентные органы о любых фактах коррупционных преступлений, несмотря на направленность обоих механизмов на пресечение коррупционной сделки. Во-первых, в первом случае получателем вознаграждения является лицо, являющееся участником коррупционного преступления, тогда как во втором случае получатель — третье лицо, не являющееся стороной коррупционной сделки. Во-вторых, лицо, деятельно отказавшееся от совершения преступления, берет на себя обязательство открыто выступить в судебном процессе, уличая иных участников коррупционной сделки, тогда как лицо, получающее вознаграждение за помощь в раскрытии преступления, как правило, желает сохранить анонимность. В-третьих, согласно приказу МВД России № 356 вознаграждение выплачивается «в случае возникновения у полиции необходимости обращения к помощи граждан в целях раскрытия преступлений и задержания лиц, их совершивших». Данная норма подразумевает, что к моменту объявления вознаграждения за помощь в раскрытии преступления уже имеется материал проверки или уголовное дело. Выплата вознаграждения, согласно указанным нормативным документам, является эффективным средством борьбы с преступностью, но никоим образом не снижает уровень латентности преступлений. Фактически данный правовой механизм стимулирует получение информации от лиц, которым что-либо известно о совершенном преступлении.

Таким образом, в случае деятельного отказа от совершения преступления закладывается механизм, мотивирующий непосредственного участника коррупционного преступления, а не свидетеля сообщить о преступлении правоохранительным органам, что анонсирует введение в правоприменительную практику кардинально нового подхода в борьбе с латентной коррупционной преступностью.

В американском законодательстве предложен иной подход к выплате вознаграждения. Согласно п. 1d параграфа 3730 Федерального закона США о ложных заявлениях (Federal False claims act) лицо, инициировавшее иск коррупционного характера, может претендовать на вознаграждение от правительства в размере от 15 до 25 % от суммы иска или урегулирования претензии, а при отсутствии поддержки прави-

тельства сумма вознаграждения будет составлять от 25 до 30 % от суммы иска. Отличительной особенностью данного законодательного акта является возможность предъявления антикоррупционного иска любым частным лицом, а не только государственным органом. В данном случае имеет место реализация принципа англосаксонской правовой системы *qui tam pro domino rege quam pro se ipso in hac parte sequitur* (тот, кто возбуждает дело от имени нашего господина Короля, а также для себя самого). Оригинальность данного подхода заключается в том, что вознаграждение выплачивается лицу, выявившему коррупционную сделку, в рамках гражданского законодательства. Следующее отличие данного механизма от вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления выражается в том, что данный механизм не направлен на предотвращение совершения коррупционного преступления, а является оригинальным правовым механизмом, позволяющим выявить коррупционную сделку.

Вознаграждение за деятельный отказ от совершения преступления в криминалистике

Внедрение данного института в правоприменительную практику, по нашему мнению, не требует создания особенной методики расследования получения взятки, так как принципиальных отличий от уже имеющейся методики расследования получения взятки в типовой следственной ситуации, формирующейся в результате поступления в правоохранительные органы заявления лица о требовании у него должностным лицом взятки, не имеется. Подобная методика достаточно активно используется. Версия об оговоре должностного лица на первоначальном этапе расследования является типовой и должна проверяться в любой следственной ситуации. По нашему мнению, возможность получения заявителем вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления никоим образом не должна влиять на деятельность органов предварительного следствия и зависеть от их результатов. Основанием для выплаты вознаграждения Правительством РФ будет соответствующее заявление лица с приложением подтверждающих документов: заявления в правоохранительные органы, постановления о возбуждении уголовного дела, приговора суда и т.д., при этом участие органа предварительного расследования

или суда в процессе получения вознаграждения не требуется. При таких обстоятельствах, полагаем, будут исключены вероятные коррупционные риски при принятии решения о выплате вознаграждения за деятельный отказ от совершения преступления.

Заключение

Исходя из изложенного, полагаем целесообразным введение в национальное законодательство стран, проводящих активную внутреннюю политику по противодействию коррупции, механизма экономического (материального) стимулирования физических и юридических лиц, сообщающих компетентным органам о поступивших им от публичных должностных лиц предложениях о совершении коррупционной сделки (даче взятки). Лицо, вставшее перед проблемой — давать взятку или нет, может на законных основаниях получить желаемое благо и вознаграждение в случае сообщения о данном факте в правоохранительные органы и оказания содействия в раскрытии и расследовании данного преступления. Если говорить о российском законодательстве, то необходимо дополнить Федеральный закон «О противодействии коррупции» положениями, согласно которым лицам, сообщившим в правоохранительные органы о поступившем им предложении или требовании вступить в коррупционную сделку, оказавшим содействие в выявлении, пресечении, раскрытии и расследовании коррупционного преступления, из средств федерального бюджета выплачивается денежное вознаграждение. Источники финансирования и порядок выплаты определяются Правительством РФ.

Под вознаграждением за деятельный отказ от преступления следует понимать гарантированную государством выплату значимого денежного вознаграждения, и (или) оказание желаемой государственной услуги, и (или) предоставление материального блага, и (или) отказ от требования исполнения возложенных законом обязанностей лицам, отказавшимся от совершения преступления, уведомившим о данном факте правоохранительные органы и активно участвовавшим в раскрытии и расследовании данного преступления. Механизм и порядок выплаты вознаграждения за деятельный отказ, по нашему мнению, должны быть определены постановлением Правительства РФ.

Вознаграждение за деятельный отказ от совершения преступления будет способствовать раскрытию коррупционных преступлений, снижая их латентность. Полагаем также, что вознаграждение за деятельный отказ от совершения преступления можно использо-

вать для предотвращения некоторых преступлений, совершаемых по корыстным мотивам, в частности убийства по найму (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по найму (п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е. Ю. Защита и поощрение осведомителей как мера противодействия правонарушениям коррупционной направленности: опыт зарубежных стран // Право и государство: теория и практика. 2020. № 6. С. 92–95.

Кабанов П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования // Russian Journal of Economics and Law. 2020. Т. 14. № 1. С. 105–109.

Кабанов П. А. Реализация принципа поощрения антикоррупционной деятельности в Российской Федерации // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 410–425.

Латов Ю. В., Ковалев С. Н. Теневая экономика : учеб. пособие для вузов / под ред. В. Я. Кикотя, Г. М. Казиахмедова. М. : Норма, 2006. 256 с.

Полторыгин Р. В., Сахапов И. Р. Поощрение за отказ от получения взятки как один из видов стимулирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел. (Опыт МВД по Республике Татарстан) // Труды академии Управления МВД России. 2014. № 2 (30). С. 24–27.

Пустовалова И. Н. Поощрительные санкции в механизме противодействия коррупции // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 10. С. 105–109.

Сабитов Р. А. Правовое стимулирование сообщений о коррупции // Виктимология. 2017. № 3 (14). С. 5–13.

REFERENCES

Antonova EYu. Protection and promotion of whistleblowers as a measure to counter corruption-related offenses: the experience of foreign countries. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*. 2020;6:92-95. (In Russ.).

Kabanov PA. Material incentives for anticorruption whistleblowing in the Russian Federation: issues of legal regulation. *Juridicheskaja tekhnika*. 2020;14:410-425. (In Russ.).

Kabanov PA. Material stimulation of anti-corruption whistleblowing in the Russian Federation: Issues of legal regulation. *Russian Journal of Economics and Law*. 2020;14(1):105-109. (In Russ.).

Latov YuV, Kovalev SN, Kikot BYa, Kaziakhmedova GM (eds.). Shadow economy. Study Gide for Higher Schools. Moscow: Norma Publ.; 2006. (In Russ.).

Poltorygin RV, Sakhapov IR. Encouragement for refusing to accept a bribe as one of the types of stimulation of anti-corruption behavior of employees of internal affairs bodies. (Experience of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Tatarstan). *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. 2014;2(30):24-27. (In Russ.).

Pustovalova IN. Incentive sanctions in the anti-corruption mechanism. *Zakonnost i pravoporyadok v sovremennom mire*. 2012;10:105-109. (In Russ.).

Sabitov RA. Legal stimulation of corruption reports. *Viktimologiya*. 2017;3(14):5-13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гарифуллин Ильгиз Ринатович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий
д. 131, ул. Достоевского, г. Уфа 450005, Российская Федерация
garilrin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilgiz R. Garifullin, Cand. Sci. (Law)., Associate Professor, Associate Professor,
Department of Criminology of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology
131, Dostoevsky St., Ufa 450005, Russian Federation
garilrin@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 25 мая 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 16.05.2023

Revised 25.05.2023

Accepted 15.09.2023

И. В. Чечельницкий

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

О целях государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации

Резюме. В статье сформулирован авторский подход к понятию, видам, признакам целей государственной правозащитной деятельности. В самом общем виде правозащитная деятельность заключается в системе активных действий, осуществляемых государственными органами и организациями, а также институтами гражданского общества и международными организациями, направленных на восстановление нарушенных и создание надлежащих условий для реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также коллективных прав и публичных интересов групп граждан, коммерческих и некоммерческих организаций.

В науке предлагается выделять следующие виды правозащитных целей: общие и частные; основные и неосновные; конечные, промежуточные и непосредственные; объективно истинные и объективно ложные; реальные и нереальные; своевременные и несвоевременные; материальные и инструментальные. Имеющиеся научные наработки по данному вопросу, безусловно, представляют значительный интерес, однако в большей степени характеризуют правозащитные цели законодательства, а не правозащитной практики.

Предложены и детально охарактеризованы такие необходимые признаки правозащитной цели, как ее гуманизм, нравственная обоснованность, социальная обусловленность и юридическая значимость.

Сформулирована классификация видов правозащитных целей, предлагается выделять стратегические (общие) и тактические (частные); правоприменительные, правотворческие и «правопросветительские»; позитивные и естественно-правовые правозащитные цели.

В работе сделан вывод о необходимости всестороннего учета в законодательстве и правоприменительной практике целей правозащитной деятельности. Указано также, что необходимой характеристикой правозащитной деятельности является ее осуществление специфическими правовыми методами, которые строго регламентированы положениями действующих нормативных правовых актов или, во всяком случае, не противоречат им, а кроме того, не должны выходить за рамки этических норм и принципов.

Ключевые слова: цель в праве; правозащитная деятельность; права человека; правозащитные цели; виды правозащитных целей; признаки правозащитных целей; средства правозащитной деятельности; стратегия правозащитной деятельности; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; омбудсмен; право; государство; общество

Для цитирования: Чечельницкий И. В. О целях государственной правозащитной деятельности в Российской Федерации. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 56–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.056-070

Objectives of State Human Rights Protection Activities in the Russian Federation

Ilya V. Chechelnitzky

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper defines the author's approach to the concept, types, characteristics of the goals of state human rights protection. In its most general form, human rights protection includes a system of actions carried out by State bodies and organizations, as well as civil society institutions and international organizations, aimed at restoring violated and creating appropriate conditions for implementation of human and citizen rights, freedoms and legitimate interests, as well as collective rights and public interests of groups of citizens, commercial and non-commercial organizations.

Researchers propose to distinguish the following types of human rights protection objectives: general and particular; basic and non-basic; final, intermediate and immediate; objectively true and objectively false; real and unreal; timely and untimely; substantive and instrumental. Indeed, the available academic developments on this issue are of great interest, but largely they characterize the human rights objectives enshrined in legislation, rather than practice of human rights protection.

The paper elucidates and describes in detail such necessary signs of a human rights protection objective as its humanism, moral validity, social conditionality and legal significance.

The classification of the types of human rights objectives is defined; it is proposed to distinguish strategic (general) and tactical (private) objectives; law enforcement, law-making and «law-enlightening» ones; positive and natural law human rights objectives.

The paper concludes that there is a need for comprehensive consideration of the goals of human rights protection in legislation and law enforcement practice. It is also indicated that a necessary characteristic of human rights protection is its implementation by specific legal methods that are subject to strict regulation by means of provisions of existing normative legal acts or, in any case, they do not contradict them, and in addition, should not go beyond ethical norms and principles.

Keywords: purpose in law; human rights protection; human rights; human rights goals; types of human rights goals; signs of human rights goals; means of human rights activities; strategy of human rights activities; Commissioner for Human Rights in the Russian Federation; ombudsman; law; state; society

Cite as: Chechelnitzky IV. Objectives of State Human Rights Protection Activities in the Russian Federation. *Lex russica*. 2023;76(10):56-70. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.056-070

Введение

Проблема целей в праве и соразмерных средств их достижения является одной из ключевых в современной юридической науке. Пожалуй, ни одно государственно-правовое явление не может получить должного теоретического осмысления и практического применения вне категорий цели и средств, применимых для решения той или иной общественно-государственной задачи.

Безусловно, не является исключением и правозащитная деятельность, которая выступает одним из наиболее сложных и важных для общества феноменов. В самом общем виде она заключается в системе активных действий, осуществляемых государственными органами и

организациями, а также институтами гражданского общества и международными организациями, направленных на восстановление нарушенных и создание надлежащих условий для реализации прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, а также коллективных прав и публичных интересов групп граждан, коммерческих и некоммерческих организаций. В науке справедливо отмечается, что сегодня как никогда востребованы «новые взгляды на инфраструктуру обеспечения правовой защищенности человека, в том числе уточнение системы контрольных и надзорных функций в этой сфере»¹.

Из названия данной категории уже просматривается ее главная цель — защищать право. Президент РФ В. В. Путин, говоря о целях пра-

¹ Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 75–85.

возащитной деятельности, справедливо отметил, то все ее направления «должны укреплять нашу страну, делать ее более цивилизованной, сплоченной»².

В нормативных правовых актах детально не раскрывается понятие правозащитной цели, однако указывается, что целями правозащитной деятельности выступают защита прав и свобод человека и гражданина, а также укрепление и развитие институтов гражданского общества³.

Необходимо отметить, что ряд законодательных актов называют саму защиту прав, свобод и законных интересов граждан целью многих видов государственной деятельности. Конституция Российской Федерации провозглашает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2). Законодательно предусматривается возможность обращения в суд в целях защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или неопределенного круга лиц (ст. 40 КАС РФ⁴), использования имущества Фонда развития территорий в целях защиты прав и законных интересов граждан — участников строительства (ст. 13.1 Федерального закона от 29.07.2017 № 218-ФЗ «О публично-правовой компании “Фонд развития территорий” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵). Отдельные законы приняты в целях обеспече-

ния государственной и общественной защиты прав и законных интересов инвесторов ценных бумаг⁶, защиты прав потребителей⁷, защиты прав коренных малочисленных народов⁸ и др.

Представляется, что в нормативных актах обозначены наиболее важные реперные точки целеполагания правозащитной деятельности, однако необходимо отметить, что комплексные дефиниции правозащиты и ее целей в законодательстве отсутствуют. Безусловно, они нуждаются в глубоком доктринальном анализе с выработкой соответствующих выводов и предложений.

Для того чтобы исследовать данный философско-правовой феномен, обратимся к дефинициям категории цели, сформировавшимся в юридической доктрине.

Безусловно, в философском плане следует согласиться с тем, что право — «борьба и мир», где мир — это цель, а борьба — это средство права⁹.

В отечественной философии права сложилось целое направление мысли, посвященное исследованию категории цели в праве, цели права или правовых целей¹⁰, которые также следует отличать друг от друга как общее и частное. Если цель права опосредует задачу установления более справедливого правопорядка, основанного на этом важнейшем нормативном регуляторе общественных отношений, достиже-

² Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53437> (дата обращения: 04.09.2023).

³ Указ Президента РФ от 30.09.2015 № 491 «О Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области правозащитной деятельности и Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области благотворительной деятельности» // СЗ РФ. 2015. № 40. Ст. 5533.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

⁵ СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4767.

⁶ Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1999. № 10. Ст. 1163.

⁷ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁸ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

⁹ Иеринг Р. фон. Борьба за право. М., 1874. С. 11.

¹⁰ См., например: Гурьянова В. В., Чулюкин Л. Д. Общая характеристика цели в праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Вып. 1 (59). С. 24–46; Момотов В. В. Экономическая эффективность права как цель правового регулирования // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 29–35; Жуйков В. М. Новые проблемы прямого действия Конституции Российской Федерации и доступа к правосудию в целях защиты прав и свобод человека // Закон. 2022. № 7. С. 79–86; Бабурин С. Н. О духовности целей и социальности задач российской конституционной реформы // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 3–8; Згонников П. П. К вопросу о целях ограничения прав // Российская юстиция. 2019. № 7. С. 12–15; Царев А. Ю. О цели закона // Представительная власть — XXI век:

ния свободы, мира и справедливости¹¹, то цели в праве, или правовые цели, — это конкретные задачи, на решение которых в действующей системе правового регулирования направлена та или иная отрасль права, институт права или конкретная правовая норма. При этом важно отметить, что цель — это не система действий, а ожидаемый от них эффект.

Одним из первых в российской юридической науке философскую по своей сути категорию цели на язык права «переложил» выдающийся советский и российский правовед, член-корреспондент РАН Д. А. Керимов¹², столетний юбилей со дня рождения которого юридическое сообщество отмечает в этом году. Научные труды профессора Д. А. Керимова заложили отдельную школу правовой мысли в отечественной теории государства и права¹³, озарили светом научного осмысления наиболее сложные участки государственно-правового строительства современного Российского государства. Д. А. Керимов справедливо отмечал, что «цель как философская категория лежит в основе исследования правовых явлений и процессов, детерминирует правотворчество, само право, законодательство и его реализацию, совершенствование и развитие правовой системы»¹⁴.

Безусловно, это в полной мере относится и к правозащитной деятельности как одной из форм реализации права, совершенствования и развития правовой системы. Отсутствие

цели, которая предполагает «предвидимый и желаемый результат реализации субъектом выбранных им возможностей, подлежащий практическому осуществлению»¹⁵, сводит к минимуму эффективность любой человеческой деятельности, в том числе и в сфере государственной защиты прав человека. Действительно, невозможно представить себе реализацию государственных полномочий в данной сфере без «мысленного предвосхищения результата деятельности»¹⁶.

Важно отметить, что категория цели в праве напрямую связана с проблемой справедливого отражения различных интересов в процессе правозащитной деятельности, поскольку право выступает в качестве некоего беспристрастного посредника между всеми конфликтующими требованиями и притязаниями.

Данный тезис имеет особое философско-правовое значение для сферы защиты прав человека, поскольку в практике правозащитной деятельности постоянно приходится сталкиваться с конфликтами различных частных и публичных интересов и находить между ними справедливый баланс. Например, при разрешении трудовых споров всегда требуется сбалансированный подход к обеспечению прав работника и работодателя, в сфере экологии — прав собственника предприятия и коллектива работающих там людей, с одной стороны, и граждан, требующих благоприятной окружающей среды, — с другой, в уголовном процессе

законодательство, комментарии, проблемы. 2007. № 4. С. 15–18 ; *Осипов М. Ю.* Цели и метод правового регулирования // *Право и государство: теория и практика.* 2007. № 1. С. 24–30 ; *Мазуренко А. П.* Цели, средства и результаты правотворческой политики // *Философия права.* 2007. № 1. С. 32–38 ; *Шувалов И. И.* Цели и средства в правотворческой деятельности // *Закон.* 2005. № 5. С. 110–115 ; *Малько А. В., Шундилов К. В.* Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003 ; *Максимов С. В.* Цель в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002 ; *Малько А. В.* Цель и средства в праве: общетеоретический аспект // *Правовая наука и реформа юридического образования : сборник науч. трудов.* Воронеж, 1999. Вып. 11. С. 102–119 ; *Пунжин С. М.* Категория «цель» в советской науке международного права // *Вестник Московского университета.* 1986. № 3. С. 62–66 ; *Экимов А. И.* Категория «цель» в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970.

¹¹ *Ильин И. А.* Наши задачи // URL: <http://apocalypse.orthodoxy.ru/problems/078.htm> (дата обращения: 09.07.2023).

¹² *Керимов Д. А.* Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. С. 367–406 (гл. 9 «Цель в праве») ; *Он же.* Философские основания политико-правовых исследований. М., 1986. С. 332 ; *Он же.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 292–309 (гл. 17 «Цель и средство»).

¹³ См., например: *Мальцев Г. В.* Социальная справедливость и право. М., 1977 ; *Экимов А. И.* Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет. Сборник научных трудов. М. : Проспект, 2022 ; *Керимов А. Д.* Демократия: опыт критического анализа. М. : Норма, 2019.

¹⁴ *Керимов Д. А.* Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). С. 292.

¹⁵ *Экимов А. И.* Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С. 29.

¹⁶ *Шувалов И. И.* Цели и средства в правотворческой деятельности // *Закон.* 2005. № 5. С. 110.

должен обеспечиваться справедливый баланс при защите прав потерпевшего и обвиняемого.

Исследование цели и средств позволяет выйти на проблему эффективности правозащитной деятельности, которая достигается путем нахождения баланса этих интересов, способствующего движению общества по пути прогресса. Иными словами, целью правозащитной деятельности является, во всяком случае должно являться, в широком смысле формирование справедливого общественного устройства или реализация требований справедливости в конкретной сфере общественно-государственных отношений. Выдающийся русский философ В. С. Соловьев по этому поводу обоснованно писал, что «задача права — обеспечить равную пользу для всех членов общества, то есть справедливость. Поскольку частные интересы беспредельны и противоречат друг другу, право не в состоянии реализовать полностью каждый частный интерес, оно может только справедливо заботиться об общей границе этих интересов, об одинаковой пользе для них»¹⁷.

Несмотря на приведенный богатый спектр научных изысканий, посвященных категории цели в праве, понятие правозащитной цели долгое время оставалось за пределами фокуса юридической науки, а появившиеся в последние годы исследования в данной области рас-

крывают лишь отдельные аспекты этого сложного правового явления¹⁸.

В юридической науке целями правозащитной деятельности называют восстановление правозащитной безопасности человека либо устранение для нее угроз¹⁹; защиту прав и свобод человека и гражданина от нарушений и посягательств, выявление и искоренение нарушений прав и свобод человека и гражданина публичными структурами и их представителями, оказание правовой помощи пострадавшим²⁰; восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина, а также пресечение и предупреждение таких нарушений²¹; защиту нарушенных прав и свобод человека и гражданина, пресечение выявленных нарушений и достижение в России состояния реальной защищенности прав и свобод человека²²; устранение препятствий на пути осуществления прав человека, а также восстановление нарушенных прав и наказание виновных в их нарушении²³; предвосхищенный в законе (правовой норме) высокий уровень правовой защищенности прав и свобод, которыми обладает человек на территории России, соответствующий международным и внутригосударственным правовым стандартам²⁴.

Вместе с тем, как представляется, каждая из приведенных формулировок, верно отражая

¹⁷ Соловьев В. С. Право и нравственность // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 528.

¹⁸ См.: Винокуров А. Ю., Карпов Н. Н. О системе и иерархии функций прокуратуры в контексте конституционных новелл // Законность. 2022. № 5. С. 27–31; Ким Ю. В. О понятиях правозащитной деятельности и правозащитной системы или же к вопросу об организационно-правовых предпосылках «всемирного счастья» // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 27–35; Самбор Н. А. Административно-правовые аспекты права на свободу мирных собраний в Российской Федерации и его судебная защита // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 47–54; Несвит Е. А. Суд как субъект защиты прав граждан // Административное право и процесс. 2020. № 10. С. 48–51; Панкова О. В. Задачи и функции правосудия по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 12–19.

¹⁹ Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14.

²⁰ Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 12.

²¹ Калнина М. Ю. Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

²² Бойченко С. И. Правозащитная деятельность прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. С. 9–10.

²³ Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 9.

²⁴ Стремоухов А. А. Классификация правозащитных целей // Вестник Московского университета МВД России. Право. 2018. № 6. С. 30–35.

отдельные целевые показатели правозащитной работы, адекватно не раскрывает назначения правозащитной деятельности на современном этапе развития российского государства и права. Для исследования данной категории обратимся к положениям действующего законодательства, регулирующего различные правозащитные институты.

Так, целью правозащитной деятельности адвокатуры является защита прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, а также обеспечение доступа к правосудию (ст. 1 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»²⁵).

Правозащитная работа органов прокуратуры осуществляется с целью обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства (ст. 2 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»²⁶).

Целью деятельности такого института государственной правозащиты, как Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (далее — Уполномоченный), является обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»²⁷). При этом, как отмечает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москалькова, институт омбудсмена «не просто помогает не допустить поправки законных прав. Он возвращает людям веру в справедливость»²⁸.

Целью правозащитной работы детского омбудсмена выступает обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов детей, реализации и соблюдения прав и законных интересов детей государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (ст. 2 Федерального закона от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»²⁹).

Уполномоченные по защите прав предпринимателей имеют целью своей работы обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдение указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами (ст. 1 Федерального закона от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»³⁰).

Наиболее узко законодателем сформулирована цель деятельности уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг, которая заключается в рассмотрении обращений потребителей финансовых услуг об удовлетворении требований имущественного характера, предъявляемых к финансовым организациям, оказавшим им финансовые услуги³¹. При этом финансовый уполномоченный осуществляет «досудебное урегулирование споров между финансовыми организациями и потребителями их услуг»³².

Анализ содержащихся в теории и законодательстве позиций позволяет сформулировать в качестве общей цели правозащитной работы эффективную защиту, обеспечение, восстановление прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, объединений граждан, а также публичных интересов и коллективных прав всего общества и государства, направ-

²⁵ СЗ РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

²⁶ СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

²⁷ СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

²⁸ Защищать ежечасно... Омбудсмен Татьяна Москалькова — о том, зачем нужна система уполномоченных по правам человека // Известия IZ. 16.12.2016. URL: <https://iz.ru/news/650424> (дата обращения: 04.09.2023).

²⁹ СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8427.

³⁰ СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

³¹ Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

³² Первый приоритет — права потребителей [Интервью с О. Крайновой] // Современные страховые технологии. 2022. № 2. С. 57–59.

ленную на достижение социальной справедливости, отвечающую признакам гуманизма, нравственной обоснованности, социальной обусловленности и юридической значимости.

Как видно из предложенной дефиниции, категория цели правозащитной деятельности — это комплексное государственно-правовое явление, для анализа которого, исходя из имеющихся теоретических изысканий и практической правозащитной работы, важно сформулировать и раскрыть его основные признаки.

Необходимо отметить, что далеко не каждая цель в праве может называться правозащитной. Право выполняет различные функции, в числе которых правозащитная является одной из основных, но далеко не единственной. Поэтому нельзя механически проецировать цели права на правозащитную деятельность. Цели правозащитной деятельности подчинены целям права, но не тождественны им. Из этого следует, что правозащитная цель должна отвечать определенным признакам, среди которых на основании анализа юридической литературы и правозащитной практики следует выделить четыре базовых: цель правозащитной деятельности должна быть гуманной, нравственно обоснованной, социально обусловленной и юридически значимой.

Первым признаком правозащитной цели, отличающим ее от иных правовых целей, выступает ее гуманизм — направленность на защиту, обеспечение, соблюдение прав и свобод человека и гражданина. На практике данный признак позволяет четко отличить правозащитный государственный орган от иного. Например, ФНС России, выполняя важнейшие функции по наполнению государственной казны, правозащитные цели не реализует, в отличие от иного правоохранительного органа — МВД России, которое достигает в своей деятельности в том числе и правозащитных целей, обеспечивая правовую защиту лица, потерпевшего от

преступления. Гуманизм правозащитных целей предопределяет сущность такой деятельности, в которой на первом месте всегда выступает человек, его права, свободы и законные интересы. В этом смысле можно отличить правозащитную деятельность от правоохранительной, где главной задачей является обеспечение безопасности государства, общества и личности, поддержание действующего правопорядка и защита государственности. Это, конечно, не значит, что правоохранительная деятельность не обладает свойством гуманизма, но для нее это качество не имеет сущностного характера³³.

Второй важнейший признак правозащитной цели — ее нравственная обоснованность. Очевидно, что «...юридические законы не должны противоречить нравственным постулатам»³⁴, однако, к сожалению, на практике так происходит далеко не всегда. Вместе с тем выбор цели и средств в правозащитной деятельности напрямую связан с проблемой справедливости. Как отмечается в науке, «когда речь идет о выяснении справедливости права, то особо должен стоять вопрос о том, насколько справедливы правовые цели и правовые средства, закрепленные в юридических нормах»³⁵.

Правозащитная цель, в отличие от иных правовых целей, обязательно должна быть не только законной и обоснованной, но и справедливой, что особенно важно для российского социума, где «для широких масс, глубинного народного сознания характерна апелляция к правде, справедливости, морали или нравственности»³⁶.

Это значит, что в процессе достижения правозащитной цели всегда должен обеспечиваться соразмерный баланс между интересами личности, общества и государства. При этом нередко в правозащитной практике встречаются ситуации, «когда по закону все верно, а по справедливости — слезы на глаза наворачиваются»³⁷. В таких случаях правозащитник обя-

³³ Васяев А. А. О сходстве и различии правозащитной и правоохранительной деятельности // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 55–57; Бендицкая О. И. К вопросу о сущности, формах и специфике правозащитной деятельности (в контексте актуальности ее теоретико-правового исследования) // Мировой судья. 2018. № 10. С. 9–13.

³⁴ Корнев А. В. Свобода и право: соотношение понятий // Lex russica. 2015. № 4. С. 117.

³⁵ Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 85–86.

³⁶ Корнев А. В. В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой: два взгляда на право и нравственность // Lex russica. 2021. № 7. С. 140.

³⁷ Татьяна Москалькова: Когда по закону все верно, а по справедливости — слезы на глаза наворачиваются // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/09/20/tatiana-moskalkova-kogda-po-zakonu-vse-verno-a-po-spravedlivosti-slezy-na-glaza-navorachivaiutsia.html> (дата обращения: 15.08.2023).

зательно должен встать на сторону человека и сделать всё, чтобы помочь ему хоть немного, даже за пределами правового поля. В процессе правозащитной деятельности обязательно должна обеспечиваться социальная справедливость. Например, в практике Уполномоченного встречалась ситуация, когда ипотечные заемщики, которые взяли кредиты на покупку квартиры в иностранной валюте, после резкого скачка курса валюты остались без жилья и должны при этом банкам значительные денежные суммы. Законодательных оснований оказать им помощь не имелось, поскольку в данной ситуации закон был на стороне кредитора-банка. Однако, не согласившись с таким порядком вещей, омбудсмен обратилась к Президенту РФ В. В. Путину, по поручению которого была разработана специальная государственная программа, позволившая сохранить жилье для более чем 20 тыс. валютных ипотечных заемщиков³⁸.

Третий признак правозащитной цели заключается в том, что она должна быть социально обусловлена, т.е. должна обладать качеством истинности и реальности, адекватно отражать интересы людей и иметь реальные, а не потенциальные средства осуществления³⁹. В науке по этому поводу справедливо отмечается, что «законы любого современного государства должны закреплять социально значимые цели»⁴⁰.

Понимание находят только те правовые цели, которые укладываются в рамки их мировоззренческих установок, сформированных из поколения в поколение. Именно поэтому при сломе старых систем ценностей и «насаждении» новых столь сложно осуществлять эффективное правовое регулирование. И наоборот, конституционная реформа 2020 г., направленная на отражение в Конституции Российской Федерации традиционных ценностей, консолидировала общество.

Важно, чтобы правозащитная деятельность органов государственной власти отражала истинные ценности народа, избравшего и установившего их. Правозащитная цель должна отражать конкретные интересы общества, государства и личности. При этом важно

обеспечивать справедливый баланс личных и общественных интересов на основании демократического учета интересов большинства, а не диктатуры ценностей меньшинства, как происходит в некоторых западных государствах, иначе общество рискует деградировать и прийти к рецессии своего развития, а такая «правозащитная деятельность», прекратив служить инструментом эволюции общества и государства, наоборот, станет катализатором деструктивных социальных процессов.

Там, как справедливо отмечается в науке, «гипериндивидуалистические интенции человека-индивида выступают условием и критерием формирования правовых отношений, антропологические особенности становятся непосредственным источником правового регулирования (однополые браки, “культ молодости (тинейджеры)”, ювенальная юстиция, манипуляции с половой принадлежностью, вовлечение в эти процессы западных религиозных исповеданий)»⁴¹.

К сожалению, нередко, особенно в европейских государствах, сегодня можно видеть, что государственные институты, призванные заниматься защитой прав человека, держат в поле зрения права только лишь отдельных меньшинств, забывая о традиционных правах человека, которые волнуют каждого, вне зависимости от их предпочтений. В этой связи важно отметить, что в России сегодня создана система защиты прав человека, отражающая интересы и ценности большинства населения нашего государства. Однако необходимо признать, что порою и она нуждается в доработке, что лишний раз подчеркивает актуальность научных исследований в данной сфере. Правозащита должна стремиться к максимально полному отражению морально-нравственных императивов общества, его представлений о добре и зле, чести, совести и справедливости в общественно-государственных отношениях, складывающихся по поводу восстановления нарушенного права.

Четвертый признак цели правозащитной деятельности заключается в том, что она должна быть юридически значимой. Юридическая

³⁸ Как омбудсмен помогла многодетным семьям с решением по валютной ипотеке // URL: <https://rg.ru/2019/07/31/kak-ombudsmen-pomogla-mnogodetnym-semiam-s-resheniem-po-valiutnoj-ipoteke.html> (дата обращения: 15.08.2023).

³⁹ Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 88.

⁴⁰ Корнев А. В. Свобода и право: соотношение понятий. С. 117.

⁴¹ Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов.

значимость правозащитных целей означает, что недопустима постановка неправомерных целей в правозащитной деятельности. Принимаемые правозащитные усилия не могут противоречить основам конституционного строя России и принципам права. Юридическая значимость правозащитной цели предполагает строгое соблюдение требований законности в процессе ее формулирования и достижения. Обязательным условием правозащитной деятельности является строгое следование в процессе ее осуществления нормам действующего законодательства. Принимаемые правозащитные решения и действия должны, с одной стороны, носить легальный характер (приниматься компетентным субъектом и с соблюдением установленной законодательством процедуры), а с другой стороны, обладать свойством легитимности — признания со стороны общества и конкретной личности, чьи права нарушены.

Представляется, что любые правозащитные цели должны соответствовать указанным признакам, иначе теряется их потенциал и они уходят в плоскость политики или иных сфер общественно-государственных отношений.

Необходимо отметить, что достаточно дискуссионным в юридической науке является вопрос о видах правозащитных целей. Например, в науке предлагается выделять следующие виды правозащитных целей: общие и частные; основные и неосновные; конечные, промежуточные и непосредственные; объективно истинные и объективно ложные; реальные и нереальные; своевременные и несвоевременные; материальные и инструментальные⁴². Имеющиеся научные наработки по данному вопросу, безусловно, представляют значительный интерес, однако в большей степени характеризуют правозащитные цели законодательства, а не правозащитной практики.

Вместе с тем, исходя из правозащитной практики, представляется более правильным выделить следующие виды правозащитных целей: стратегические и тактические (общие и частные); правоприменительные, правотворческие и «правопросветительские»; позитивные и естественно-правовые.

По срокам достижения цели правозащитной деятельности можно разделить на стратегические и тактические (перспективные и текущие, общие и частные). Если стратегические цели предполагают реализацию многоуровнево-

го комплекса действий для их достижения и имеют долгосрочный характер, то тактические носят краткосрочный характер и направлены на конкретный результат.

Как представляется, стратегическая (общая, генеральная) цель правозащитной деятельности заключается в установлении более справедливого правозащитного режима в государстве, который предполагает всестороннее воплощение правозащитных принципов в общественно-государственных отношениях путем реализации специальных правозащитных методов достижения тактических правозащитных целей.

Под тактическими (частными) правозащитными целями предлагается понимать такие результаты правозащитной деятельности, которые направлены:

- на создание условий для недопущения нарушения прав и свобод человека;
- обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина;
- восстановление и защиту нарушенных прав и свобод человека;
- обеспечение выполнения обязанностей по отношению к другим субъектам правоотношений;
- исправление ошибок в правоприменительной практике по вопросам прав и свобод человека;
- восполнение пробелов в законодательстве и исправление законотворческих ошибок;
- правовое просвещение по вопросам прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты;
- развитие системы государственной и негосударственной защиты прав человека;
- укрепление правозащитной идеологии и высокого уровня правовой культуры по вопросам прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты;
- формирование свободной и самостоятельной личности, способной бороться за свои права и осознающей свои обязанности и ответственность перед обществом и государством;
- создание более справедливого правопорядка, исключающего злоупотребления со стороны органов публичной власти, организаций, отдельных индивидов по отношению к личности;
- укрепление традиционных правовых ценностей, развитие патриотизма и сохранение исторической памяти;

⁴² Стрелюхов А. А. Указ. соч.

— совершенствование системы публичной власти путем выявления и устранения узких участков в механизме государственного управления;

— снятие социальной напряженности по актуальным политико-правовым вопросам путем создания дополнительных правозащитных лифтов;

— поддержание системы обратной связи между обществом и государством как механизма саморегуляции системы государственного управления;

— развитие гуманитарного сотрудничества между государствами по линии правозащитной дипломатии;

— формирование международных стандартов в области защиты прав и свобод человека и гражданина на основании лучших отечественных правозащитных практик и др.

Конечно, не любая правозащитная деятельность предполагает достижение всех указанных целей. Обычно происходит их комбинация, параллельное или последовательное достижение на разных этапах и уровнях правозащитной работы. При этом реализация совокупности тактических (частных) правозащитных целей приводит к приближению стратегической (общей) правозащитной цели — претворению в жизнь более справедливого правозащитного режима в нашем государстве.

По характеру предполагаемого результата правозащитные цели предлагается подразделять на правоприменительные, правотворческие и «правопросветительские».

В зависимости от конечной цели правозащитной деятельности ее результат может быть выражен в правильном применении по отношению к человеку, чьи права нарушены, действующего нормативного правового акта. В таком случае права человека обычно нарушаются действиями должностных лиц, которые не исполняют правовые предписания. Например, если молодому человеку из числа детей-сирот, достигшему 18-летнего возраста, органами публичной власти в нарушение установленных законодательством норм длительное время не выдается положенное ему жилье, он имеет

право обратиться в прокуратуру, суд или к Уполномоченному, которые должны принять меры для правильного правоприменения и добиться предоставления человеку жилья. Так, только в 2022 г. более 350 человек из числа детей-сирот получили благоустроенные жилые помещения благодаря правозащитной деятельности Уполномоченного совместно с иными государственными органами⁴³.

Другое дело, если достижение правозащитного результата требует изменения действующего законодательства. Тогда правозащитный орган государственной власти, рассмотрев обращения граждан, требующих обеспечения своих прав и полагающих, что закон, применяемый к ним, несправедлив, может обратиться в законодательный орган с предложением о внесении изменений в законодательство с целью достижения правозащитного результата. В таких случаях права человека нарушаются не действиями или бездействием, а применением в отношении него несправедливого нормативного правового акта. В таком случае правозащитной целью будет «совершенствование правовой регламентации существующих общественных отношений, направленное на их эффективное развитие, на поиск правовой гармонии и обеспечение согласованности социальных интересов»⁴⁴.

Например, во ФСИН России и к Уполномоченному на протяжении многих лет обращались тысячи заключенных, которые просили о переводе для отбывания наказания в исправительное учреждение ближе к месту жительства родственников, однако это было затруднительно, поскольку такого основания для перевода законодательство не предусматривало. И только в 2020 г., в результате большой законодательской работы, которая велась на протяжении 3 лет омбудсменом, Правительством РФ, Минюстом России, ФСИН России, Государственная Дума внесла изменения в УИК РФ, которые устранили явную ошибку в законодательстве и позволили обеспечить права осужденных на поддержание связи с родственниками путем возможности их однократного перевода ближе к месту жительства родных⁴⁵. После принятия данного нормативного акта проблема фактиче-

⁴³ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 г. С. 109 // URL: <https://rg.ru/2023/05/15/rg-publikuet-doklad-o-deiatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-za-2022-god.html> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴⁴ Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество : науч.-практ. пособие. М., 2010. С. 50.

⁴⁵ Федеральный закон от 01.04.2020 № 96-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2026.

ски закрыта, о чем свидетельствует значительное уменьшение числа жалоб, поступающих к омбудсмену по данной теме⁴⁶.

Нередко правозащитная цель может лежать и в правопросветительской плоскости. В данном случае речь идет о реализации правозащитными государственными органами превентивных полномочий, которые не связаны с восстановлением нарушенных прав, а направлены на недопущение возможных нарушений прав и свобод граждан путем повышения их правовой грамотности и правосознания в ходе реализации проектов и мероприятий по правовому просвещению различных категорий граждан. Особое значение правопросветительская работа имеет для молодежи, поскольку подрастающее поколение, получая обширные знания о правах человека, формах и методах их защиты, может, входя во взрослую жизнь, более эффективно защищать себя правовыми средствами, а фундаментальные знания своих прав сами по себе уже являются гарантией для повышенной защищенности личности. В качестве примера реализации такой правопросветительской цели можно привести работу по правовому просвещению, осуществляемую органами прокуратуры Российской Федерации⁴⁷.

Третью классификацию целей правозащитной деятельности предлагается осуществлять по источнику или форме закрепления нравственно-правовых императивов, на претворение в жизнь которых направлена правозащитная деятельность государственных органов. В этой связи представляется возможным классифицировать правозащитные цели на позитивные и естественно-правовые. Первые предполагают обеспечение в ходе правозащитной деятельности органов публичной власти тех прав и свобод человека и гражданина, которые закреплены в действующих нормативных правовых актах, установлены или санкционированы государством. Например, правозащитная работа Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей направлена на обеспечение закрепленной в Конституции РФ свободы предпринимательской

деятельности; правозащитная работа уполномоченных по правам коренных малочисленных народов осуществляется в целях реализации ими специфических прав, закрепленных в законодательстве⁴⁸.

Вместе с тем в Конституции РФ указано, что закрепленные в ней права человека не носят исчерпывающего характера и их конституционное закрепление не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 55). Поэтому защите со стороны органов публичной власти, видимо, должен подлежать весь комплекс естественных прав человека — как закрепленных в законодательстве, так и содержащихся в нормах морали и иных социальных регуляторах на определенном этапе развития человеческого общества с учетом его национальных исторических традиций и социокультурного аспекта. Например, входя в XXI век, человечество столкнулось со стремительным развитием цифровых технологий, которые, несмотря на значительные вызовы и угрозы человечеству, связанные с развитием искусственного интеллекта, тем не менее создали и новое поколение цифровых прав человека. Они должны подлежать государственной защите наравне с традиционными правами, даже несмотря на то, что многие из них еще не нашли отражения в действующем законодательстве и только входят в правозащитную матрицу нашего государства. Сегодня всё большее значение для людей приобретают такие новые цифровые права человека, как право на цифровое забвение, право на цифровую личность, право на использование цифровой валюты. И несмотря на то что некоторые из них пока не закреплены действующим законодательством, представляется, что государственные правозащитники обязаны находить возможности защищать и обеспечивать их реализацию. Как отмечается в науке, «речь идет о создании новых направлений субъективных прав и обязанностей»⁴⁹.

Безусловно, предложенная классификация правозащитных целей не является исчерпываю-

⁴⁶ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2022 г. С. 109.

⁴⁷ Приказ Генпрокуратуры России от 02.08.2018 № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸ Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

⁴⁹ Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов.

щей, поскольку сама жизнь и правозащитная практика постепенно трансформируют их, задавая порой новые смыслы деятельности государственных правозащитных органов.

Например, в условиях массовой вынужденной эвакуации граждан, спасающихся от бомбежек ВСУ с территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также отдельных районов Украины, в 2022–2023 гг. наметились новые цели правозащитной деятельности многих институтов государственной защиты прав человека современной России⁵⁰.

Сложившиеся обстоятельства определили новую стратегическую цель для института российского омбудсмана, который, продолжая заниматься защитой и восстановлением нарушенных прав граждан в традиционных форматах, дополнительно принял на себя миссию помощи людям, попавшим в трудную ситуацию, вместе с органами государственной власти. Если в «классическом» понимании правозащитная функция институтов государственной защиты прав человека должна быть связана с восстановлением прав человека, нарушенных незаконными и несправедливыми действиями представителей органов публичной власти, то сегодня мы видим, что человек вместе с государством решает свои правозащитные проблемы. Правозащита всё больше превращается в удобный сервис по принципу одного окна. И даже выходит за рамки своего изначального предназначения, связанного с защитой и восстановлением нарушенного права, к оказанию помощи людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию, в проактивном формате. Такие ситуации возникают, когда права человека никто не нарушал, он просто столкнулся с трудной жизненной ситуацией. Например, был вынужден эвакуироваться из-за природного или техногенного катаклизма, боевых действий и других внешних факторов. В этой ситуации человек имеет, как представляется, полное право искать помощи институтов государственной защиты прав человека и получать ее, несмотря на то что формально это выходит за границы требований, установленных законодательством к государственной правозащитной деятельности (но не противоречит им). Эти новые формы

работы требуют осмысления и совершенствования правозащитного законодательства. В частности, представляется, что положение, согласно которому цель государственной правозащитной деятельности заключается не только в восстановлении нарушенных прав, но и в оказании помощи человеку, попавшему в трудную жизненную ситуацию, должно найти отражение в законодательных актах, регламентирующих работу государственных правозащитных институтов (омбудсменов, прокуратуры и др.). Важно, что государство создает новые правозащитные институты. Например, в 2023 г. Фонд «Защитники Отечества» стал эффективным инструментом обеспечения прав ветеранов и членов их семей⁵¹.

Необходимо отметить, что важнейшим практическим инструментом закрепления и достижения правозащитных целей является планирование в государственной правозащитной деятельности, которое предполагает постановку четких целей работы, сроков их достижения и ответственных за выполнение. Планирование в правозащитной деятельности может быть краткосрочным, среднесрочным и долгосрочным. Например, эффективным инструментом долгосрочного целеполагания в работе российского омбудсмана является План действий по реализации программы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, представленной в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 22 апреля 2021 г. при назначении на должность, утвержденный распоряжением Уполномоченного от 02.07.2021 № 8⁵².

В качестве стратегических целей работы института государственной правозащиты на 2021–2026 гг. в нем названы 8 основных позиций:

- расширение доступности института Уполномоченного для граждан;
- создание дополнительных гарантий защиты прав и свобод для отдельных категорий граждан (потерпевших, осужденных, инвалидов, жертв домашнего насилия, молодежи и др.);
- укрепление взаимодействия с институтами гражданского общества;
- развитие правозащитной дипломатии;

⁵⁰ Т. Н. Москалькова назвала новую цель института уполномоченного по правам человека // URL: <https://lenta.ru/news/2022/11/17/moskalkova/> (дата обращения: 04.08.2023).

⁵¹ Указ Президента РФ от 03.04.2023 № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции “Защитники Отечества”» // СЗ РФ. 2023. № 15. Ст. 2660.

⁵² Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- повышение эффективности правового просвещения по вопросам прав и свобод человека и гражданина, форм и методов их защиты;
- укрепление законодательных гарантий прав и свобод граждан;
- развитие и укрепление института Уполномоченного.

Кроме того, под каждую из названных стратегических целей сформулировано 58 тактических целей. Анализ данного программного документа показывает, что большая часть поставленных задач к настоящему времени уже выполнена, в том числе досрочно. Среди достигнутых целей, например, такие как обеспечение приема обращений граждан через интернет-приемную Уполномоченного; организация постоянно действующей горячей линии Уполномоченного; создание молодежного совета при Уполномоченном.

Вместе с тем продолжают реализовываться такие глобальные правозащитные целевые установки, как формирование единого цифрового контура института уполномоченных по правам человека; разработка концепции правового просвещения молодежи по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты; совершенствование законодательства в части закрепления процессуальных полномочий Уполномоченного в УПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и др.

Кроме того, на среднесрочную перспективу принимаются планы работы Уполномоченного и его рабочего аппарата на год, планы работы структурных подразделений на полугодие. Целеполагание на краткосрочную перспективу осуществляется в форме ежемесячных и еженедельных планов работы, планов командировок, приемов граждан, просветительских мероприятий, участия в работе по совершенствованию законодательства и др.

Сходные подходы к целеполаганию применяются и в других государственных органах, занимающихся защитой прав и свобод человека. Например, деятельность подразделений Генеральной прокуратуры РФ осуществляется в соответствии с полугодовыми планами работы, разработанными на основе изучения состояния законности и прокурорской деятельности⁵³.

Необходимо подчеркнуть, что абстрактное целеполагание в государственной правозащитной деятельности не имеет практического смысла. Лишь воплощаясь в конкретных планах работы государственных органов, занимающихся защитой прав и свобод человека и гражданина, правозащитные цели обретают реальную правовую силу и начинают претворяться в жизнь. При этом необходимо отметить, что само по себе формулирование правильных правозащитных целей и их закрепление в соответствующих планах не является гарантией достижения определенных правозащитных результатов. Только наличие и выбор разумных и оптимальных правозащитных средств может гарантировать достижение цели. Поэтому совершенно невозможно рассматривать категорию цели вне контекста средств ее достижения. В этом смысле правозащитные средства не менее важны, чем сама цель. Более того, правозащитная цель по своей природе уже включает в себя и цель, и средство ее осуществления. Как справедливо отмечал по этому поводу выдающийся германский правовед Р. Иеринг, «недостаточно указать одну цель, но необходимо дать средство к ее достижению»⁵⁴.

Средства достижения цели не менее важны при осуществлении правозащитной деятельности, чем сама цель. При этом вечный философский вопрос о том, допустимо ли перешагнуть через морально-нравственные основы жизни ради достижения «великой» цели, должен решаться однозначно в пользу морально оправданных средств. Если правовые цели достигаются неправовыми средствами, то они теряют свои правовые качества. По этому поводу в науке обоснованно отмечается, что, «несомненно, существует немало ценностей, которые представляются находящимися “выше права” (например, справедливость, свобода, истина), но закон — это средство борьбы за их достижение, форма, в которой они существуют, и тот, кто игнорирует средства осуществления цели, тот ставит под сомнение и саму цель»⁵⁵.

Порой ошибочно выбранные средства превращают в настоящее бедствие самые высоконравственные цели, которые ставит перед

⁵³ П. 4.1 приказа Генпрокуратуры России от 11.05.2016 № 276 «Об утверждении Регламента Генеральной прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2016. № 8.

⁵⁴ Иеринг Р. Борьба за право. М., 1874. С. 11.

⁵⁵ Экимов А. И. Политические интересы и юридическая наука // Государство и право. 1996. № 12. С. 4.

собой законодатель. Безусловно, правозащитная цель должна достигаться исключительно адекватными морально обоснованными правовыми средствами. Иначе теряется ее высокое нравственное значение, ведь, как считал У. Шекспир, «и добродетель обратится в зло, коль путь, ее ведущий, крив и сложен»⁵⁶.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимой характеристикой правозащитной деятельности является ее осуществление специфическими правовыми методами, которые строго регламентированы положениями действующих нормативных правовых актов, во всяком случае не противоречат им, а кроме того, не должны выходить за рамки этических норм и принципов. И уж совершенно точно не могут называться правозащитой действия отдельных недобросовестных лиц, совершенные с нарушением норм действующего законодательства, порой призывающих и иных добропорядочных граждан, в том числе несовершеннолетних, к совершению правонарушений. Как отмечала выдающаяся правозащитница современной России Е. П. Глинка, правозащитники «вне поли-

тики... на стороне мира, диалога и сотрудничества со всеми людьми»⁵⁷.

В связи с этим представляется совершенно необходимым больше внимания в правозащитной практике уделять постановке морально обоснованных целей и выбору соответствующих правовых средств.

Говоря о пределах соотношения правозащитных целей и средств их достижения, представляется важным процитировать лауреата Государственной премии в области правозащитной деятельности О. Ю. Демичеву, которая, видя с 2014 г. страдания жителей Донбасса, погибавших от снарядов ВСУ, назвала специальную военную операцию Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине «правозащитной операцией»⁵⁸. Конечно, если нет иной возможности обеспечить задачи по защите прав граждан России, то могут быть использованы в том числе силовые средства для обеспечения прав наших сограждан на достойную жизнь и безопасность. Вместе с тем необходимо отметить, что только по-настоящему суверенные государства могут эффективно защищать права и законные интересы своих граждан, находящихся за рубежом. Поэтому укрепление государства в этом смысле служит повышению эффективности правозащитной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бойченко С. И. Правозащитная деятельность прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2009. 23 с.
- Защищать ежечасно... Омбудсмен Татьяна Москалькова — о том, зачем нужна система уполномоченных по правам человека // Известия IZ. 16.12.2016. URL: <https://iz.ru/news/650424> (дата обращения: 04.09.2023).
- Иеринг Р. фон. Борьба за право. М. : Изд. К. П. Солдатенкова: тип. Грачева и К., 1874. 77 с.
- Калнина М. Ю. Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.
- Керимов Д. А. Философские проблемы права. М. : Мысль, 1972. 472 с.
- Корнев А. В. В. С. Соловьев и Л. Н. Толстой: два взгляда на право и нравственность // Lex russica. 2021. № 7. С. 139–147.
- Корнев А. В. Свобода и право: соотношение понятий // Lex russica. 2015. № 4. С. 113–118.
- Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 56 с.
- Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество : науч.-практ. пособие. М., 2010. 446 с.
- Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 58 с.
- Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. 2018. № 10. С. 18–29.

⁵⁶ Шекспир У. Ромео и Джульетта. М., 2010. С. 234.

⁵⁷ Официальный сайт Президента РФ // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/53437> (дата обращения: 20.08.2023).

⁵⁸ Официальный сайт Президента РФ // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71346> (дата обращения: 02.07.2023).

Синюков В. Н. Личность в российской правовой системе: поиск новых подходов // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 75–85.

Стремоухов А. А. Классификация правозащитных целей // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 6. С. 30–35.

Экимов А. И. Категория «цель» в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970. 16 с.

Экимов А. И. Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет. Сборник научных трудов. М. : Проспект, 2022. 304 с.

REFERENCES

Boychenko SI. Human rights activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: constitutional and legal research. Abstract Cand. Diss. (Law) Belgorod; 2009. (In Russ.).

Ekimov AI. Methodological problems of understanding law. Works of different years. Collection of research papers. Moscow: Prospect Publ.; 2022. (In Russ.).

Ekimov AI. The category «purpose» in Soviet law. Abstract Cand. Diss. (Law). Leningrad; 1970. (In Russ.).

Iering R. von. The struggle for the right. Moscow: K. P. Soldatenkova: Publishing House. Gracheva and Co; 1874. (In Russ.).

Kalnina MYu. Human rights protection by state bodies of the constituent entities of the Russian Federation: constitutional and legal research. Abstract Cand. Diss. (Law). Moscow; 2009. (In Russ.).

Kerimov DA. Philosophical problems of law. Moscow: Mysl Publ.; 1972. (In Russ.).

Kornev AV. Freedom and Law: Correlation between Concepts. *Lex russica*. 2015;4:113-118. (In Russ.).

Kornev AV. V. S. Solovyov and L. N. Tolstoy: Two views on law and morality. *Lex Russia*. 2021;7:139-147. (In Russ.).

Markheim MV. The constitutional system for the protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation. Abstract Dr. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).

Moskalkova TN, Chernikov VV. Rulemaking: scientific and practical study guide. Moscow, 2010. (In Russ.).

Protect hourly... Ombudsman Tatiana Moskalkova — why a system of human rights commissioners is needed. *Izvestia IZ*. 16 December 2016. Available at: <https://iz.ru/news/650424> [Accessed: 04.09.2023]. (In Russ.).

Ragimov AT. Human rights protection relations: issues of theory and methodology. Abstract Dr. Diss. (Law). Moscow; 2011. (In Russ.).

Sinyukov VN. Individuals in the Russian legal system: search for new approaches. *Journal of Russian Law*. 2023;5:75-85. (In Russ.).

Sinyukov VN. Legislation in Russia: problems of social integration. *Lex russica*. 2018;10:18-29. (In Russ.).

Stremoukhov AA. Classification of purposes of human rights protection. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2018;6:30-35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечельницкий Илья Валентинович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ivchechnickij@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Chechnitskiy, Cand. sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
ivchechnickij@msal.ru

Статья поступила в редакцию 10 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 20 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 10.05.2023

Revised 20.06.2023

Accepted 15.09.2023

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.071-081

Б. А. Шахназаров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Отдельные вопросы реализации правового режима параллельного импорта и смежные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в России в условиях санкций

Резюме. В контексте санкционных ограничений в отношении РФ, принятых в 2022 г., а также приостановления деятельности в РФ ряда иностранных компаний введение в российское законодательство возможности осуществления параллельного импорта по перечню товаров в целях обеспечения российских потребителей товарами, которые перестали быть доступными на рынке страны, уже может быть оценено всесторонне с учетом всех преимуществ и недостатков подхода. Исчерпание исключительных прав (exhaustion of intellectual property rights) известно в мире довольно давно как инструмент, направленный на обеспечение баланса интересов правообладателей, потребителей и импортеров, а также как инструмент обеспечения международной конкуренции. В конкретном государстве тот или иной режим исчерпания прав вводится с учетом экономических, политических основ функционирования государственной экономики, правовых и эволюционных предпосылок. В статье в обозначенном контексте формулируется ряд выводов и предложений по оптимизации правового режима параллельного импорта в России, рассматриваются таможенные аспекты проблематики, обосновывается целесообразность закрепления непосредственно международного принципа исчерпания прав в российском законодательстве и возможные траектории развития «перечневого» подхода к параллельному импорту. Формулируются общие подходы к охране интеллектуальной собственности в условиях санкций, а также предложения по решению проблем, связанных с использованием объектов авторских прав, принадлежащих правообладателям, приостановившим деятельность в России, следуя режимам санкций. Сформулированные выводы и предложения могли бы быть обобщены и учтены в Стратегии развития интеллектуальной собственности России — документе стратегического характера, который крайне необходим в целях систематизации и оптимизации мер по развитию подходов к охране и стимулированию создания интеллектуальной собственности в России.

Ключевые слова: санкции; параллельный импорт; исчерпание прав; интеллектуальная собственность; международный принцип исчерпания прав; недостаток товаров; перечень товаров; товарные знаки; мейлфорвардинг; доля в исключительном праве

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Отдельные вопросы реализации правового режима параллельного импорта и смежные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в России в условиях санкций. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 71–81. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.071-081

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Separate Issues of Implementation of Parallel Imports Regime and Related Problems of Intellectual Property Protection in Russia under Sanctions

Benjamin A. Shakhnazarov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. It is already possible to conduct a comprehensive assessment of parallel imports introduction into the Russian legislation, which aims at providing Russian consumers with goods that are no longer available on the national market due to the sanctions against the Russian Federation adopted in 2022 and a number of companies suspending their activities in the Russian Federation. Exhaustion of intellectual property rights has been known in the world for quite a long time as a tool aimed at ensuring a balance of interests of copyright holders, consumers and importers, as well as a tool for ensuring international competition. In a particular state, one or another regime of exhaustion is applied taking into account the economic, political foundations of the functioning of the state economy, legal and evolutionary prerequisites. In this context, the paper presents a number of conclusions and proposals aimed at optimization of the parallel imports regime in Russia. The author considers some aspects of the customs, and substantiates the expediency of direct consolidation of international exhaustion of rights in the Russian legislation and possible development trajectories of the «list» approach to parallel imports. General approaches to the protection of intellectual property under sanctions are formulated, as well as proposals for solving problems related to the use of copyright objects belonging to copyright holders who have suspended their activities in Russia following sanctions regimes. The formulated conclusions and proposals could be summarized and taken into account in the Strategy for the Development of Intellectual Property in Russia — a strategic document that is extremely necessary in order to systematize and optimize measures for the development of approaches to the protection and promotion of the creation of intellectual property in Russia.

Keywords: sanctions; parallel imports; exhaustion of rights; intellectual property; international exhaustion of rights; lack of goods; list of goods; trademark; mail forwarding; share in exclusive right

Cite as: Shakhnazarov BA. Separate Issues of Implementation of Parallel Imports Regime and Related Problems of Intellectual Property Protection in Russia under Sanctions. *Lex Russica*. 2023;76(10):71-81. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.071-081

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Санкционные ограничения, вводимые в отношении государства для изменения его политического курса, как меры экономического характера зачастую затрагивают и отношения в сфере интеллектуальной собственности. В обозначенном контексте стоит отметить, что ни в одном из международных договоров в сфере интеллектуальной собственности не предусмотрена возможность ограничения интеллектуальных прав по политическим или даже экономическим основаниям. С точки зрения международного права интеллектуальной собственности подобного рода ограничения являются неправомерными. Любые односторонние санкции в сфере интеллектуальной собственности, даже персональные, противоречат нормам международных договоров, в том числе и Соглашению ТРИПС, принятому в рамках ВТО, где одним из

ключевых международных принципов признается принцип свободы торговли.

Параллельный импорт как таковой не является предметом регулирования отношений по импорту товаров на международно-правовом или внутригосударственном уровне. В правовом контексте речь идет прежде всего об определении режимов исчерпания прав (exhaustion of rights) и в случае с международным, а также региональным режимом исчерпания прав принято говорить о допустимости параллельного импорта (в целом или в рамках определенного региона соответственно). Вопросы исчерпания исключительных прав правообладателя не решаются в международных договорах, а остаются на усмотрение национальных законодателей.

Изменение подхода к параллельному импорту в России стало мерой, обсуждаемой в контексте санкционной риторики в отноше-

нии РФ и необходимости преодоления недостатка товаров, образовавшегося ввиду прекращения деятельности зарубежных организаций на российском рынке.

Параллельный импорт предполагает возможность импорта товаров, в которых выражена интеллектуальная собственность правообладателя, без его согласия, когда товар правомерно введен в оборот правообладателем или с его согласия в каком-либо зарубежном государстве. При этом основное правовое значение здесь имеют нормы права интеллектуальной собственности, а именно внутригосударственные нормы об исчерпании исключительных прав.

Действительно, инструмент исчерпания исключительных прав (*exhaustion of intellectual property rights*) известен в мире довольно давно как инструмент, направленный на обеспечение баланса интересов правообладателей, потребителей и импортеров, а также как инструмент обеспечения международной конкуренции. При этом в конкретном государстве тот или иной режим исчерпания прав вводится с учетом экономических, политических основ функционирования государственной экономики, правовых и эволюционных предпосылок.

В самых различных дискуссиях о совершенствовании российского законодательства в сфере параллельного импорта на законодательном, правоприменительном, доктринальном уровнях не всегда учитывается то обстоятельство, что, по сути, международный принцип исчерпания прав в российском законодательстве (в положениях ч. IV ГК РФ) уже был реализован применительно к некоторым объектам интеллектуальной собственности: к географическим указаниям, наименованиям места происхождения товара, топологиям интегральных микросхем, селекционным достижениям, что логично в том числе ввиду специфики оборота товаров, в которых выражены такие объекты интеллектуальной собственности и ориентации на уравнивание мировых цен на соответствующую продукцию.

Однако в отношении товарных знаков и объектов патентных прав — первоочередных всё же в контексте проблематики параллельного

импорта и исчерпания прав объектов интеллектуальной собственности — до сих пор в целом сохраняется национальный режим исчерпания прав, а также региональный режим в отношении товарных знаков в рамках ЕАЭС. При этом в 2022 г. произошли важные изменения российского законодательства, согласно которым был воспринят «перечневый» подход к установлению товаров, в отношении которых нормы ГК РФ об исчерпании прав не применяются¹. Таким образом, идея законодателей состояла в установлении частичного разрешения параллельного импорта по введенному и моделируемому Минпромторгом России перечню товаров².

Минпромторг утвердил и опубликовал перечень товаров, допустимых к параллельному импорту, который состоит из ряда пунктов (групп товаров), в которые изначально были включены:

- звукозаписывающая аппаратура, фото- и кинотехника, «умные» часы (Apple, Asus, HP, GoPro, Panasonic, Samsung, Nokia, Sony, Intel, Dell, LG, Toshiba);
- музыкальные инструменты и игровые приставки ряда производителей (XBox, PlayStation, Nintendo);
- бытовая техника (Electrolux, Miele, Siemens, Dyson, Philips);
- косметические компоненты;
- одежда и обувь;
- товары химической промышленности;
- соль, сера, грунт и камень, руды, зола и шлак;
- автомобили (Bentley, Cadillac, Land Rover, Jaguar и др.), двигатели (Volvo, Hyundai, Nissan, Volkswagen) и запчасти к ним (в том числе шины Michelin, Goodyear, Continental, Bridgestone) и пр.

В дальнейшем в приказ Минпромторга от 19.04.2022 № 1532 неоднократно вносились изменения, связанные как с дополнением перечня новыми группами товаров или обозначениями, так и с исключениями из перечня по следующим причинам: имеется достаточное количество российских аналогов или продукции зарубежных производителей, на рынке присутствуют товары из дружественных государств.

¹ См.: п. 13 ст. 18 Федерального закона от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506; приказ Минпромторга РФ от 19.04.2022 № 1532.

² См.: Шахназаров Б. А. Параллельный импорт и международный принцип исчерпания прав в условиях санкций // Юрист. 2022. № 9. С. 68–73.

Так, приказом Минпромторга России от 03.06.2022 № 2299 из списка исключены товары правообладателей, гарантировавших поставки в Россию (например, Duracell, Merries). Одновременно в список включены товары компаний, прекративших поставки (BMW, Siemens, Komatsu, Isuzu и др.).

Приказом Минпромторга России от 21.07.2022 № 3042 обновлен перечень товаров иностранного производства, разрешенных для ввоза в страну без согласия правообладателей. В частности, в перечень дополнительно включены реагенты к оборудованию для лечения рака бренда Miltenyi Biotec; автозапчасти, продукция радиоэлектронной и химической промышленности брендов Castrol, Liqui Moly, Datsun, Alienware; парфюмерно-косметическая продукция брендов Lancome, Redken, Yves Saint Laurent, Helena Rubinstein, Valentino, Giorgio Armani, Kerastase. В то же время из перечня исключены товары бренда Renault (в связи с принятием «Автовазом» обязательств по гарантийному обслуживанию автомобилей данной марки); ряд медизделий и лекарств; шелк, шерсть, хлопок, бумажная пряжа и ткани из нее, химические нити и волокна (поскольку на рынке представлен широкий круг российских аналогов, продукция зарубежных брендов присутствует в достаточном количестве, есть товары из дружественных стран).

Приказ Минпромторга России от 21.10.2022 № 4456 расширил список товаров для параллельного импорта. В частности, перечень дополнен алкогольными напитками иностранных брендов, включая: Aultmore, Bell's, Jagermeister, Jim Beam, Jack Daniel's, Macallan. White Horse; играми, игрушками и спортивным инвентарем компаний Marvel, Disney Pixar и DC Comics.

Приказом Минпромторга России от 02.03.2023 № 684 перечень дополнен рядом брендов моторных масел (Shell Helix, Rimula), бытовой техники (Zanussi, Wahl), косметики и парфюмерии (Kerastase, Yves Saint Laurent), запчастей для сельскохозяйственной и судовой техники (Caterpillar, Bauer Kompressoren). В перечень включили также IKEA, бренды игрушек и детских товаров, например Hasbro, Logitech, Nintendo.

При этом перечневый подход был трансформирован путем уточнения конкретных положений ГК РФ, которые не применяются в отношении соответствующего перечня товаров (групп товаров). Отсылка к неприменению положений п. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ была заменена

отсылкой к неприменению ст. 1252, 1254, п. 5 ст. 1286.1, ст. 1301, 1311, 1406.1, пп. 1 ст. 1446, ст. 1472, 1515 и 1537 ГК РФ в отношении товаров из перечня.

Так, постановлением Правительства РФ от 28.06.2023 № 1057 в п. 1 постановления Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» были внесены изменения, согласно которым Минпромторг РФ по предложениям федеральных органов исполнительной власти утверждает перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения ст. 1252, 1254, п. 5 ст. 1286.1, ст. 1301, 1311, 1406.1, пп. 1 ст. 1446, ст. 1472, 1515 и 1537 ГК РФ при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия.

Приказом Минпромторга РФ от 21.07.2023 № 2701 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения статей 1252, 1254, пункта 5 статьи 1286.1, статей 1301, 1311, 1406.1, подпункта 1 статьи 1446, статей 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» был введен обновленный перечень товаров, а также признан утратившим силу приказ Минпромторга РФ от 19.04.2022 № 1532, а также приказы, которыми в него вносились изменения. Приказ вступает в силу по истечении 3 месяцев с даты официального опубликования, т.е. 4 ноября 2023 г.

Новый перечень, закрепленный в приказе № 2701, был сформирован на основе предыдущего и дополнен, в частности, рядом брендов: батарей и аккумуляторов (Panasonic, Duracell, Varta); запчастей для автомобилей и техники (BOMAG, Isuzu); фотоаппаратов (Canon, Sony, Fujifilm); очков (Ray-Ban, HUGO, Calvin Klein). При этом подход по исключению из перечня производителей, которые возобновили импорт на территорию РФ, был продолжен; в частности, в обновленный перечень не вошли линзы про-

изводителя Asivue, поскольку правообладатель продолжил официально поставлять изделия. Минпромторг по-прежнему демонстрирует приверженность нераспространению параллельного импорта на те товары, в отношении которых внутренний спрос удовлетворяется производителями из России и дружественных стран, поддерживая постепенное сокращение перечня по мере замещения товарных позиций российскими брендами³.

Таким образом, при реализации перечневого подхода к параллельному импорту было решено отойти от проблематики исчерпания прав в сторону неприменения ряда положений ГК РФ о защите исключительных прав. Это представляется одновременно и интересным решением, позволяющим снять вопросы, формально связанные с исчерпанием прав, и в то же время спорным с точки зрения системности законодательства в сфере интеллектуальной собственности. При этом не совсем оправданным и излишним представляется включение п. 5 ст. 1286.1, ст. 1301, 1311 ГК РФ, так как товары, в которых выражены авторские и смежные права, в силу правовой природы последних и действия норм международных договоров не являются объектом исчерпания прав, параллельного импорта. Излишне и указание на неприменение положений п. 1 ст. 1446, а также ст. 1537, поскольку и к селекционным достижениям, и к географическим указаниям, наименованиям мест происхождения товаров в ГК РФ установлен, по сути, международный принцип исчерпания прав (п. 5 ст. 1519 в совокупности с п. 3 ст. 1516, пп. 6 ст. 1422).

Таким образом, международный принцип исчерпания прав как таковой не был введен в законодательство РФ.

Вместе с тем, как представляется, международный принцип исчерпания прав целесообразно закреплять напрямую, непосредственно вводя этот механизм в ГК РФ (даже при перечневом формате введения параллельного импорта). Дело в том, что существуют риски правоприменительной практики, противоположной изначальному замыслу законодателей, так как формально изначально был введен перечень товаров, в отношении которых не при-

меняются пп. 6 ст. 1359 и ст. 1487 ГК РФ, а эти положения и так не применяются к товарам, введенным в гражданский оборот за рубежом, а также в соответствующих статьях сказано о том, какие действия (действия, связанные с использованием объекта интеллектуальной собственности другими лицами в отношении товаров, введенных в гражданский оборот на территории РФ) не являются нарушением исключительных прав, т.е. формально исключение действия этих положений могло привести к признанию факта нарушения исключительных прав. При этом, учитывая, что при введении допустимости параллельного импорта речь прежде всего идет о правах на товарные знаки, целесообразно в случае применения всё же перечневого подхода к параллельному импорту формулировать соответствующие перечни с привязкой к конкретным товарным знакам, классам товаров, а также учитывая различные виды товарных знаков (графические, комбинированные и др.).

Стоит отметить, что Минпромторг рассматривает в качестве меры по обновлению подхода к формированию перечня товаров для параллельного импорта переход от включения в перечень брендов до включения правообладателей. Такой подход, как представляется, содержит в себе риски в части реализации принципа национального режима, а также расширительного ограничения национального принципа исчерпания прав, который может и не отражать связь с недостатком товаров на российском рынке.

При этом в науке отмечается, что частичное снятие запрета на параллельный импорт — это не контрсанкция России, а действенный способ насытить российский рынок привычной всем зарубежной продукцией и предотвратить дефицит товаров, который дополняется вынужденными инструментами, такими, например, как мейлфорвардинг — почтовое посредничество, которое становится действенным способом реализации импортных товаров потребителю в подсанкционной юрисдикции⁴.

Отдельную проблематику составляют вопросы таможенного регулирования отношений в сфере параллельного импорта товаров.

³ См.: Котикова А. Опубликован новый перечень товаров, в отношении которых разрешен параллельный импорт // URL: <https://www.garant.ru/news/1639777/> (дата обращения: 07.08.2023).

⁴ См.: Веркошанцева А. Особенности реализации товаров, ввезенных в Россию в режиме параллельного импорта // URL: https://zakon.ru/blog/2022/08/02/osobennosti_realizacii_tovarov_vvezennyh_v_Rossiyyu_v_rezhime_parallelnogo_importa (дата обращения: 26.07.2023).

Согласно сведениям Федеральной таможенной службы России (ФТС), за 2022 г. объем параллельного импорта составил 2,4 млн т, что в суммарном выражении представляет около 20 млрд долл., а основные группы товаров, которые поступают на российский рынок по параллельному импорту, прежде всего включают электронику, технику, автомобильные запчасти, одежду и парфюмерию. Страны, из которых преимущественно поступают товары по параллельному импорту, — это государства, входящие в ЕАЭС, а также Турция, Китай и ОАЭ⁵.

ФТС России выпустила письма, разъясняющие некоторые вопросы реализации отношений в сфере параллельного импорта. Так, в письме от 31.03.2022 № 01-11/17479 «О защите прав на объекты интеллектуальной собственности» отмечается, что меры по защите прав интеллектуальной собственности (приостановление срока выпуска товаров) в целях проверки наличия согласия правообладателей на использование товарных знаков при ввозе оригинальных товаров, указанных в перечне, не требуются. При этом в отношении включенных в перечень товаров сохраняется необходимость принятия указанных мер при обнаружении признаков незаконного размещения на товарах товарных знаков или сходных с ними до степени смешения обозначений, то есть в отношении контрафактных (поддельных) товаров, ввоз или вывоз которых образует состав правонарушения или преступления в сфере защиты прав интеллектуальной собственности. В обозначенном контексте в письме отмечается, что необходимо исключить принятие таможенными органами решений о приостановлении срока выпуска товаров, содержащих товарные знаки и включенных в перечень, без выявления признаков противоправных деяний, ответственность за которые предусмотрена административным и уголовным законодательством Российской Федерации.

В письме ФТС России от 21.06.2022 № 14-35/К-6207 «О мерах, принимаемых к товарам ввозимых путем параллельного импорта» отмечается, что к товарам, включенным в перечень, таможенные органы не принимают меры по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе включенные в таможенный реестр объектов интеллектуальной

собственности, администрируемый ФТС России, в части проверки наличия согласия правообладателя на использование товарного знака при ввозе товаров, за исключением случаев выявления незаконного размещения на продукцию товарных знаков, то есть контрафактной (поддельной) продукции.

В отношении товаров, включенных в перечень, подтверждение импортерами подлинности (оригинальности) ввозимой продукции, в том числе предоставление для этих целей каких-либо документов, не требуется. Для установления контрафактности товаров таможенные органы вправе осуществлять необходимые процедуры таможенного контроля и обеспечивающие его меры, в том числе таможенную экспертизу.

Федеральная таможенная служба также обратила внимание на то, что право Евразийского экономического союза и гражданское законодательство РФ не устанавливают запрет или ограничение на ввоз товаров без согласия лица, которому принадлежат исключительные права на товарный знак («параллельный импорт»), и в отношении параллельного импорта предусмотрены меры гражданско-правовой ответственности, применяемые судебными органами на основании исков правообладателей.

При этом стоит отметить, что раньше импортеру необходимо было иметь либо лицензионный договор, либо письмо-согласие с указанием, что правообладатель не имеет никаких претензий в части лицензионных платежей, а также в целом разрешает ввоз продукции под теми или иными товарными знаками. После же введения рассмотренных выше нормативных положений в сфере параллельного импорта, а также с учетом писем ФТС России представлять такие документы в отношении товаров, ввозимых в рамках параллельного импорта, не требуется.

Таким образом, таможенные органы осуществляют защиту прав на объекты интеллектуальной собственности с учетом кодов ТН ВЭД и товарных знаков, указанных в перечне Минпромторга.

Говоря о таможенно-правовых проблемах, отмечают, что Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности в условиях легализации параллельного импорта работает не так эффективно, как раньше: до частичной

⁵ См.: *Елисанова И.* Параллельный импорт: текущие результаты и развитие законодательства // URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/100367/ (дата обращения: 05.06.2023).

легализации параллельного импорта таможенные органы регулярно уведомляли правообладателей или их представителей о том, что срок выпуска по тому или иному грузу приостановлен, и ждали обратной связи от правообладателя о том, что делать — выпускать этот товар либо принимать иное решение с учетом того, что правообладатель вступает в гражданско-правовые отношения с импортером, но на текущий момент правообладатели, их представители всё реже получают подобные уведомления от таможенных органов, а иногда не получают вообще. Таким образом, возникает вопрос об эффективности работы Таможенного реестра в текущих условиях⁶.

В качестве еще одной проблемы выделяется регистрация параллельными импортерами деклараций о соответствии на основе подложных договоров, якобы заключенных с иностранными производителями товаров, импортируемых в рамках параллельного импорта. Здесь стоит отметить более общую проблему верификации подлинности товаров, поступающих по параллельному импорту, требований по сертификации соответствующей продукции. Действительно, например, в отсутствие обратной связи от правообладателей установить подлинность товаров, ввозимых по параллельному импорту, может быть крайне сложно. Как представляется, особое внимание в обозначенном контексте должно быть уделено совершенствованию методик и порядка проведения таможенных экспертиз, а также гражданско-правовым инструментам, которые должны использовать импортеры, приобретающие у контрагентов за рубежом товары для импорта (заверения и гарантии, должная осмотрительность и др.).

С учетом интересов в первую очередь потребителей международный принцип исчерпания прав как оптимальный инструмент международной конкуренции и внешнеторговой деятельности не должен восприниматься как абсолютно преодолевающий действие исключительных прав правообладателя. Так, возможна защита нарушенных исключительных прав на объекты промышленной собственности в случае, если параллельный импорт в контексте презюмируемого международного принципа исчерпания прав приводит к поставке товаров ненадлежащего качества, а также товаров с измененными качествами

и свойствами, что порождает ассоциацию объекта промышленной собственности уже с иным товаром.

Введение международного принципа исчерпания прав позволит не допускать ситуаций, подобных рассмотренным Конституционным Судом РФ в постановлении от 13.02.2018 № 8-П, когда судебная практика, по сути, искусственно формирует некоторые положения международного принципа исчерпания прав, указывая в частности, что суд может полностью или частично отказать в удовлетворении требований национального правообладателя (заявленных в контексте национального принципа исчерпания прав), если их выполнение способно создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов.

Важно отметить, что введенные в 2022 г. обозначенные выше нормативные правовые акты не устанавливают международного принципа исчерпания прав напрямую, а лишь вводят ограничение некоторых положений ГК РФ и устанавливают действия, не являющиеся нарушением исключительных прав правообладателей (на основе ведения перечня товаров).

Как представляется, именно введение международного принципа исчерпания прав на товарные знаки и объекты патентных прав в гражданское законодательство РФ позволило бы создать четкую систему правового регулирования отношений в сфере параллельного импорта и избежать возможных проблем, связанных с интерпретацией и соотношением новых норм и действующих положений ГК РФ (в целом формально с точки зрения права интеллектуальной собственности в РФ сохранен национальный принцип исчерпания прав и региональный принцип исчерпания прав применительно к товарным знакам в рамках ЕАЭС).

При этом международный принцип исчерпания прав в случае введения на внутригосударственном уровне перечня товаров, в отношении которых он действует, важно закреплять именно применительно к конкретизированным и четко обозначенным объектам интеллектуальной собственности (в частности, товарный знак, изобретение, полезная модель, промышленный образец), которые выражены в таких товарах, с тем чтобы избежать неоднозначного толкования при реализации, в том числе защите исключительных прав правообладателями.

⁶ См.: Елисанова И. Указ. соч.

В обозначенном контексте также важно подчеркнуть, что международный принцип исчерпания прав при выборе формата его введения применительно к определенному перечню товаров может сосуществовать с региональным принципом исчерпания прав⁷ (который, как правило, вводится в целом применительно к исключительным правам на объект интеллектуальной собственности, прежде всего на товарный знак, без ограничения по перечню товаров) и лишь дополняет его применительно к конкретным товарам, в которых выражен конкретизированный объект интеллектуальной собственности.

Особая проблематика с учетом действующего российского гражданского законодательства сохраняется и в вопросах отнесения товаров к категории «контрафактная продукция».

Товары, ввезенные по параллельному импорту, в зависимости от режима исчерпания прав формально с точки зрения некоторых положений ГК РФ представляется технически возможным признать контрафактными по смыслу ч. 4 ст. 1252 ГК РФ. Ограничения здесь заключаются в возможности использования правовых последствий, обозначенных в ст. 14.10 КоАП РФ. При этом данная статья КоАП РФ не использует термин «контрафактная продукция», в ней речь идет об ответственности за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

В то же время статья 1515 ГК РФ иначе (в отличие от ст. 1252) подходит к определению контрафактной продукции с использованием товарного знака. Так, согласно ч. 1 ст. 1515 ГК РФ товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными. То есть речь идет о маркировке товарным знаком или сходным с ним до степени смешения обозначением товара, который не был произведен правообладателем или с согласия правообладателя. При этом в ч. 4 ст. 1252 ГК РФ реализован более широкий подход, согласно которому в случае, когда изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или хранение материальных носителей, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, приводят к нарушению исключительного пра-

ва на такой результат или на такое средство, подобные материальные носители считаются контрафактными и по решению суда подлежат изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации, если иные последствия не предусмотрены настоящим Кодексом.

То есть если импорт товара, в котором выражен товарный знак, приводит к нарушению исключительных прав на товарный знак, что, например, происходит при реализации национального режима исчерпания прав, то такие товары признаются контрафактными.

Примечательно, что Суд по интеллектуальным правам в постановлении от 29.09.2022 по делу № А51-19538/2021 отметил, что для признания товаров контрафактными не имеет правового значения, является ли товар поддельным или оригинальным, но ввезенным в РФ без согласия правообладателя. Различие состоит лишь в невозможности применения одинаковых мер гражданско-правовой ответственности к лицу, незаконно использующему товарные знаки. Суд в этом же постановлении отметил, что в случае с оригинальными товарами нет оснований для назначения таких мер ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак, как изъятие из оборота и уничтожение товаров, ранее введенных правообладателем в гражданский оборот на территории другого государства и ввезенных на территорию РФ без его согласия (параллельный импорт), — в отличие от последствий ввоза поддельных товаров, изъятие и уничтожение которых могут не производиться лишь в порядке исключения (если введение таких товаров в оборот продиктовано необходимостью защиты общественно значимых интересов). Товары, ввезенные на территорию Российской Федерации в порядке параллельного импорта, могут быть изъяты из оборота и уничтожены лишь в случае установления их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

Сохраняющееся формальное несоответствие двух рассмотренных положений ГК РФ может приводить к проблемам в правоприменительной практике. Приоритетным представляется использование более широкого подхода, закрепленного в ст. 1252, к контрафактной продукции, но с введением при этом на законо-

⁷ См.: Ивлиев Г. П., Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона // Lex russica. 2023. № 2. С. 60.

дательном уровне в ГК РФ международного режима исчерпания прав с исключением ответственности параллельного импортера в смежном законодательстве.

В Минпромторге, как отмечалось выше, рассматривается трансформация подхода к составлению и дополнению перечня, заключающаяся в формировании не перечня ТН ВЭД и обозначений, а перечня правообладателей. Такой подход, как представляется, содержит в себе риски, связанные с широкой дискрецией и возможным обжалованием правообладателями факта включения в перечень на основе положений международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, в частности положений о национальном режиме.

При этом, если всё же полный переход к международному принципу исчерпания прав (независимо от категорий товаров) не состоится, целесообразно формирование не столько реестра правообладателей, сколько реестра объектов интеллектуальной собственности (интеллектуальных прав), принадлежащих иностранным правообладателям, которые ими злоупотребляют, формируя недостаток соответствующих товаров на российском рынке.

В обозначенном контексте можно развивать концепцию злоупотребления правами по санкционным политическим основаниям: следование санкциям как вид иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав согласно ст. 10 ГК РФ.

Кроме того, отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что, несмотря на приостановление деятельности в России, некоторые компании⁸ продолжают истребовать охрану на товарные знаки в России и получать ее, что позволит выстраивать траектории защиты исключительных прав, запрещать их использование в РФ, в том числе в контексте национального принципа исчерпания прав.

Недостаток товаров на российском рынке, временно формирующийся ввиду санкционных ограничений, приостановления деятельности ряда иностранных компаний в РФ, может и должен быть преодолен не только с помощью параллельного импорта, но и в первую очередь на основе модернизации подходов к стимулированию национальных производств, импортозамещению, в контексте которых целесообразно принимать и развивать следующие меры: субсидирование инноваций, в том числе

в партнерстве с бизнесом, специальные правовые режимы деятельности правообладателей результатов интеллектуальной деятельности в отдельных отраслях промышленности (льготные, экспериментальные, дотационные), модернизация механизмов государственно-частного партнерства, трансфер технологий (вуз, НИИ, технологические компании — в производство) на основе систем конкурсного отбора, комплаенс-мониторинга, прозрачного контроля за реализацией соглашений (НИОКР и др.).

Решение проблем недостатка товаров на российском рынке видится и во введении механизмов большей интеграции инструментов интеллектуальной собственности в рыночные отношения. Одной из таких мер представляется введение возможности выделения доли в интеллектуальной собственности (доли в исключительном праве на объект интеллектуальной собственности) для усиления рыночного элемента в трансграничных отношениях, в том числе в особых сферах, например в сфере военно-технического сотрудничества, для стимулирования консолидированных усилий бизнеса.

Параллельный импорт неприменим к ситуациям, связанным с использованием объектов авторских прав. Подход по составлению перечня товаров, допустимых к параллельному импорту, не предполагает закрепления в нем объектов авторских прав как результатов интеллектуальной деятельности.

Отдельную проблематику здесь составляют отношения по использованию объектов авторских прав иностранных правообладателей, следующих режимам санкций, приостановивших деятельность в России, расторгающих лицензионные договоры и не предоставляющих возможность использования произведений в России.

Выдача в такой ситуации принудительных лицензий в отношении объектов авторских прав представляется приемлемым вариантом действий в исключительном порядке (такой подход не противоречит Бернской конвенции в части п. 2 ст. 11bis). В обозначенном контексте необходимо принятие особых мер к администрированию принудительных лицензий, в частности, рассмотрение возможности функционирования отдельного органа, ответственного за государственную политику в сфере интеллектуальной собственности и выдачу принуди-

⁸ Регистрация товарного знака LV Volt компанией Louis Vuitton Malletier, Paris.

тельных лицензий в общественных интересах. Должны быть уточнены:

— темпоральные условия выдачи таких лицензий, которые, как представляется, могут быть гораздо меньше сроков, установленных на международно-правовом уровне применительно к объектам патентных прав, ввиду особых (вынужденных) условий их введения и могут ограничиваться 6 месяцами неиспользования без уважительных причин;

— порядок определения разумных, справедливых и оперативных платежей за использование объекта авторских прав, который может быть ориентирован на рыночные показатели, включая возможную оценку предыдущих (в случае наличия) условий предоставления данным лицензиаром прав использования с учетом индексации.

Отдельной проработки требуют следующие вопросы:

— об объеме передаваемых прав (представляется целесообразным, чтобы правоприменительный орган решал этот вопрос в каждом конкретном случае с учетом в первую очередь объективной потребности в том или ином использовании, например, использование музыкального произведения только в титрах второго сезона сериала продолжительностью,

не превышающей использование в первом сезоне);

— о круге и порядке определения субъектов такой лицензии (в первую очередь лица, которые ранее использовали такие объекты и применительно к которым иностранным правообладателем в одностороннем порядке был расторгнут лицензионный договор или такой договор не был продлен, а также иные лица, обосновавшие объективную необходимость использования объекта авторских прав, невозможность использования альтернативных объектов авторских прав в контексте производственных целей, например, все процессы организации выстроены на основе конкретного программного обеспечения).

Заключение

Обозначенные выше положения и предложения, как представляется, могли бы быть обобщены и учтены в Стратегии развития интеллектуальной собственности России — документе стратегического характера, который крайне необходим для систематизации и оптимизации мер по развитию подходов к охране и стимулированию создания интеллектуальной собственности в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Веркошанцева А. Особенности реализации товаров, ввезенных в Россию в режиме параллельного импорта // URL: https://zakon.ru/blog/2022/08/02/osobennosti_realizacii_tovarov_vvezennyh_v_Rossiyu_v_rezhime_parallelnogo_importa (дата обращения: 26.07.2023).

Елисанова И. Параллельный импорт: текущие результаты и развитие законодательства // URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/100367/ (дата обращения: 05.06.2023).

Ивлиев Г. П., Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений в сфере параллельного импорта. Опыт государств евразийского региона // Lex russica. 2023. Т. 76. № 2. С. 56–67.

Котикова А. Опубликован новый перечень товаров, в отношении которых разрешен параллельный импорт // URL: <https://www.garant.ru/news/1639777/> (дата обращения: 07.08.2023).

Шахназаров Б. А. Параллельный импорт и международный принцип исчерпания прав в условиях санкций // Юрист. 2022. № 9. С. 68–73.

REFERENCES

Elisanova I. Parallel Import: Current Results and Development of Legislation. Available from: https://www.alta.ru/expert_opinion/100367/ [Accessed 2022 June 05]. (In Russ.).

Ivliev GP, Shakhnazarov BA. Legal Regulation of Relations in Parallel Imports. The Experience of Eurasian Region States. *Lex russica*. 2023; 76(2):56-67. (In Russ.).

Kotikova A. A New List of Goods for Which Parallel Import is Allowed has been Published. Available from: <https://www.garant.ru/news/1639777/> [Accessed 2023 August 07]. (In Russ.).

Shakhnazarov BA. Parallel Import and the International Principle of exhaustion of rights under sanctions. *Yurist*. 2022;9:68-73. (In Russ.).

Verkoshantseva A. Features of the Sale of Goods Imported into Russia in Parallel Import Mode. Available from: https://zakon.ru/blog/2022/08/02/osobennosti_realizacii_tovarov_vvezennyh_v_Rossiye_v_rezhime_parallelnogo_importa [Accessed 2023 July 26]. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
bashahnazarov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor,
Department of International Private Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
bashahnazarov@msal.ru

Статья поступила в редакцию 14 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 15 июля 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 14.05.2023.

Revised 15.07.2023.

Accepted 15.09.2023.

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.082-094

Н. А. Морозова

Третий арбитражный апелляционный суд
г. Красноярск, Российская Федерация
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Российская Федерация

Реабилитирующие и нереабилитирующие обстоятельства прекращения производства по делу об административном правонарушении

Резюме. В статье автор предлагает разделить все обстоятельства, влекущие прекращение производства по делу об административном правонарушении, на три группы. Первая объединяет обстоятельства, которые надо расценивать как неустранимые процессуальные препятствия и при наличии которых данное конкретное производство невозможно в силу процессуальных препятствий, но при этом вопрос об ответственности правонарушителя может быть решен в другом деле. Во вторую группу автор предлагает включить обстоятельства, при наличии которых невозможно привлечение к ответственности из-за отсутствия для этого оснований. Прекращение производства по данным обстоятельствам делает повторное производство невозможным, при этом невиновность лица считается установленной. В третью группу вошли обстоятельства, при наличии которых правонарушитель, чья вина установлена, освобождается от обязанности претерпеть наказание, при этом вывод о противоправности его действий сохраняет силу. Вторую и третью группу обстоятельств, при которых производство прекращается, автор предлагает считать, по аналогии с уголовно-процессуальным правом, реабилитирующими и нереабилитирующими соответственно. С обстоятельствами из каждой группы должны быть связаны одинаковые последствия — возможность или невозможность отнесения на лицо издержек по делу об административном правонарушении, взыскания в его пользу представительских расходов и компенсации ему ущерба, причиненного фактом административного преследования.

Автор полагает, что отсутствие законодательной регламентации этого вопроса порождает судебные споры и может отрицательно влиять на эффективность защиты прав лиц, в отношении которых безосновательно возбуждено дело о привлечении к административной ответственности.

Ключевые слова: административное правонарушение; административная ответственность; производство по делам об административных правонарушениях; административное преследование; реабилитирующие обстоятельства; нереабилитирующие обстоятельства; прекращение производства по делам об административном правонарушении

Для цитирования: Морозова Н. А. Реабилитирующие и нереабилитирующие обстоятельства прекращения производства по делу об административном правонарушении. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 82–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.082-094

Exonerative and Non-Exonerative Grounds for Administrative Offense Case Dismissal

Natalia A. Morozova

Third Arbitration Court of Appeal
Krasnoyarsk, Russian Federation
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. In the paper, the author proposes to divide all the circumstances entailing the termination of proceedings in a case of an administrative offense into three groups. The first unites grounds that should be regarded as irremediable procedural obstacles and in the presence of which this particular proceeding is impossible due to

© Морозова Н. А., 2023

procedural obstacles, but at the same time, the issue of the offender's responsibility can be resolved in another case. In the second group, the author proposes to include grounds resulting in impossibility of holding a person liable due to the lack of cause. The dismissal of the proceedings under these circumstances makes reopening of the case impossible; at the same time the innocence of the person is considered established. The third group includes grounds in the presence of which the offender, whose guilt is established, is released from the obligation to undergo punishment, while the conclusion about the illegality of his actions remains valid.

The author believes that the lack of legislative regulation of this issue generates legal disputes and may negatively affect the effectiveness of the protection of the rights of persons against whom a case on administrative liability has been unreasonably initiated.

Keywords: administrative offense; administrative liability; proceedings in cases of administrative offenses; administrative prosecution; exonerative grounds; non-exonerative grounds; administrative offense case dismissal

Cite as: Morozova NA. Exonerative and Non-Exonerative Grounds for Administrative Offense Case Dismissal. *Lex Russica*. 2023;76(10):82-94. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.082-094

Введение

Согласно ст. 24.5 КоАП РФ наличие обстоятельств, исключающих производство по делу об административном правонарушении, означает невозможность начала производства или необходимость его прекращения. Полный перечень случаев, при наличии которых производство по делу должно прекращаться, содержится в ст. 24.5, 2.3, 2.6.1, 2.6.2, 2.9, 6.8, 6.9, 6.16.1, 12.21.3, 14.1, 14.5, 14.32, 15.11, 15.15.6, 16.2, 19.15.1, 19.15.2 КоАП РФ¹. Как только лицо, ведущее производство, получает сведения о наличии любого из этих фактов, выносится постановление о прекращении производства (либо определение об отказе в возбуждении дела).

Указанные обстоятельства являются неоднородными в своей взаимосвязи с правонаруше-

нием и различаются последствиями, которые наступают после прекращения производства². Их можно разделить на три группы.

В первую группу войдут обстоятельства, которые надо расценивать как *неустранимые процессуальные препятствия* для конкретно этого производства по делу об административном правонарушении, при наличии которых вопрос о совершении правонарушения должен быть решен в ином производстве.

Вторая группа — *обстоятельства, исключающие ответственность*, при наличии которых становится очевидным, что материальных оснований для ответственности нет.

Третья группа — *обстоятельства, при наличии которых лицо освобождается от ответственности*, но при этом факт правонарушения установлен.

Группа обстоятельств	Факт правонарушения	Последствия
Препятствующие производству по конкретному делу	Будет установлен в ином деле	Отсутствует возможность производства по конкретному делу, но деяние может быть оценено в ином производстве
Исключающие ответственность	Установлено отсутствие правонарушения	Констатируется отсутствие оснований для привлечения к ответственности
Освобождающие от ответственности	Установлено совершение правонарушения	Лицо усмотрением правоприменителя освобождается от обязанности претерпеть негативные последствия

Первая группа объединяет ситуации, при которых установление факта правонарушения не производится, поскольку для этого есть про-

цессуальные препятствия. Вопрос о привлечении к ответственности либо не подведомствен органам административной юрисдикции,

¹ Перечень составлен на 18 мая 2023 г.

² Одними из первых на это обратили внимание Н. М. Жданов и А. Н. Жданова в статье «Освобождение от административной ответственности» (Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 61–65).

либо уже был решен, либо его решение невозможно — объективно (выбытие субъекта) или по причине того, что процедурные нарушения исключают допустимость доказательств. В нее входят следующие обстоятельства:

- наличие по одному и тому же факту совершения противоправных деяний итоговых постановлений по тождественному делу либо постановления о возбуждении уголовного дела (п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ);

- совершение правонарушения лицами, которые не подвержены административной юрисдикции и чья ответственность определяется дисциплинарными уставами (ч. 2 ст. 24.5 КоАП РФ);

- наличие существенных процедурных нарушений, допущенных в ходе производства;

- истечение срока привлечения к административной ответственности (ст. 4.5, п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ);

- смерть физического лица (п. 8 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ);

- ликвидация юридического лица в результате завершения конкурсного производства (п. 8.1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ).

И здесь крайне важно отметить, что любые выводы относительно факта административного правонарушения или других обстоятельств в таком производстве не должны быть сделаны, а сделанные не будут иметь юридического значения. Это значит, что решение вопроса о совершении правонарушения должно быть перенесено в другое производство либо иной судебный спор.

Именно это происходит при передаче дела для дисциплинарного разбирательства. Ряд субъектов не несут административную ответственность³, производство по делу в отношении такого субъекта прекращается и материалы передаются руководителям органов для применения мер дисциплинарного воздействия в соответствии с теми нормативными актами, ко-

торые регламентируют их специальный статус при прохождении службы. При этом в рамках производства по делу об административном правонарушении не производится установления ни события проступка, ни вины специального субъекта, поскольку в противном случае имело место бы предопределение выводов и решения в рамках производства по материалам о дисциплинарном проступке⁴.

Точно так же иное разбирательство осуществляется при наличии другого административного или уголовного производства и именно там деяние получает юридическую оценку.

Этот же результат имеет место и при наличии иного акта, где деяние уже было квалифицировано, только в этом случае отсылка носит ретроспективный характер.

Наличие существенных процессуальных нарушений⁵ должно быть внесено в Кодекс как основание для прекращения производства по двум причинам.

Во-первых, пункт 4 ч. 1 ст. 30.7 КоАП РФ говорит, что по результатам рассмотрения жалобы на постановление дело может быть направлено на новое рассмотрение, если допущены существенные нарушения процессуальных требований его рассмотрения. Сомнения в виновности лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, признаются неустраняемыми, когда собранные по делу доказательства не позволяют сделать однозначный вывод о виновности или невиновности лица, а представляемые законом средства и способы собирания доказательств исчерпаны⁶.

Но нередко новое рассмотрение заканчивается констатацией истечения срока привлечения к ответственности. В таком случае возможность прекратить производство ранее, не дожидаясь отмены, делает более вероятным и результативным повторное преследование. Арбитражные суды же при выяснении суще-

³ См. об этом, например: *Лумпов Е. А.* Разграничение административной и дисциплинарной ответственности военнослужащих // *Военное право: электрон. науч. изд.* 2014. № 4.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 № 2520-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юркова Константина Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «Консультант-Плюс»).

⁵ Термин закреплен в п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» (Вестник ВАС РФ. 2004. № 8).

⁶ Постановление Верховного Суда РФ от 22.02.2008 № 93-Ад07-5.

ственных процессуальных нарушений отменяют постановление без возможности нового производства, причем чаще всего указывают в качестве основания пункт «б» ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ — в связи с отсутствием состава правонарушения⁷. Это влечет возложение на орган обязанности возместить расходы⁸. Несправедливость данного подхода по отношению к органу административной юрисдикции особенно заметна при очевидности проступка.

Во-вторых, нередко суды делают однозначный вывод, что состав административного правонарушения отсутствует. Находясь между очевидными фактами нарушения и требованиями процессуального законодательства, они ограничиваются формулировкой «о невозможности прийти к безусловному выводу о том, что наличие состава административного правонарушения является доказанным»⁹. Но в таком случае нарушается правило ч. 4 ст. 1.5 КоАП РФ о том, что неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к административной ответственности, толкуются в пользу этого лица.

При этом данное обстоятельство должно попасть именно в первую группу — с тем, чтобы орган административной юрисдикции имел возможность начать новое производство и вновь инициировать преследование для решения вопроса о виновности либо невиновности лица.

Наиболее проблемным вопросом является включение в эту классификацию истечения срока привлечения к административной ответ-

ственности (п. 6 ч. 1 ст. 24.5 и ст. 4.5 КоАП РФ) по следующим причинам.

Срок давности можно применить только к конкретному правонарушению — поскольку статья 4.5 устанавливает разные сроки для разных деликтов. Значит, органу административной юрисдикции надо выяснить все элементы состава — только после этого можно определить срок и зафиксировать факт его истечения. При этом Конституционный Суд РФ указал, что лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения сроков давности, считается невиновным, то есть государство, отказываясь от преследования лица за административное правонарушение, не ставит более под сомнение его статус в качестве невиновного и, более того, признает, что не имеет оснований для опровержения его невиновности¹⁰. В пункте 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5¹¹ сказано, что в постановлении о прекращении производства по делу в связи с истечением срока, исходя из п. 4 ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ, должны быть указаны все установленные по делу обстоятельства, а не только связанные с истечением срока давности привлечения к административной ответственности, но не может содержаться вывод о виновности лица в совершении административного правонарушения¹².

То есть складывается противоречивая ситуация — с одной стороны, все признаки состава должны быть выяснены, с другой — вопрос о

⁷ См., например: постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 08.08.2022 по делу № А33-2679/2022 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.05.2023).

⁸ См., например: определение Верховного Суда РФ от 22.01.2021 № 304-ЭС20-22122 по делу № А81-9786/2019.

⁹ См., например: постановление Верховного Суда РФ от 09.03.2017 № 5-АД17-8.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 КоАП РФ, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина, М. В. Филандрова» // Российская газета. № 121. 03.07.2009.

¹¹ П. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. № 80. 19.04.2005.

¹² См., например: постановление Верховного Суда РФ от 08.06.2018 № 48-АД18-6, где Суд указал: «КоАП РФ не предусматривает возможности формулировать выводы о виновности лица, в отношении которого возбуждалось производство по делу об административном правонарушении, при прекращении производства по делу и за пределами срока давности привлечения к административной ответственности». Верховный Суд РФ изменил постановление о прекращении производства по делу, вынесенное в отношении гражданина Л., поскольку, несмотря на прекращение производства по причине истечения срока привлечения к ответственности, в нем фактически были изложены выводы о нарушении Пра-

виновности не ставится. Данный подход ожидаемо порождает споры. При отсутствии вины дело следует прекращать по другим основаниям, и нередко предполагаемые правонарушители оспаривают применение в их деле п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ именно потому, что хотят добиться признания своей полной невиновности¹³.

Выход из этого логического противоречия видится в отнесении истечения срока привлечения к ответственности как обстоятельства, влекущего прекращение производства по делу об административном правонарушении, к первой группе. Истекший срок при этом предлагается рассматривать как процессуальное препятствие для решения вопроса о виновности лица при

проведении данного конкретного преследования, но с сохранением этой возможности при рассмотрении любого иного спора, связанного с изучаемым деликтом, например при взыскании расходов или убытков, причиненных правонарушением.

По этой же логике автор относит к первой группе два случая прекращения физического существования субъектов ответственности — по причине смерти и ликвидации.

При смерти физического лица вопрос о виновности может стать предметом обсуждения в ином споре, например гражданско-правовом¹⁴. Надо думать, что аналогичным образом должен решаться вопрос при ликвидации юридического лица¹⁵.

вил дорожного движения лицом, производство по делу в отношении которого прекращено, и о виновности этого лица в произошедшем дорожно-транспортном происшествии (постановление Верховного Суда РФ от 01.11.2016 № 18-АД16-159).

¹³ Такая жалоба должна быть рассмотрена по существу, и если будет установление, что отсутствовало само событие или состав административного правонарушения, то постановление подлежит отмене с вынесением решения о прекращении производства по делу в соответствии с п. 1 либо 2 ч. 1 ст. 24.5, а не п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ (п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. № 80. 19.04.2005).

Интересный спор рассмотрен в постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда от 07.10.2019 по делу № А33-12998/2019. Заявитель требовал возбудить дело об административном правонарушении в отношении общества, в возбуждении дела было отказано по причине отсутствия состава. Пока заявитель оспаривал отказ, срок давности для привлечения к ответственности прошел и суд отказал в удовлетворении заявления, так и не ответив на существо вопроса.

¹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2009 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова» // Российская газета. № 121. 03.07.2009 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» // Российская газета. № 165. 29.07.2011 ; определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2013 № 900-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Чирковой Тамары Александровны на нарушение ее конституционных прав положениями части 1 статьи 30.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Интересный и подробный анализ того, почему, в отличие от уголовного производства, производство по делу об административном правонарушении в отношении умершего лица не может быть продолжено с целью доказывания его невиновности, изложен в статье: Мартынов А. В. Агностицизм административной ответственности (к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю. П. Соловья) // Административное право и процесс. 2018. № 7. С. 47–53.

¹⁵ Есть, впрочем, и другая точка зрения. Несмотря на ликвидацию организации, выступавшей субъектом правонарушения, Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд дал оценку всем событиям, указав, что в данном случае правовосстановительная функция судебного акта заключается в констатации факта нарушения закона и законных прав и интересов заявителя на момент принятия оспоренного постановления инспекцией (постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.03.2021 № 18АП-646/2021 по делу № А47-11051/2020).

Возвращаясь ко второй и третьей группам, надо признать, что в рамках предложенной квалификации включение спорных обстоятельств (истечение срока, смерть и ликвидация субъекта) в них невозможно именно потому, что ответа на вопрос, можно ли назвать лицо, в отношении которого велось производство, правонарушителем, в данном случае ответ не дается. Именно ответ на этот вопрос составляет существенную разницу между второй и третьей группой.

Во вторую группу внесены обстоятельства, при которых очевидно, что лицо правонарушения не совершало (деяние не может считаться правонарушением):

- отсутствие события или состава правонарушения (п. 1, 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ);

- невменяемость физического лица (п. 2 ч. 1 ст. 24.5, ст. 2.8 КоАП РФ);

- недостижение лицом на момент совершения правонарушения возраста 16 лет (п. 2 ч. 1 ст. 24.5, ст. 2.3 КоАП РФ);

- действие лица в состоянии крайней необходимости (ст. 2.7 КоАП РФ);

- предоставление собственником (владельцем) транспортного средства доказательств того, что транспортное средство находилось во владении или в пользовании другого лица либо выбыло из его обладания в результате противоправных действий других лиц (ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ);

- предоставление собственником (владельцем) земельного участка либо другого объекта недвижимости доказательств того, что земельный участок либо другой объект недвижимости находился во владении или в пользовании другого лица, либо того, что административное правонарушение совершено в результате противоправных действий других лиц (ч. 2 ст. 2.6.2 КоАП РФ);

- признание утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное (п. 5 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ), в том числе, как

частный случай, попадание норм, за несоблюдение которых лицо привлечено к ответственности, под регуляторную гильотину (п. 5.1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, ст. 15 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»).

При обнаружении этих обстоятельств дело следует прекращать как можно скорее, более того, их наличие означает, что изначально административное преследование начато необоснованно, но за двумя исключениями.

Во-первых, если на момент возбуждения дела закон, устанавливающий ответственность, еще действовал, то начало административного преследования является единственным законным вариантом поведения органа административной юрисдикции. Производство может быть прекращено только после вступления в силу соответствующих изменений, не раньше¹⁶.

Во-вторых, надо обратить внимание на ч. 2 ст. 2.6.1 и ч. 2 ст. 2.6.2 КоАП РФ. В обоих случаях закон говорит, что, если собственник имущественного объекта, с которым связано правонарушение, докажет, что этот объект был во владении другого лица, производство прекращается¹⁷. Вроде бы очевидно, что прекращение производства происходит по причине отсутствия состава — лица не было в момент и в месте совершения правонарушения, правонарушение совершено не им. Но вынесение законодателем указанных ситуаций в отдельные пункты ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ неслучайно. Даже если установлено, что за рулем было другое лицо, а земельным участком распоряжался арендатор, суды указывают, что применение ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ свидетельствует о том, что привлечение собственника (владельца) транспортного средства или объекта недвижимости к административной ответственности признано законным (иначе постановление подлежало бы отмене по иным основаниям)¹⁸. Этот подход суды сформировали в связи с необходимостью решать вопрос о том, с кого должны быть взысканы убытки и издержки — с органа, законно

¹⁶ См., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.09.2017 № Ф03-3389/2017 по делу № А59-4779/2016.

¹⁷ В части 2 ст. 2.6.2 КоАП РФ указано второе условие освобождения от ответственности: собственник земельного участка должен подтвердить или невозможность предотвратить нарушение, или факт принятия мер; собственнику транспортного средства такого условия не предъявляется.

¹⁸ Такая позиция, в частности, изложена в определениях Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.04.2016 № 305-ЭС15-17080 и от 04.10.2016 № 305-ЭС16-6934, а также в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.04.2019 № 18-КГ19-18 и от 18.01.2022 № 66-КГ21-22-К8.

возбуждившего дело, или всё же с лица, нарушившего закон и причинившего убытки своему контрагенту. Суды вполне логично выбирают второй вариант¹⁹.

Однако эти нюансы не меняют место данных оснований в предложенной классификации, поскольку после вступления в силу изменений в законе, устраняющих правило, нарушение которого признано правонарушением, деяние перестает обладать признаком противоправности (за исключением его криминализации (ч. 2.1 ст. 1.7 КоАП РФ)) и, значит, перестает быть правонарушением. Равным образом при предоставлении собственником транспортного средства или объекта недвижимости доказательства своей невиновности²⁰ правило, указанное в примечании к ст. 1.5 КоАП РФ, перестает работать — лицо доказывает свою невиновность и, соответственно, не может считаться правонарушителем²¹. То есть общее правило соблюдается — эти обстоятельства, наравне с иными, включенными во вторую группу, свидетельствуют, что правонарушения не было.

Повторное производство в таком случае невозможно, поскольку административная ответственность возлагается однократно (ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ), одному правонарушению соответствует одна попытка привлечения к ответственности.

При прекращении производства по какому-либо из этих обстоятельств невиновность лица устанавливается и считается доказанной во всяком случае до отмены соответствующего акта. Во всех правоотношениях, связанных или вытекающих из факта привлечения к административной ответственности, следует исходить из данного факта.

Специфическим последствием прекращения производства по данным основаниям может быть невозможность вынесения представления, указанного в ст. 29.13 КоАП РФ, поскольку

оно, как буквально следует из нормы, выдается для устранения причин и условий, способствовавших совершению правонарушения; если нет правонарушения, то нет и оснований для выдачи представления²².

Третья группа — обстоятельства, которые свидетельствуют о нецелесообразности возложения на лицо негативных последствий в виде наказания вследствие:

— издания акта амнистии, если такой акт устраняет применение административного наказания (п. 4 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ);

— малозначительности правонарушения (ст. 2.9 КоАП РФ).

Сюда также следует отнести возможность освобождения от ответственности несовершеннолетних (ст. 2.3 КоАП РФ) и ситуации, предусмотренные статьями 6.8, 6.9, 6.16.1, 12.21.3, 14.1, 14.5, 14.32, 15.11, 16.2, 19.7.13, 19.15.1, 19.15.2, 19.28, 20.20 КоАП РФ (ч. 9 ст. 24.5 КоАП РФ).

Освобождение от ответственности следует рассматривать как крайний случай индивидуализации наказания, который применяется с учетом субъективных, конкретных обстоятельств совершения правонарушения и поведения виновного и его применение подразумевает, что цель ответственности (превенция) достигнута без кары.

Однако при всех обстоятельствах, вошедших в третью группу, несмотря на прекращение производства по делу, факт совершения этим лицом правонарушения должен признаваться доказанным.

Важно подчеркнуть, что при освобождении лица от обязанности претерпеть наказание не должно происходить прекращения правоотношения административной ответственности. Прежде чем освободить лицо от предусмотренного законом возмездия, правоприменителю следует установить все признаки правонару-

¹⁹ См., например: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.03.2023 № 80-КГ22-6-К6.

²⁰ П. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. № 142. 03.07.2019.

²¹ Определения Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 177-О-О, от 02.07.2019 № 1835-О, от 22.03.2011 № 391-О-О, от 07.12.2010 № 1621-О-О.

²² См., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.05.2017 № Ф03-1101/2017 по делу № А37-1608/2016 (определением Верховного Суда РФ от 16.08.2017 № 303-АД17-11730 отказано в передаче дела № А37-1608/2016 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

шения, дать ему квалификацию и только после этого решить вопрос о применении мер принуждения. Соответственно, вина правонарушителя будет доказана, и этот вывод может иметь значение при рассмотрении иных споров, вытекающих из смежных правоотношений. Сохраняется также элемент общественного порицания как следствие правовой оценки деяния в качестве противоправного и воспитательная функция административной ответственности.

С другой стороны, состояние административной наказанности²³ следует за наказанием, поэтому в случае прекращения производства по обстоятельствам, вошедшим в третью группу, указанное состояние не возникает, и в дальнейшем на базе настоящего факта невозможно вменение повторности как отягчающего обстоятельства²⁴ и образование квалифицированных составов.

В третью группу следует внести освобождение от ответственности несовершеннолетнего (ст. 2.3 КоАП РФ). Суть юридического действия состоит именно в том, что после констатации факта совершения противоправного проступка юному делинквенту административное наказание заменяется на воспитательную меру. Для дальнейших споров, связанных с возмещением вреда, причиненного правонарушением, значение имеет именно констатация факта совершения правонарушения.

Отдельно следует остановиться на малозначительности (ст. 2.9 КоАП РФ). Ее включение в третью группу является отголоском нерешенного теоретического спора о видах и признаках публично-правовых деликтов. В том случае, если бы мы считали общественную опасность признаком административного правонаруше-

ния, ее отсутствие у конкретного деяния означало бы и отсутствие правонарушения. Это позволяло бы отнести «малозначительность» во вторую группу обстоятельств — при которых ответственность невозможна из-за отсутствия основания.

Однако, поскольку легальное определение правонарушения (ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ) не содержит признака общественной опасности, то ее отсутствие у конкретного деяния означает, что содеянное не перестает быть правонарушением²⁵, не теряет свойства противоправности, но при этом лицо может претендовать на освобождение от наказания, что и предусмотрено статьей 2.9 КоАП РФ. Поскольку лицо признается правонарушителем, то говорить о его невиновности нельзя. Именно поэтому ВАС РФ разъяснил, что если производство по делу прекращено в связи с малозначительностью правонарушения, то расходы, понесенные лицом, в отношении которого велось производство, для защиты (оплата труда адвокатов, например), возмещению не подлежат²⁶. По этой причине лица, в отношении которых вынесено постановление о прекращении производства в связи с малозначительностью деяния, вправе оспорить такое постановление, настаивая на иных основаниях, свидетельствующих о невозможности привлечения к ответственности²⁷.

Закончив разделение обстоятельств, препятствующих производству по делу об административном правонарушении, на группы, обратимся к теории уголовно-процессуального права.

Следует напомнить, что в уголовно-процессуальной науке и законодательстве среди обстоятельств, по которым было прекращено уголовное преследование, выделяются:

²³ Морозова Н. А. Состояние административной наказанности // Lex russica. 2021. № 9 (178).

²⁴ См., например, о невозможности квалификации правонарушения как повторного по причине того, что производство по первому нарушению было прекращено в связи с малозначительностью деяния: постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2020 № 06АП-2916/2020 по делу № А16-604/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 18.05.2023).

²⁵ См., например: постановление Верховного Суда РФ от 18.09.2015 № 307-АД15-7024 по делу № А56-47017/2014; постановление Верховного Суда РФ от 25.07.2016 № 307-АД16-6013 по делу № А05-11480/2015.

²⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Специальное приложение к «Вестнику ВАС Российской Федерации». 2005. № 12.

В обоснование данной позиции ВАС РФ была положена логика состязательного процесса — в случае отказа в привлечении к ответственности по причине малозначительности деяния судебный акт не может считаться вынесенным в пользу правонарушителя. См., например: постановление Президиума ВАС РФ от 11.10.2011 № 5811/11 по делу № А36-6861/2009.

²⁷ См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.05.2018 № Ф05-5994/2018 по делу № А40-150468/2017.

— нереабилитирующие: декриминализация деяния, недостижение возраста уголовной ответственности и «возрастная невменяемость» (ч. 4 ст. 133 УК РФ), которые не дают права на реабилитацию, даже если к ответственности лицо привлечено не было;

— реабилитирующие: вынесение оправдательного приговора, а равно отмена обвинительного приговора (в том числе по причине отсутствия события или состава преступления, непричастности к совершению преступления); отмена постановления о применении медицинских мер принудительного характера; отказ обвинителя от обвинения или отсутствие заявления по делам частного обвинения; наличие вступившего в законную силу приговора / определения суда / постановления судьи о прекращении уголовного дела или неотмененного постановления органа дознания / следователя / прокурора о прекращении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела — по тому же обвинению; отсутствие согласия органа власти на привлечение к ответственности должностного лица, если такое согласие требуется законом) (гл. 18 УК РФ).

Данным обстоятельствам уделяется огромное внимание в литературе по уголовному процессу²⁸. Это связано с последующим правом на возмещение государством имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах, нарушенных фактом уголовного преследования.

Формально законодательство о производстве по делам об административных правонарушениях не дает оснований для деления обстоятельств, препятствующих производству по делу, на реабилитирующие и нереабилитирующие. На это прямо указал Конституционный Суд РФ в определении от 04.06.2013 № 900-О²⁹. Несмотря на это, в судебной практике по делам об административных правонарушениях встречаются упоминания реабилитирующих или нереабилитирующих обстоятельств³⁰.

Подобные проявления вольности в использовании терминологии в судебных актах неслучайны: судьи явно исходят из общности правоотношений и сходства правовых конструкций³¹. Беремся утверждать, что этот подход верен. Следует называть сущности их именами³².

²⁸ См., например: *Гаврилюк Р. В.* Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008 ; *Кузнецова А. Д.* особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022 ; *Яшина А. А.* Конституционно-правовые основы реабилитации в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016.

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 04.06.2013 № 900-О.

³⁰ Например, именно данный термин судьи используют для обозначения прекращения производства по делу в связи малозначительностью деяния (в частности: постановления ФАС Московского округа от 25.10.2004 № КА-А40/9528-04 по делу № А40-55015/03-60-97, ФАС Северо-Западного округа от 31.05.2012 по делу № А66-6484/2011, от 31.05.2012 по делу № А66-6482/2011, от 11.05.2012 по делу № А66-6486/2011, ФАС Уральского округа от 27.11.2008 № Ф09-8330/08-С1 по делу № А60-8685/08) или в связи с истечением срока привлечения к ответственности (см., например: определения ВАС РФ от 25.03.2010 № ВАС-2966/10 по делу № А46-21056/2008 ; от 28.04.2008 № 5095/08 по делу № А79-6222/2006 ; постановления Арбитражного суда Московского округа от 17.02.2016 № Ф05-557/2016 по делу № А40-40977/2015 ; Арбитражного суда Центрального округа от 26.04.2016 № Ф10-930/2016 по делу № А83-2589/2015 ; Арбитражного суда Поволжского округа от 31.01.2017 № Ф06-17077/2016 по делу № А49-4478/2016 ; ФАС Московского округа от 29.05.2014 № Ф05-17112/13 по делу № А41-13547/13).

³¹ О равнозначности понятия реабилитации для целей восстановления прав лиц, незаконно привлеченных как к уголовной, так и к административной ответственности, прямо указано в статьях В. М. Толкунова, И. Н. Куровой «Об актуальной практике применения статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2020. № 4. С. 15–28) и А. А. Маркеловой «К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.05.2018 № 305-ЭС17-21628 в контексте постановления КС РФ от 15.07.2020 № 36-П» (Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 5–33).

³² Одним из первых в научной литературе термин «реабилитирующее обстоятельство» применил по отношению к п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ П. П. Серков в монографии «Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы» в 2012 г.

Фактически в настоящее время законодатель сформировал все условия для того, чтобы разделить обстоятельства, влекущие прекращение производства по делам об административных правонарушениях (за минусом выделенных в первую группу), на реабилитирующие (вторая группа) и нереабилитирующие (третья группа).

Основанием для данного утверждения является анализ ст. 24.7 КоАП РФ. По общему правилу издержки по делу об административном правонарушении в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя, производство по которому прекращено, относятся к расходам бюджета. Однако из этого правила есть исключения. В случае прекращения производства в связи с изданием акта амнистии, истечением сроков давности привлечения к административной ответственности или по иным обстоятельствам, указанным в статьях Особенной части, издержки по делу относятся на лицо, в отношении которого осуществлялось административное преследование.

Фактически законодатель указывает: несмотря на прекращение производства, основания для его возбуждения были, его возбуждение правомерно и негативные последствия в виде процессуальных издержек все равно вменяются лицу.

Автоматически из этого следует невозможность взыскания судебных расходов и удовлетворения исков о возмещении ущерба, причиненного административным преследованием³³.

Сложность состоит в том, что если при амнистии и освобождении от ответственности по специальным основаниям факт правонарушения считается доказанным, то при истечении срока давности привлечения к ответственности, как было ранее указано, этого не происходит. Тем не менее издержки все равно относятся на

обвиняемого. Здесь присутствует явное противоречие.

Надо отметить, что данная логика — невозможность возмещения расходов и убытков — распространяется судами также на прекращение производства по причине малозначительности деяния³⁴ и признания утратившими силу закона или его положения, устанавливающих административную ответственность за содеянное³⁵.

Сам по себе факт того, что в отсутствие законодательно закрепленной дифференциации обстоятельств на группы судебная практика проявляет тенденцию к расширительному применению негативных последствий, является проблемой, требующей решения.

Вторым не менее важным вопросом при этом становится аксиоматизация обратного правила: в случае прекращения производства по всем иным основаниям лицо, в отношении которого оно велось, может претендовать на взыскание в его пользу судебных расходов, а также указывать на данный факт как на основание для взыскания ущерба, причиненного незаконным привлечением к административной ответственности.

В настоящий момент, в связи с отсутствием в КоАП РФ специального механизма, который бы регулировал порядок и условия возмещения вреда, причиненного лицу, производство по делу об административном правонарушении в отношении которого прекращено по основаниям, означающим его невиновность (исключающим его виновность) в совершении правонарушения (аналога реабилитационных процедур), все соответствующие требования рассматриваются в рамках гражданско-правовых споров. В таком случае в предмет доказывания вклю-

³³ Например, см.: постановление Верховного Суда РФ от 03.10.2018 № 60-АД18-3 (в удовлетворении требования о взыскании судебных расходов было отказано, так как производство было прекращено по причине истечения срока для привлечения к ответственности).

О системности данного подхода и возникающих проблемах см.: Мочегаяев Н. П. Возмещение расходов на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу об административном правонарушении в качестве защитника, и взыскание компенсации морального вреда // Адвокатская практика. 2016. № 2. С. 36–41.

³⁴ П. 17 постановления Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

³⁵ См., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.08.2019 № Ф03-2345/2019 по делу № А51-10995/2018 — суд отказал во взыскании судебных расходов, так как обращение за юридическими услугами было обусловлено неправомерными действиями предпринимателя, совершившего правонарушение; прекращение производства по делу не ввиду его непричастности к правонарушению, а в связи с утратой силы нормы не влечет возмещение судебных расходов; незаконность ведения административного производства не доказана.

чается вина должностных лиц, осуществлявших административное преследование (ст. 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ).

Давая оценку этой ситуации, Конституционный Суд РФ прямо указал: нельзя отказать в возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании п. 1 или 2 ч. 1 ст. 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы) со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) государственных органов или их должностных лиц или наличия вины должностных лиц в незаконном административном преследовании³⁶.

Таким образом, фактически институт деления обстоятельств, по которым производство

по делу об административном правонарушении прекращается, на реабилитирующие и нереабилитирующие, уже произошел. Нормативного закрепления этого противопоставления нет. Но надо признать, что, начав деление обстоятельств, указанных в ст. 24.5 КоАП РФ, на две группы в ст. 24.7, законодатель сам заложил основания для всех дальнейших последствий и выводов. Закон должен быть логичен и последователен. Отсутствие законодательного закрепления такого разделения, указания на связанные с ним последствия множит судебные споры и порождает разноречивую судебную практику, что плохо влияет на доверие к государству в целом³⁷.

Автор настоящей статьи предлагает закрепить в КоАП РФ сформировавшийся институт, но осознает, что перечень обстоятельств и связанные с этим нюансы правового регулирования являются спорными, требуют кропотливой работы ученых и обсуждения с практиками. В связи с этим автор предлагает начать соответствующую дискуссию на страницах настоящего издания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 189 с.

Жданов Н. М., Жданова А. Н. Освобождение от административной ответственности // Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 61–65.

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2020 № 36-П «По делу о проверке конституционности статей 15, 16, части первой статьи 151, статей 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1, 2 и 3 статьи 24.7, статей 28.1 и 28.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также статьи 13 Федерального закона “О полиции” в связи с жалобами граждан Р. А. Логинова и Р. Н. Шарафутдинова» // Российская газета. 2020. № 162 (24.07.2020).

³⁷ В статье А. Р. Султанова «Какими должны быть правовые последствия истечения сроков давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения» (Адвокат. 2016. № 3. С. 5–12) прекращение производства по делу об административном правонарушении в связи с истечением срока привлечения к ответственности названо реабилитирующим обстоятельством. В обоснование приводятся слова профессора Т. Г. Морщаковой: «Все эти основания условно и неточно называются в доктрине уголовно-процессуального права нереабилитирующими. В силу презумпции невиновности лицо невиновно и не нуждается в реабилитации, если не имело место признание его виновности государством по приговору суда» (Морщакова Т. Г. Комментарий к статье 49 Конституции Российской Федерации // Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма, Инфра-М, 2011). Но это не так. Вся судебная практика опровергает данный довод. Представляется, что как раз отказ от разделения обстоятельств в КоАП РФ на реабилитирующие и нереабилитирующие, дающие право на возмещение ущерба и не дающие, меньше способствует соблюдению интересов предполагаемых правонарушителей, чем их честная градация в законе.

Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л. В. Андриченко, С. А. Боголюбов, Н. С. Бондарь [и др.] ; под ред. В. Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма, Инфра-М, 2011. 1008 с.

Кузнецова А. Д. Особенности реабилитации в уголовном судопроизводстве Российской Федерации при рассмотрении дел судом первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 176 с.

Лумпов Е. А. Разграничение административной и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Военное право : электронное научное издание. 2014. № 4.

Маркелова А. А. К вопросу о возмещении вреда, причиненного ошибочным административным принуждением. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18 мая 2018 г. № 305-ЭС17-21628 в контексте постановления КС РФ от 15 июля 2020 г. № 36-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 5–33.

Мартынов А. В. Агностицизм административной ответственности (к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю. П. Соловья) // Административное право и процесс. 2018. № 7. С. 47–53.

Морозова Н. А. Состояние административной наказанности // Lex russica. 2021. № 9 (178).

Мочегаяев Н. П. Возмещение расходов на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу об административном правонарушении в качестве защитника, и взыскание компенсации морального вреда // Адвокатская практика. 2016. № 2. С. 36–41.

Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы : монография. М. : Норма, Инфра-М, 2012. 480 с.

Султанов А. Р. Какими должны быть правовые последствия истечения сроков давности привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения // Адвокат. 2016. № 3. С. 5–12.

Толкунов В. М., Курова И. Н. Об актуальной практике применения ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Арбитражные споры. 2020. № 4. С. 15–28.

Яшина А. А. Конституционно-правовые основы реабилитации в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016. 26 с.

REFERENCES

Andrichenko LV, Bogolyubov SA, Bondar NS, et al. Commentary to the Constitution of the Russian Federation (Article-by-Article). Zorkin VD, editor. 2nd ed., rev. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2011. (In Russ.).

Gavrilyuk RV. Vindication in the Russian Criminal Procedure (Issues of Theory and Practice). Cand. Diss. (Law). N. Novgorod; 2008. (In Russ.).

Kuznetsova AD. Features of Vindication in Criminal Proceedings of the Russian Federation when Considering Cases in First Instance Courts. Cand. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2022. (In Russ.).

Lumpov EA. Differentiation of Administrative and Disciplinary Liability of Military Personnel. *Voennoe pravo: elektronnoe nauchnoe izdanie*. 2014;4. (In Russ.).

Markelova AA. On the Issue of Compensation for Damage Caused by Erroneous Administrative Coercion. Commentary on the Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 18, 2018 No. 305-ES17-21628 in the context of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 15, 2020 No. 36-P. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 2021;2:5-33. (In Russ.).

Martynov AV. Agnosticism of Administrative Liability: To the Anniversary of Doctor of Law, Professor Yu.P. Solovya. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2018;7:47-53. (In Russ.).

Mochegaev NP. Reimbursement of Expenses for the Remuneration of a Lawyer or other Person who Participated in the Proceedings on an Administrative Offense as a Defender, and Recovery of Compensation for Moral Damage. *Advokatskaya praktika [Advocate's Practice]*. 2016;2:36-41. (In Russ.).

Morozova NA. A State of Administrative Punishment. *Lex russica*. 2021;74(9):44-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.044-053

Serkov PP. Administrative Liability in Russian Law: Modern Understanding and New Approaches. A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2012. (In Russ.).

Sultanov AR. What Should be the Legal Consequences of the Expiry of the Limitation Period for Bringing to Liability for Committing a Tax Offense. *Advokat*. 2016;3:5-12. (In Russ.).

Tolkunov VM, Kurova IN. On the Current Practice of Application of Article 4.5 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation. *Arbitrazhnye spory*. 2020;4:15-28. (In Russ.).

Yashina AA. Constitutional and Legal Foundations of Vindication in the Russian Federation. Abstract Cand. Diss. (Law). Penza; 2016. (In Russ.).

Zhdanov NM, Zhdanova AN. Exemption from Administrative Liability. *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*. 2012;4:61-65. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Морозова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права Юридического института Сибирского федерального университета, судья Третьего арбитражного апелляционного суда
д. 6, ул. Маерчака, г. Красноярск 660075, Российская Федерация
nastaly@narod.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Morozova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Law Institute, Siberian Federal University; Judge, Third Arbitration Court of Appeal
6, Maerchaka St., Krasnoyarsk 660075, Russian Federation
nastaly@narod.ru

Статья поступила в редакцию 25 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 23 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 25.05.2023.

Revised 23.06.2023.

Accepted 15.09.2023.

Э. С. Теймуров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Наилучшие научные данные для установления зонально привязанных инструментов хозяйствования: международно-правовая характеристика

Резюме. Использование критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» при установлении зонально привязанных инструментов хозяйствования является отражением сложившейся практики их учреждения. Широкое распространение данного критерия в многочисленных нормативных и рекомендательных актах сопровождается лишь предписаниями относительно повышения качества, надежности и доступности научной информации, без закрепления его юридического содержания. Цель исследования — выявить нормативное содержание критерия «наилучшие имеющиеся научные данные».

Становление критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» связано с усилением природоохранного сотрудничества государств и является отражением принципа предосторожного подхода. Когда научные данные недостаточны и есть риск причинения вреда, необходимо действовать в соответствии с обязательством должной осмотрительности и требованиями предосторожности.

Практика применения исследуемого критерия позволяет выделить 3 его сущностных элемента: наилучший характер данных, научный характер данных и доступность (наличие) данных. Наилучший характер данных раскрывается национальными судами посредством ряда признаков: полнота информации, ее надлежащий характер, достоверность, принятие во внимание и оценка различных научных данных. Наличие «незначительных неточностей» не свидетельствуют о том, что данные не являются наилучшими. Доступность (наличие) данных подразумевает, что органы власти должны принимать решения на основе научных данных, полученных ими либо представленных научным сообществом на момент принятия решения. Наилучшие «имеющиеся» данные не означает наилучшие «возможные» данные. Органы власти не обязаны продуцировать новые научные данные. Научный характер данных подразумевает использование надлежащих, объективных, беспристрастных, прозрачных, окончательных, интерпретируемых данных, полученных с помощью надлежащих методов исследования, отражающих любые неточности и риски их использования, а также прошедших независимую экспертную оценку.

Международные и национальные судебные органы избегают формулирования определения научных данных и рассматривают вопросы, связанные с оценкой научного характера информации, сквозь призму требований к научным исследованиям.

Ключевые слова: морской охраняемый район; зонально привязанный инструмент хозяйствования; критерии установления МОР; наилучшие научные данные; предосторожный подход; обязательство должной осмотрительности; наилучший характер данных; научный характер данных; доступность (наличие) данных; устойчивое развитие

Для цитирования: Теймуров Э. С. Наилучшие научные данные для установления зонально привязанных инструментов хозяйствования: международно-правовая характеристика. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 95–114. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.095-114

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

The Best Scientific Data for the Establishment of Zonally Linked Management Instruments: International Legal Characteristics

Ivin S. Teymurov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. The use of the criterion «best available scientific data» when establishing zonally linked management tools is a reflection of the common practice of their formation. The widespread use of this criterion in numerous regulatory acts and guidance documents is accompanied only by prescriptions for improving the quality, reliability and accessibility of scientific information, without its legal content consolidation. The purpose of the study is to identify the normative content of the criterion «the best available scientific data».

The formation of the criterion the «best scientific data available» is associated with the strengthening of environmental cooperation between states and is a reflection of the precautionary principle. When scientific evidence is insufficient and there is a risk of harm, it is necessary to act in accordance with the due care obligation and precautionary requirements.

The practice of applying the criterion under study allows us to distinguish its three essential elements: the best nature of data, the scientific nature of data and the availability (availability) of data. The best nature of data is disclosed by the national courts through a number of features: completeness of the information, its proper nature, reliability, taking into account and evaluation of various scientific data. The presence of «minor inaccuracies» does not indicate that the data are not the best. The availability of data implies that authorities should make decisions based on scientific data received by them or presented by the scientific community at the time of decision-making. The best «available» data does not mean the best «possible» data. The authorities are not obliged to produce new scientific data. The scientific nature of data implies the use of appropriate, objective, impartial, transparent, final, interpretable data obtained using appropriate research methods, reflecting any inaccuracies and risks of their use, as well as having passed an independent expert assessment.

International and national judicial authorities avoid defining scientific data and consider issues related to the assessment of scientific nature of information through the prism of scientific research requirements.

Keywords: marine protected area; zonally linked management tool; criteria for establishing MPAs; best scientific data; precautionary approach; due care obligation; best nature of data; scientific nature of data; availability of data; sustainable development

Cite as: Teymurov ES. The Best Scientific Data for the Establishment of Zonally Linked Management Instruments: International Legal Characteristics. *Lex Russica*. 2023;76(10):95-114. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.095-114

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Среди Целей ООН в области устойчивого развития выделена специальная цель, направленная на сохранение морской среды, — сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития (цель 14). Одной из задач, установленных

для реализации этой цели, является охват природоохранными мерами по крайней мере 10 % прибрежных и морских районов в соответствии с национальным и международным правом и на основе наилучшей имеющейся научной информации¹.

Международные правовые документы содержат целый ряд разнообразных зонально

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Повестка дня в области устойчивого развития от 25.09.2015 A/RES/70/1. С. 22–23 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 15.06.2023).

привязанных инструментов и рекомендаций, регулирующих хозяйственную деятельность в морях, — как в пределах, так и вне пределов национальных юрисдикций. Использование этих инструментов может быть актуально и эффективно с точки зрения обеспечения устойчивого использования морских природных ресурсов и среды в Арктике, учитывая стремительное изменение климата в этой природной зоне и открывающиеся возможности развития хозяйственной деятельности, прежде всего судостроения, а также рыболовства, добычи минеральных ресурсов и других отраслей.

Создание сводного перечня таких инструментов, описывающего их особенности, цели, критерии и порядок установления, может быть полезно как для официальных лиц, принимающих государственные решения в области морского природопользования, так и для экспертов и природоохранных организаций, разрабатывающих предложения в области морского пространственного планирования и сохранению морских экосистем.

Соотношение различных зонально привязанных инструментов хозяйствования, их регуляторная основа, цели, задачи, порядок установления и содержание охранных мер были рассмотрены автором ранее².

В соответствии со ст. 16 проекта соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции, подготовленного в рамках четвертой сессии Межправительственной конференции в 2020 г.³ (далее — Проект соглашения о морском биоразнообразии), «районы, нуждающиеся в защите с помощью создания зонально привязанных инструментов хозяйствования, включая создание охраняемых морских районов, определяются на основе наилучших имеющихся [научных знаний], [научной информации и соответствующих традиционных знаний коренных народов и местных общин], [осторожного подхода], [принципа предосторожности] и экосистемного подхода».

В приложении I к данному Проекту приводятся ориентировочные критерии выявления таких районов, перечень которых не является исчерпывающим и строго фиксированным, а может подвергаться периодическим пересмотрам. Содержащийся в приложении I перечень критериев отражает преимущественно экологические факторы определения районов, при этом среди критериев отдельно отражены экономические и социальные, а также культурные факторы, непосредственное содержание которых необходимо будет определять в каждом конкретном случае.

Несмотря на то что действующие международно-правовые и иные рекомендательные акты при установлении зонально привязанных инструментов в дополнение к экологическим характеристикам района предписывают учитывать социально-экономических критерии, в материалах Межправительственной конференции по международному юридически обязательному документу на базе Конвенции 1982 г. определяется, что зонально привязанный инструмент хозяйствования применяется «в интересах достижения конкретных целей охраны природы и устойчивого использования [при обеспечении более высокого уровня защиты, чем в прилегающих районах]». А морской охраняемый район (МОР) означает «географически обозначенный морской район, создаваемый и обустраиваемый для достижения конкретных целей [долгосрочного сохранения] охраны природы и устойчивого использования [биоразнообразия] [при обеспечении более высокого уровня защиты, чем в прилегающих районах]». Таким образом, происходит признание рекомендаций Международного союза охраны природы и закрепление сохранения природы в качестве основной цели установления МОР. Поэтому вновь следует подчеркнуть, что ключевым при установлении зонально привязанных инструментов хозяйствования должны быть не декларируемые цели как таковые, а результаты, достижению которых они способствуют. Цели установления зонально привязанных инструментов хозяйствования должны быть шире

² Подробнее см.: Теймуров Э. С. Морской охраняемый район и иные зонально привязанные инструменты хозяйствования: международно-правовые проблемы // *Lex russica*. 2021. № 7 (176). С. 95–110.

³ Пересмотренный проект текста соглашения на базе Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции. A/CONF.232/2020/3 от 18.11.2019 // URL: <https://undocs.org/ru/A/CONF.232/2020/3> (дата обращения: 15.06.2023).

и должны охватывать не только природоохранные, но и социально-экономические критерии.

Тем не менее как при формулировании Целей ООН в области устойчивого развития, так и при разработке Проекта соглашения о морском биоразнообразии при установлении зонально привязанных инструментов хозяйствования, помимо экологических, социальных и экономических критериев, базисным определяется критерий учета наилучших имеющихся научных данных. Установление различных зонально привязанных инструментов хозяйствования с опорой на наилучшие имеющиеся научные данные предписывается в международных договорах, актах мягкого права, в регулятивных актах различных региональных рыбохозяйственных организаций. При этом содержание критерия не раскрывается.

Несмотря на широкое распространение данного критерия в актах региональных рыбохозяйственных организаций, его упоминание сопровождается лишь предписаниями относительно повышения качества, надежности и доступности научной информации, без закрепления универсального юридического содержания. В связи с этим в рамках настоящего исследования осуществлен анализ становления, развития и нормативного содержания критерия «наилучшие имеющиеся научные данные», являющегося ключевым при установлении МОР и иных зонально привязанных инструментов хозяйствования.

1. История становления критерия «наилучшие имеющиеся научные данные»

Проект соглашения о морском биоразнообразии в первую очередь делает упор на наилучшие имеющиеся научные данные (научную информацию и соответствующие традиционные знания коренных народов и местных общин) при определении районов для создания МОР. Несмотря на то что в Проекте неоднократно встречаются отсылки на «наилучшие имеющиеся научные данные», например в качестве принципа достижения цели Соглашения, при определении масштабов оценки экологического воздействия и его содержания, не раскрывается, что следует понимать под этим критерием.

Закрепление в Проекте необходимости учета «наилучших имеющихся научных данных» при установлении МОР или иных зонально привязанных инструментов хозяйствования является отражением сложившейся практики их учреждения. Так, установление различных зонально привязанных инструментов хозяйствования на основе наилучших имеющихся научных данных предписывается в Международных руководящих принципах регулирования глубоководного промысла в открытом море 2008 г., принятых ФАО (п. 46, 47, 63, 66 и др.). Это требование нашло отражение и в регулятивных актах различных региональных рыбохозяйственных организаций, например НАФО⁴, НЕАФК⁵, СЕАФО⁶, СПРФМО⁷ и др.

Руководство по определению и выбору морских охраняемых районов в районе ОСПАР 2003 г. (приложение 1) также предписывает, что

⁴ Convention on Cooperation in the Northwest Atlantic Fisheries, 24 October 1978 // URL: <https://www.nafo.int/Portals/0/PDFs/key-publications/NAFOConvention-2017.pdf> (дата обращения: 15.06.2023) ; Northwest Atlantic Fisheries Organization. Conservation and Enforcement Measures, 2020 // URL: <https://www.nafo.int/Portals/0/PDFs/COM/2020/CEM-2020-web.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁵ Recommendation 19:2014 on area management measures for the protection of vulnerable marine ecosystems in the NEAFC Regulatory Area, 2014 // URL: <https://www.neafc.org/system/files/Recommendation-19-2014-VME-protection-as-amended-by-%20Rec-09-2015-Rec-10-2018-Rec-10-2021.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

⁶ Convention on the Conservation and Management of Fishery Resources in the South East Atlantic Ocean, 20 April 2001 // URL: http://www.seafo.org/media/313b8708-4171-4360-a0f3-7a27f3b0235a/SEAFOweb/pdf/COMM/open/SEAFO%20Convention_.pdf (дата обращения: 15.06.2023) ; Conservation Measure 29/14 on Bottom Fishing Activities and Vulnerable Marine Ecosystems in the SEAFO Convention Area, 8 December 2008 // URL: http://www.seafo.org/media/3737da31-d17a-40b6-8312-3c799ae389de/SEAFOweb/CM/open/eng/CM29-14_.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

⁷ Convention on the Conservation and Management of High Seas Fishery Resources in the South Pacific Ocean, 1 February 2010 // URL: <http://www.sprfmo.int/assets/Basic-Documents/Convention-and-Final-Act/2353205-v2-SPRFMOConvention-textascorrectedApril2010aftersignatureinFebruary2010forcertificationApril2010.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

оценка критериев установления МОР должна осуществляться на основе наилучших научных данных.

Аналогичным образом статья IX Конвенции о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 г.⁸ предписывает АНТКОМ принимать и пересматривать меры по сохранению на основе наилучшей имеющейся научной информации. Пункт 2 Меры по сохранению 91-01(2011) «Общая система для создания морских охраняемых районов АНТКОМ»⁹ оговаривает, что МОР АНТКОМ создаются на основе наилучшей имеющейся научной информации.

В Руководстве по применению категорий охраняемых районов 2008 г. и последующих актах МСОП также отмечается необходимость учреждения МОР на основе наилучших имеющихся научных данных¹⁰. В ответах на вопросы о зонально привязанных инструментах хозяйствования для обсуждения в неофициальных рабочих группах на второй сессии Подготовительного комитета Межправительственной конференции по международному юридически обязательному документу на базе Конвенции 1982 г. МСОП при определении критериев учреждения зональных инструментов хозяйствования предложил опираться на критерии установления экологически или биологически значимых районов, разработанные ККБР¹¹. По мнению экспертов МСОП, решения по установлению зональных инструментов хозяйствования будут основываться на наилучших научных данных, если они будут исходить от научно-экспертного консультативного органа, который опирался бы на опыт ККБР. Кроме того, для соблюдения требований об учете наилучших имеющихся научных данных, по мнению экспертов МСОП, нужно разработать руководящие

принципы, которыми следует руководствоваться при принятии решений. В качестве примеров таких норм МСОП предлагает рассматривать положения ст. 3 Мадридского протокола 1991 г. к Договору об Антарктике 1959 г., которые служат руководством для принятия национальных решений по ОВОС, а также ст. 6 Соглашения ООН по трансграничным рыбным запасам 1995 г. о применении осторожного подхода и приложения II к нему, в котором представлена методология определения опорных критериев по конкретным запасам.

Конференция сторон Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. неоднократно в своих решениях призывала государства-участники и все иные заинтересованные субъекты к использованию наилучших имеющихся научных данных при установлении охраняемых районов, в том числе МОР¹². В Рекомендациях Рабочей группы ad hoc ККБР по охраняемым районам от 2006 г., подготовленных на основе анализа различных универсальных и региональных международных актов и законодательства отдельных государств, предпринята попытка определить содержание критерия «наилучшие научные данные». В частности, к таким данным предложено отнести среди прочего следующую информацию:

- расположение экосистем и местообитаний;
- разнообразие представляющих интерес видов;
- виды человеческой деятельности в районе;
- расположение и протяженность существующих морских охраняемых районов;
- биологические данные о коммерческом рыболовстве;

⁸ URL: <https://www.ccamlr.org/ru/organisation/camlr-convention-text> (дата обращения: 15.06.2023).

⁹ URL: <https://cm.ccamlr.org/ru/measure-91-04-2011> (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁰ Dudley N. Guidelines for applying protected area management categories. IUCN, International Union for Conservation of Nature and Natural Resources, 2008. P. 57.

¹¹ IUCN. Measures Such as Area-Based Management Tools, Including Marine Protected Areas, 2019 // URL: https://www.un.org/depts/los/biodiversity/prepcom_files/area_based_management_tools.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

¹² Report of the First Meeting of the Ad Hoc Open Ended Working Group on Protected Areas. UNEP/CBD/COP/8/8. 20 February 2006 // URL: <https://www.cbd.int/convention/wgpa.shtml> (дата обращения: 15.06.2023) ; Protected Areas: Consideration of the Recommendations of the Ad hoc Open-Ended Working Group on Protected Areas. UNEP/CBD/COP/8/1/INF/16 30. 6 February 2006 // URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-08/information/cop-08-inf-16-en.pdf> (дата обращения: 15.06.2023) ; COP Decision IX/20 «Marine and coastal biological diversity». 9 October 2008. Para. 18 // URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-09/cop-09-dec-20-en.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

— объем и пропорциональность имеющейся информации по отдельным районам¹³.

Этот перечень раскрывает характеристики и виды информации, необходимые для формирования полноценного представления о состоянии экосистем и их биоразнообразии в целях принятия конкретных решений, но не может рассматриваться как определение содержания критерия «наилучшие имеющиеся научные данные».

Таким образом, следует констатировать, что критерий «наилучшие имеющиеся научные данные» активно используется в международных регуляторных актах по вопросам установления МОР и иных зонально привязанных инструментов хозяйствования, однако его содержание в них не раскрывается. В связи с этим для того, чтобы определить содержание критерия «наилучшие имеющиеся научные данные», представляется необходимым обратиться к анализу норм иных международно-правовых источников, доктрины и национального законодательства.

Как можно проследить из представленного выше анализа нормативных и иных актов по вопросам установления зональных инструментов хозяйствования, принятие решений на основе наилучших имеющихся научных данных характерно для сохранения и управления морским биоразнообразием.

Необходимость учета наилучших имеющихся научных данных содержится в ряде норм Конвенции по морскому праву 1982 г. Такое предписание относится к принятию мер по сохранению и управлению рыболовством в исключительной экономической зоне (ч. 2 ст. 61) и открытом море (ч. 1 ст. 119), а также специальных мер охране покрытых льдом районов (ст. 234)¹⁴. Содержание критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» и требования к ним в Конвенции 1982 г. также отсутствуют.

Исторически вопросы о необходимости сохранения и управления морскими живыми ресурсами в исключительной экономической зоне были подняты в рамках Комитета по морскому

дну и касались в целом возможности осуществления юрисдикции в отношении рыболовства в данном районе. В 1971 г. США предложили включить в текст разрабатываемой конвенции норму, согласно которой меры по сохранению и управлению морскими живыми ресурсами должны приниматься с учетом допустимых пределов вылова, основанных на наилучших имеющихся данных. Формулировка «наилучшие имеющиеся научные данные» впервые была отражена в предложениях японской делегации¹⁵. В последующих предложениях государств содержались различные формулировки критерия: «научные данные», «адекватные научные данные», «адекватные и надежные научные выводы». Следует отметить, что на различных сессиях предлагалась формулировка «наилучшие имеющиеся данные», без указания на научный характер. Однако государства намеренно сузили содержание критерия именно научной основой данных¹⁶.

Как отмечается в авторитетных комментариях к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., согласно формулировке ч. 2 ст. 61 государства принимают решения «с учетом» наилучших имеющихся научных данных, но не обязаны основывать решение на таких данных¹⁷. В комментарии к ст. 119 Конвенции 1982 г. авторы указывают, что «хотя меры по сохранению должны основываться на наилучших имеющихся научных данных, этот принцип не исключает возможности определения мер на какой-либо другой основе, когда из-за отсутствия достаточных данных оценка допустимого улова невозможна с какой-либо степенью точности. Об этом свидетельствуют ссылка на «имеющиеся» доказательства, т.е. меры должны основываться на любых доказательствах, имеющихся или разумно доступных компетентным лицам. Необходимость учета «наилучших имеющихся научных данных» не предполагает, что не следует принимать никаких мер до тех пор, пока не будут доступны или получены наилучшие научные доказательства или иная адекватная информация. Это отражает предосторожный

¹³ Protected Areas: Consideration of the Recommendations of the Ad hoc Open-Ended Working Group on Protected Areas. UNEP/CBD/COP/8/1/INF/16 30.

¹⁴ Следует отметить, что в тексте русскоязычной версии Конвенции 1982 г. добавлен признак «достоверность».

¹⁵ Nandan S. N., Rosenne S., Grandy N. R. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Martinus Nijhoff Publishers, 1993. Vol. II. P. 598–599.

¹⁶ Nandan S. N., Rosenne S., Grandy N. R. Op. cit. P. 605–606.

¹⁷ Nandan S. N., Rosenne S., Grandy N. R. Op. cit. P. 609.

подход к управлению рыболовством, когда научные данные недоступны или недостаточны для принятия комплексных решений»¹⁸. Кроме того, следует обратить внимание на то, что, в отличие от более поздних актов и решений международных организаций, в ст. 119 Конвенции 1982 г. разграничиваются «наилучшие научные данные» и «экологические и экономические факторы».

Представляется, что наличие отсылок к наилучшим имеющимся научным данным в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. обусловлено практически одновременным становлением и закреплением принципа предосторожности как основополагающего начала права охраны окружающей среды и принятием базового договора по регулированию сотрудничества государств по вопросам использования и охраны мирового океана. Именно в 1980-х гг. начинается развитие и нормативное закрепление принципа предосторожного подхода в международном праве¹⁹.

Исследуя становление принципа предосторожности, известный специалист в области международного права окружающей среды Ф. Сэндс отмечает, что «этот принцип берет свое начало в традиционных природоохранных соглашениях, которые призывают стороны таких соглашений и создаваемые ими учреждения действовать и принимать решения, основанные на “научных результатах” или методах, или “в свете имеющихся в это время знаний”»²⁰. В качестве примеров таких соглашений ученый приводит преимущественно соглашения в области управления и сохране-

ния морского биоразнообразия, в частности Международную конвенцию по регулированию китобойного промысла 1946 г., Конвенцию о сохранении тюленей Антарктики 1972 г., Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., а также ссылается на Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., Конвенцию по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г. и др. В настоящее время ссылка на критерии «наилучшие имеющиеся научные данные» содержится в значительном количестве нормативных и рекомендательных актов в области охраны окружающей среды, из наиболее свежих источников можно упомянуть Парижское соглашение об изменении климата 2015 г.²¹ (преамбула и ст. 4, 7, 14) и Цели устойчивого развития 2015 г. (цель 14)²².

Содержание принципа предосторожности впервые было широко раскрыто в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г.²³: отсутствие полной научной уверенности не должно использоваться в качестве причины отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды при наличии угрозы серьезного и необратимого ущерба.

Первым международным договором по сохранению и управлению морским биоразнообразием, прямо закрепившим принцип предосторожности, является Соглашение ООН по сохранению трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управлению ими 1995 г.²⁴ Его статьи 5 и 6 предписыва-

¹⁸ Nandan S. N., Rosenne S., Grandy N. R. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Martinus Nijhoff Publishers, 1995. Vol. III. P. 310.

¹⁹ Есть мнение и о более раннем становлении принципа. См.: Pinto-Bazurco J. F. The Precautionary Principle // Still Only One Earth: Lessons from 50 years of UN Sustainable Development Policy. Brief 4. P. 3. URL: <https://www.iisd.org/system/files/2020-10/still-one-earth-precautionary-principle.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁰ Sands Ph. Principles of International Environmental Law. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 268.

Подробнее о становлении принципа предосторожности также см.: Соколова Н. А. Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации: на примере законодательства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

²¹ URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

²² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. Повестка дня в области устойчивого развития от 25.09.2015 A/RES/70/1. С. 22–23 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 15.06.2023).

²³ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 15.06.2023).

²⁴ Про принцип предосторожного подхода в рыболовстве подробнее см.: Бекашев Д. К. Международно-правовые проблемы управления рыболовством : монография. М. : Проспект, 2017. С. 54–70 ; Он же.

ют государствам использовать предосторожный подход к сохранению, управлению и использованию трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб. В соответствии с этим принципом, «если информация носит неопределенный, ненадежный или недостаточный характер, то государства действуют с большей осторожностью. Отсутствие достаточной научной информации не используется в качестве основания для того, чтобы откладывать или не принимать меры по сохранению и управлению... Государства определяют на основе наиболее достоверной имеющейся научной информации опорные критерии по конкретным запасам и меры» (ст. 6).

Практически в одно время с рассмотренным Соглашением по трансграничным рыбным запасам 1995 г. предосторожный подход был закреплен в Кодексе ведения ответственного рыболовства 1995 г.²⁵ — рекомендательном акте ФАО, имеющем колоссальное влияние на деятельность государств и международных организаций, связанную с управлением рыболовством и аквакультурой²⁶. Согласно ст. 6 Кодекса государства и международные рыбохозяйственные организации должны широко практиковать предосторожный подход к сохранению, управлению и эксплуатации живых водных ресурсов в целях их защиты и сохранения водной среды с учетом наилучших имеющихся научных данных (ст. 6.5). В соответствии с положениями Кодекса решения, направленные на сохранение и управление рыбными ресурсами, должны основываться на имеющихся новейших научных данных (ст. 6.4), а отсутствие достаточной информации не должно использоваться для переноса сроков или непринятия мер по сохранению (ст. 6.5).

В настоящее время принцип предосторожного подхода признан в качестве руководящего начала рыболовной политики как на международном, так и на национальном уровне. Он

широко используется на практике региональными рыбохозяйственными организациями²⁷.

Как следует из приведенных выше положений нормативных актов и источников рекомендаций характера, меры по сохранению либо иные решения, потенциально способные нанести вред окружающей среде и состоянию биоразнообразия, следует принимать на основе наилучших имеющихся научных данных. Наилучшие имеющиеся научные данные являются необходимым условием для признания действий государств или международных организаций соответствующими обязательству предосторожности, т.е. учитывающими риски негативного воздействия и принятия мер по их минимизации или предотвращению.

Подобное понимание соотношения критерия «наилучшие имеющиеся научные данные», предосторожного подхода и обязательства должной осмотрительности отражено в консультативных заключениях Международного трибунала по морскому праву. Так, Трибунал в Консультативном заключении № 17 «Ответственность и обязательства государств, поручающихся за физических и юридических лиц в отношении их деятельности в Районе» 2011 г. указал, что предосторожный подход является неотъемлемой частью обязательства должной осмотрительности. Когда научные данные являются недостаточными, но есть риск причинения вреда, необходимо действовать в соответствии с обязательством должной осмотрительности. Игнорирование рисков влечет несоответствие поведения предосторожному подходу, а это, в свою очередь, представляет собой нарушение обязательства должной осмотрительности²⁸.

В Консультативном заключении по запросу Субрегиональной комиссии по рыболовству в Западной Африке 2015 г. Трибунал отметил, что меры по сохранению и управлению рыбными запасами должны основываться на наилучших

Международно-правовой принцип предосторожного подхода в управлении рыболовством // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 44–50.

²⁵ FAO. Code of Conduct for Responsible Fisheries Rome, FAO. 1995 // URL: <https://www.fao.org/publications/card/ru/c/b9c07bc8-a18a-54d6-a055-679475ac5770> (дата обращения: 15.06.2023).

²⁶ См. подробнее: *Бекашев Д. К., Бекашев К. А.* Кодекс ведения ответственного рыболовства и возможности его применения в Российской Федерации // Рыбное хозяйство. 2009. № 4. С. 57–62.

²⁷ *Бекашев Д. К.* Международно-правовые проблемы управления рыболовством. С. 61–63.

²⁸ Responsibilities and obligations of States sponsoring persons and entities with respect to activities in the Area (Request for Advisory Opinion Submitted to the Seabed Disputes Chamber). List of Cases: No. 17. Advisory Opinion of the ITLOS of 1 February 2011. Para. 131 // URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_17/17_adv_op_010211_en.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

имеющихся научных данных, а недостаточность таких научных данных влечет необходимость применения предосторожного подхода²⁹.

В связи с внедрением критерия наилучших имеющихся научных данных в процесс принятия решений по сохранению и управлению морским биоразнообразием ряд региональных рыбохозяйственных организаций предприняли попытку сформулировать требования к научной информации и повышению ее качества, надежности и доступности. В частности, резолюции по наилучшим имеющимся научным данным приняты АНТКОМ³⁰, Международной комиссией по сохранению атлантических тунцов (ИККАТ)³¹, Межамериканской комиссией по тропическому тунцу (ИАТТК)³², Комиссией по рыболовству в западной и центральной частях Тихого океана³³, Комиссией по тунцам Индийского океана (ИОТК)³⁴.

В целом содержание подобных рекомендаций региональных рыбохозяйственных организаций является идентичным с учетом структуры и отдельных особенностей деятельности каждой из них. В них затрагиваются вопросы обеспечения инклюзивного подхода к получению научных данных, а также обеспечения независимости, прозрачности и экспертной оценки получаемой и используемой научной информации. В частности, государствам-участникам и иным лицам рекомендуется полностью учитывать информацию, имеющуюся в научных структурных единицах организаций, проводить совместную работу по сбору, анализу и применению научной информации, регулярному обмену данными и усилению международного

сотрудничества, активному участию в работе научных советов или иных подобных органов организаций, оказывать содействие наращиванию потенциала и подготовке научных кадров, обеспечивать открытое и эффективное принятие решений. Например, ИККАТ рекомендует сохранять и продвигать независимость и высокое качество деятельности Постоянного комитета по исследованиям и статистике, а также его рабочих групп путем:

- поощрения участия ученых в деятельности Комитета;
- принятия правил поведения ученых и исследователей, правил принятия решений с учетом наилучших научных данных;
- обеспечения беспристрастного характера, объективности, доступности, ясности, прозрачности и стандартизации научных данных;
- отражения различных позиций и их оценки в научных докладах;
- усиления независимой экспертной оценки получаемых данных³⁵.

Несмотря на то что непосредственно содержание критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» в актах организаций не раскрывается, из утвержденных формулировок можно выделить отдельные признаки и требования к наилучшей имеющейся научной информации. В частности, из резолюции АНТКОМ 31/XXVIII 2009 г.³⁶ следует, что научная информация должна определенным образом и открыто собираться, рассматриваться и применяться в соответствии с установленными научными принципами. Она должна исходить от обладающих соответствующей квалификацией независимых

²⁹ Request for an Advisory Opinion Submitted by the Sub-Regional Fisheries Commission (SRFC; Request for Advisory Opinion Submitted to the Tribunal). List of Cases: No. 21. Advisory Opinion of the ITLOS of 2 April 2015. Para. 208 // URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no._21/advisory_opinion_published/2015_21-advop-E.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

³⁰ CCAMLR. Resolution 31/XXVIII of 2009 «Best Available Science» // URL: <https://cm.ccamlr.org/en/resolution-31/xxviii-2009> (дата обращения: 15.06.2023).

³¹ ICCAT. Resolution 11-17 of 2011 «On Best Available Science» // URL: <https://www.iccat.int/Documents/Recs/compendiopdf-e/2011-17-e.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

³² IATCC. Recommendation C-12-10 of 2012 «Best Available Science» // URL: https://www.iattc.org/GetAttachment/78a1a609-b033-4eb0-9d59-8e8c7654b6b0/C-12-10-Active_Recommendation-on-best-available-science.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

³³ WCPFC. Resolution 2012-01 of 2012 «Best Available Science» // URL: <https://www.wcpfc.int/doc/resolution-2012-01/resolution-best-available-science> ; https://www4.fisheries.go.th/local/file_document/20170522100447_file.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

³⁴ IOTC. Recommendation 12/15 «Best Available Science» // URL: https://www4.fisheries.go.th/local/file_document/20170522100447_file.pdf (дата обращения: 15.06.2023).

³⁵ ICCAT. Resolution 11-17 of 2011 «On Best Available Science». Para. 2.

³⁶ CCAMLR. Resolution 31/XXVIII of 2009 «Best Available Science». Para. 2, 4, 5.

экспертов, отражать наилучшие объективные и надежные рекомендации с четким содержанием и значением.

Анализ генезиса закрепления критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» в международно-правовых актах свидетельствует о том, что его внедрение связано с усилением природоохранного сотрудничества государств. Использование наилучших имеющихся научных данных как основы для принятия решений по сохранению и управлению морским биоразнообразием является отражением принципа предосторожного подхода. Необходимость основывать решения на наилучших имеющихся научных данных в качестве обязательного требования вменяется государствам, международным организациям и иным субъектам как международными природоохранными соглашениями общего характера, так и международными договорами по вопросам сохранения и управления морскими живыми ресурсами. Оно также получило широкое распространение в актах мягкого права, в том числе в документах региональных рыбохозяйственных организаций. Однако во всех случаях упоминание рассматриваемого термина сопровождается предписаниями относительно повышения качества, надежности и доступности научной информации, не закрепляя универсальное юридическое содержание критерия наилучших имеющихся научных данных.

2. Нормативное содержание критерия «наилучшие имеющиеся научные данные»

Как отмечалось выше, идея о необходимости учета наилучших имеющихся научных данных при принятии решений по сохранению и управлению морскими живыми ресурсами была предложена США и Канадой для закрепления в тексте разрабатываемой конвенции ООН по морскому праву еще в 1971 г. Начиная с этого же периода, происходило закрепление этого критерия в национальных актах Соединенных

Штатов. Так, критерий «наилучшие имеющиеся научные данные» впервые появился в Законе США об охране морских млекопитающих 1972 г., далее он посредством принятия поправок был внедрен в Закон об исчезающих видах 1973 г. и в Закон о сохранении и управлении рыбными запасами 1976 г.³⁷

Сенат США не раскрыл содержание критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» и детальный порядок его применения. Законотворческие инициативы и попытки пересмотра или отмены этого критерия не увенчались успехом, за исключением принятого Закона о качестве данных³⁸. В результате правоприменительные органы вынуждены были сформулировать собственные практики по определению наилучших имеющихся научных данных. Следствием этого явились различия в применении критерия отдельными органами и учреждениями, которые в последующем подвергались оценке различными судебными инстанциями. В широком и объемном исследовании проблем повышения качества использования наилучших имеющихся научных данных, предпринятом Национальным исследовательским советом США в 2004 г., отмечается, что «несмотря на общие элементы применения рассматриваемого критерия различными советами по рыболовству, имеются различия в толковании истощения запасов, типов информации для оценки популяций видов рыб и их местообитаний, социально-экономического статуса рыболовства, а также в количестве информации и проводимых исследований»³⁹.

При этом в судебной практике США тоже не сформировалось единое представление о наилучших имеющихся научных данных. Суды намеренно вслед за законодательными органами избегают формулирования определения этого критерия, а только рассматривают объем, качество и доступность информации, на основе которой государственными органами принимаются регуляторные акты по вопросам сохранения и управления биоразнообразием.

Тем не менее именно практика органов исполнительной власти и судебных учреждений

³⁷ Joly J. R., Reynolds J., Robards M. Recognizing When the «Best Scientific Data Available» Isn't // Stanford Environmental Law Journal. 2010. Vol. 29, Iss. 2. P. 248–249 ; Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. National Research Council. 2004. P. 1 // URL: <https://nap.nationalacademies.org/read/11045/chapter/1> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁸ Brandon T. O. Fearful Asymmetry: How the Absence of Public Participation in Section 7 of the ESA Can Make the «Best Available Science» Unavailable for Judicial Review // Harvard Environmental Law Review. 2015. Vol. 39. P. 320.

³⁹ Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. P. 1.

США является наиболее богатой относительно кристаллизации требований к нормативному содержанию критерия «наилучшие имеющиеся научные данные».

Практика применения критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» позволяет выделить 3 его сущностных элемента: «наилучший характер данных», «научный характер данных» и «доступность (наличие) данных». Наиболее раскрытыми на практике являются «наилучший характер данных» и их доступность, т.к. большинство споров возникало именно относительно соответствия решений органов государственной власти этим элементам.

2.1. Наилучший характер данных

Элемент «наилучший характер данных» раскрывается судами посредством проверки по ряду признаков: полнота информации, ее надлежащий характер, достоверность, принятие во внимание и оценка различных научных данных, в том числе противоречащих друг другу.

Согласно сложившейся судебной практике критерий «наилучшие имеющиеся научные данные» подразумевает два основных правила:

- 1) органы власти не могут игнорировать соответствующие доступные данные;
- 2) органы власти не обязаны продуцировать новые данные, даже если доступны только относительно скудные данные⁴⁰.

Апелляционный суд второго округа США в деле *County of Suffolk v. Secretary of the Interior* определил, что ключевая задача суда по делам, связанным с оспариванием действий органов как не основанных на наилучших имеющихся научных данных, — убедиться, что имеющаяся у органа при принятии решений информация адекватно отражала воздействие на окружающую среду и альтернативные варианты действий, что в ряде случаев может быть достигнуто только путем обращения к информации, не от-

раженной в составе административного учета информации⁴¹.

Апелляционный суд девятого округа США неоднократно заявлял, что органы не могут игнорировать доступную биологическую информацию. При принятии решений органы государственной власти не должны игнорировать имеющиеся научные данные, которые в некоторой степени даже лучше тех, на которые они опираются⁴².

«Наилучший характер данных», по мнению экспертов Национального исследовательского совета США, означает, что не существует лучшей научной информации, а также подразумевает использование надлежащих и современных данных и методов их получения⁴³.

В деле *Friends of Endangered Species v. Janzen* суд указал, что отсутствие в распоряжении органа иной научной информации свидетельствует о том, что Служба охраны рыбных ресурсов и диких животных США действовала на основе наилучших имеющихся научных данных⁴⁴.

В судебной практике подвергались критике решения органов исполнительной власти в части использования недопустимых аналогий, устаревших данных, незавершенных процедур, предположений, необоснованных и неожиданных изменений позиции, оставления без ответа возражений и критики принятых за основу научных данных⁴⁵.

В то же время научная информация всегда сопровождается неопределенностью и неточностью, что отмечают и сами органы государственной власти. Использование наилучших научных данных не гарантирует принятия объективных и безупречных решений, наука — это не стремление к объективной определенности, а бережная генерация знаний о системах и расширение их пределов и надежности⁴⁶.

С учетом этого в деле *Southwest Center for Biological Diversity v. Norton* суд отметил, что на-

⁴⁰ Kuhn E. Science and Deference: the «Best Available Science» Mandate is a Fiction in the Ninth Circuit // New-York University Environmental Law Journal. 2016. URL: <https://www.nyuelj.org/2016/10/science-and-difference-the-best-available-science-mandate-is-a-fiction-in-the-ninth-circuit> (дата обращения: 15.06.2023).

⁴¹ *County of Suffolk v. Secretary of the Interior*. United States Court of Appeals, Second Circuit. Decision of 25 August 1977 // CPC Westlaw International.

⁴² Kuhn E. Op. cit.

⁴³ Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. P. 42.

⁴⁴ *Friends of Endangered Species v. Janzen*. United States District Court, N. D. California. Decision of 7 January 1984 // CPC Westlaw International.

⁴⁵ Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. P. 35.

⁴⁶ Nylén N. G. To Achieve Biodiversity Goals, the New Forest Service Planning Rule Needs Effective Mandates for Best Available Science and Adaptive Management // Ecology Law Quarterly. 2011. Vol. 38. P. 281.

личие «незначительных неточностей» в используемых научных данных не свидетельствуют о том, что они не являются наилучшими научными данными⁴⁷. Однако это вовсе не означает использование любых имеющихся данных. Органы власти обязаны оценивать и проверять достоверность используемой информации. В частности, в деле *St. James Hospital v. Heckler* суд постановил, что проверять достоверность статистических данных является обязанностью органа государственной власти, а не общественности⁴⁸.

В США на законодательном уровне созданы условия получения органами государственной власти необходимых научных данных для принятия решений по вопросам в пределах своей компетенции. Так, раздел 4 Закона США об исчезающих видах 1973 г., регулирующий процедуру формирования перечня видов, находящихся под угрозой исчезновения, предусматривает отдельный период «уведомлений и комментариев», в течение которого общественность, особенно представители научного сообщества, может предоставить наилучшие имеющиеся научные данные, которые могут составить основу принятия решений. Хотя процедура публичного обсуждения научных данных и потенциальной позиции по вопросу делает процесс принятия решений времяемким и затратным, в целом отмечается его позитивное влияние на достижение целей сохранения биоразнообразия⁴⁹. Таким образом, публичные обсуждения выступают способом повышения качества и количества доступных данных.

Собрав и получив наиболее полный объем имеющихся научных данных, органы власти должны оценить полученную информацию. Сложившаяся практика принятия решений на основе наилучших научных данных оставляет на усмотрение органа государственной власти оценку полноты, неточности и научной неопределенности полученной информации. Неопределенность и недостаточность данных может и должна быть

отражена в виде оценки рисков их использования при обосновании принятия решения.

Стандарт наилучших имеющихся научных данных предполагает, помимо принятия во внимание надлежащей научной информации, соответствующей современному уровню и пределам научного понимания явлений и систем, признание, оценку и фиксацию пробелов и неопределенностей, а также адекватную оценку вызываемых ими рисков. В деле *Native Ecosystems Council v. Tidwell* суд обратил внимание на то, что игнорирование органом государственной власти части представленной в экспертных документах информации представляет собой неверное использование критерия «наилучшие имеющиеся научные данные»⁵⁰.

Оценка органами власти полученной информации, выражающаяся в несогласии с отдельными научными выводами и их критике, не свидетельствует о нарушении критерия «наилучшие имеющиеся научные данные». Например, в деле *Kern County Farm Bureau v. Allen* суд отклонил аргумент о том, что Служба охраны рыбных ресурсов и диких животных США нарушила стандарт наилучших имеющихся научных данных, неверно истолковав три полученных исследования. По мнению суда, тот факт, что Служба процитировала исследования и не проигнорировала их, является достаточным свидетельством соблюдения требования использования наилучших имеющихся научных данных⁵¹.

Более того, «наилучший характер данных» считается соблюденным, даже если орган государственной власти принимает решение на основе научных данных, которые подвергались критике со стороны этого органа. В деле *Defenders of Wildlife v. Babbitt* судом был сформулирован следующий вывод: критика органом методологии проведенного исследования и представленных по его результатам научных данных не является основанием не считать их наилучшими научными данными⁵². При этом

⁴⁷ *Southwest Center for Biological Diversity v. Norton*. United States District Court, District of Columbia. Decision of 29 July 2002 // *CPC Westlaw International*.

⁴⁸ *St. James Hospital v. Heckler*. United States Court of Appeals, Seventh Circuit. Decision of 18 April 1985 // *CPC Westlaw International*.

⁴⁹ *Brandon T. O.* Op. cit. P. 320–325.

⁵⁰ *Native Ecosystems Council v. Tidwell*. United States Court of Appeals, Ninth Circuit. Decision of 9 March 2010 // *CPC Westlaw International*.

⁵¹ *Kern County Farm Bureau v. Allen*. United States Court of Appeals, Ninth Circuit. Decision of 20 June 2006 // *CPC Westlaw International*.

⁵² *Defenders of Wildlife v. Babbitt*. United States District Court, District of Columbia. Decision of 27 March 1997 // *CPC Westlaw International*.

возникает вопрос: любые ли данные в принципе лучше, чем отсутствие данных? Представляется, что при наличии сомнений в качестве научных данных их не следует использовать как основание для принятия решения. Более того, следует помнить о том, что данные должны носить научный характер.

Кроме того, стоит обратить внимание, что в основном во всех судебных делах рассматриваются исключительно биологические и экологические данные, тогда как Сенат США в подготовительных документах отмечал, что научная информация подразумевает не только биологические и экологические данные, но и социальную и экономическую информацию, необходимую для принятия решений⁵³.

2.2. Доступность данных

Содержание элемента «доступности (наличия) данных» заключается в том, что органы власти должны принимать решения на основе тех научных данных, которые получены ими либо представлены им научным сообществом или иными лицами на момент принятия решения.

Эксперты Национального исследовательского совета США определили доступность данных как независимость решения органа государственной власти от получения новой информации. Согласно их позиции, национальный стандарт предполагает принятие решений на основе доступной информации, несмотря на ее неполноту и наличие пробелов⁵⁴. С таким мнением трудно согласиться в части независимости от новой информации, особенно если рассматривать его применительно к установлению морских охраняемых районов на основе наилучших имеющихся научных данных. Морские охраняемые районы и иные зонально привязанные меры хозяйствования являются живыми инструментами, которые должны адаптироваться под меняющиеся условия. Соответственно, новые научные данные будут влиять на процесс принятия решений и могут служить основой для изменения или отмены ранее принятых решений.

В литературе отмечается, что первоначально на практике встречались судебные реше-

ния, требующие от органов власти получения новой, дополнительной научной информации. Причем, по мнению некоторых специалистов, это соответствовало и докладу Конгресса США, который требовал использования наилучшей информации, полученной в ходе консультаций. Однако впоследствии суды отказались от подобного толкования критерия «наилучшие имеющиеся научные данные»⁵⁵.

Как отмечалось выше, судебная практика по применению критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» признает, что органы власти не обязаны генерировать новые научные данные. Государственные органы обязаны рассматривать только имеющиеся в их распоряжении научные данные. В упомянутом выше деле *Friends of Endangered Species v. Janzen* заявители пытались через суд обязать Службу охраны рыбных ресурсов и диких животных США использовать представленные ими новые научные данные. Однако Федеральный окружной суд Северного округа Калифорнии отклонил жалобу, указав, что эти данные не были представлены органу ранее, т.е. были недоступны на момент принятия решения, соответственно, не подпадают под критерий «наилучшие имеющиеся научные данные».

В деле *Building Industry Association of Superior California v. Norton* судом особо подчеркивается, что наилучшие «имеющиеся» научные данные не означает наилучшие «возможные» данные. Суд не может обязать орган государственной власти провести дополнительные исследования для получения информации. Органы власти могут это делать, но не обязаны. Они должны быть освобождены от необходимости непрерывного производства лучших научных данных и иметь возможность принимать решения по существу вопросов⁵⁶.

Аналогичная позиция была занята судом и в другом упомянутом ранее деле — *Defenders of Wildlife v. Babbitt*.

Апелляционный суд девятого округа США в решении по делу *San Luis & Delta-Mendota Water Authority v. Jewell* также отметил, что критерий «наилучшие имеющиеся научные данные» не требует от органов государственной власти проведения новых исследований или

⁵³ Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. P. 19.

⁵⁴ Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. P. 4, 42.

⁵⁵ *Nylen N. G.* Op. cit. P. 281.

⁵⁶ *Building Industry Association of Superior California v. Norton*. United States Court of Appeals, District of Columbia Circuit. Decision of 8 May 2001 // CPC Westlaw International.

принятия решений на основе данных, которые еще не существуют⁵⁷.

Решение Федерального окружного суда Северного округа Калифорнии по делу *Friends of Endangered Species v. Janzen* содержит еще один весьма значимый вывод: наличие единственного источника данных, на основе которого принимается решение, тоже соответствует критерию «наилучшие имеющиеся научные данные».

Верховный суд США в деле *Marsh v. Oregon Natural Resources Council* отметил, что государственные органы вправе опираться на мнения собственных экспертов и представленные ими научные данные. Органы должны учитывать не только данные, зафиксированные в порядке административного учета информации, но и, в частности, информацию о том, что включать и не включать в состав такой информации⁵⁸.

Процесс публичного обсуждения научных основ принятия тех или иных решений по управлению биоразнообразием должен обеспечивать получение органами власти всех надлежащих научных данных. Непредставление сведений в рамках процедуры уведомлений и комментариев на практике приводит к тому, что становится невозможным в судах ссылаться на такую информацию как на новые доказательства. Практика запрета предоставления новых данных в судебном процессе при оспаривании решений органов власти признает недопустимым привлечение дополнительных экспертов и их заключений. Новая информация не принимается даже при наличии пробелов в первичных данных. Встречались позиции судов, которые допускали представление новых доказательств при рассмотрении дел, но такой подход не был воспринят общей практикой. Так, в решении по делу *Asarco, Inc., Appellee, v. U.S. Environmental Protection Agency* Апелля-

ционный суд девятого округа США указал, что нижестоящая судебная инстанция, привлекая экспертов и рассматривая новые научные данные, по сути, своим актом подменяла существо решения органа⁵⁹.

2.3. Научный характер данных

Наиболее скудной является практика по определению научного характера данных. Как отмечается в литературе, суды толкуют понятия «наилучшие» и «имеющиеся»⁶⁰, но упускают «научный» характер данных, а ключевая проблема заключается в определении научного характера данных, а не в использовании любого набора информации⁶¹.

Одним из немногих дел в судебной практике США, в котором суд обратил внимание, что данные должны быть научными по своему характеру, является *Greenpeace, American Oceans Campaign v. National Marine Fisheries Service*. В нем Национальная служба морского рыболовства опиралась на ряд исследований, которые содержали первичные научные данные, тогда как на момент принятия решения авторами были представлены уже уточненные сведения. Суд признал, что решение органа, основанное на необъективных данных, не соответствует критерию «наилучшие имеющиеся научные данные»⁶².

В решении по делу *Blue Water Fishermen Association v. NMFS* суд косвенно оценил научный характер используемой информации, заметив, что органы власти не должны интерпретировать информацию и манипулировать ею так, чтобы выводы на ее основе не могли быть подтверждены каким-либо применимым научным методом⁶³.

Аналогичным образом суды пытались оценить научный характер данных, но не раскрывали его в решениях по делам *The Ocean*

⁵⁷ *San Luis & Delta-Mendota Water Authority v. Jewell*. United States Court of Appeals, Ninth Circuit. Decision of 13 March 2014 // СПС Westlaw International.

⁵⁸ *Marsh v. Oregon Natural Resources Council*. Supreme Court of the United States. Decision of 1 May 1989 // СПС Westlaw International.

⁵⁹ *Asarco, Inc., Appellee, v. U. S. Environmental Protection Agency*. United States Court of Appeals, Ninth Circuit. Decision of 14 April 1980 // СПС Westlaw International.

⁶⁰ *Cook K.* Judging «Best Available Science»: Emerging Issues and the Role of Experts // *Journal of International Dispute Settlement*. 2018. Vol. 9. P. 392.

⁶¹ *Joly J. R., Reynolds J., Robards M.* Op. cit. P. 249–251.

⁶² *Greenpeace, American Oceans Campaign v. National Marine Fisheries Service*. United States District Court, W. D. Washington, at Seattle. Decision of 18 December 2002 // СПС Westlaw International.

⁶³ *Blue Water Fishermen Association v. National Marine Fisheries Service*. United States District Court, D. Massachusetts. Decision of 30 September 2002 // СПС Westlaw International.

Conservancy v. Gutierrez⁶⁴, Friends of Boundary Waters Wilderness v. Bosworth⁶⁵, St. James Hospital v. Heckler.

Вероятно, единственное дело в судебной практике США, в котором судебный орган выделил непосредственно критерии, которым должно соответствовать научное исследование, является *Lutheran Mutual Life Insurance Co. v. United States*. К критериям научного исследования судом были отнесены: анализ подходящей совокупности и репрезентативных данных; осуществление исследования квалифицированными специалистами; точность и полное представление собранных данных; объективность методов; и беспристрастность участников⁶⁶.

Верховный суд Великобритании в деле *Tobacco Packaging* также рассматривал критерий наилучших научных данных, отметив, в частности, в качестве таковых требования к независимости и ответственному подходу экспертов⁶⁷.

Единственными делами, в которых международный судебный орган так или иначе рассматривал вопросы научного характера деятельности государств, являются дела с участием Японии: рассмотренный Международным судом ООН в 2014 г. спор между Австралией, Новой Зеландией против Японии о китобойном промысле в Антарктике⁶⁸ и рассмотренный Трибуналом по морскому праву в 1999 г. спор о южном голубом тунце⁶⁹. Международный суд ООН в деле о китобойном промысле в Антарктике не стал давать собственное определение научных исследований и принял во внимание 3 критерия научного исследования:

— определенные и достижимые цели (вопросы или гипотезы), которые направлены на содействие получению знаний;

— надлежащие методы, включая исключительный характер использования летальных методов;

— предотвращение неблагоприятного воздействия на исследуемые объекты.

Таким образом, судебная практика избегает формулирования определения научных данных, а рассматривает вопросы, связанные с оценкой научного характера информации, сквозь призму требований к научным исследованиям. В доктринальных источниках наблюдается аналогичный подход. Более того, Национальный исследовательский совет США в выводах по результатам исследования проблем повышения качества использования наилучших имеющихся научных данных прямо отметил, что «нормативное закрепление содержания термина “наилучшие имеющиеся научные данные” является нецелесообразным, т.к. способно затруднить внедрение новых типов научной информации и создать дополнительные препятствия при принятии решений в экстренных ситуациях»⁷⁰.

В доктрине отмечается, что данные могут быть признаны научными, если исследование, результатом которого они выступают, соответствует некоторому ряду признаков: определенная выборка, структура исследования, методология подбора данных, четкое отражение или оценка любых неточностей и неопределенностей, объяснимость (интерпретируемость) выводов⁷¹.

⁶⁴ *The Ocean Conservancy v. Gutierrez*. United States District Court, District of Columbia. Decision of 11 October 2005 // СПС Westlaw International.

⁶⁵ *Friends of Boundary Waters Wilderness v. Bosworth*. United States Court of Appeals, Eight Circuit. Decision of 15 February 2005 // СПС Westlaw International.

⁶⁶ *Lutheran Mutual Life Insurance Co. v. U.S.* United States Court of Appeals, Eight Circuit. Decision of 6 April 1987 // СПС Westlaw International.

⁶⁷ *The Queen on the Application of British American Tobacco (UK) Limited and Others v. Secretary of State for Health*. Queen's Bench Division (Administrative Court). Decision of 19 May 2016 // СПС Westlaw Academics.

⁶⁸ *Whaling in the Antarctic (Australia v. Japan: New Zealand intervening)*, Judgment of the I. C. J. March 31, 2014 // I. C. J. Reports 2014.

См. также: *Бекашев К. А., Пекарский А. Н.* Международный суд ООН запретил Японии под прикрытием научных исследований коммерческий промысел китов в антарктических водах // *Рыбное хозяйство*. 2016. № 2. С. 44–49.

⁶⁹ *Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan)*, Provisional Measures, Order of the ITLOS of August 27, 1999 // ITLOS Reports 2014. P. 226.

См. также: *Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В.* Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М.: Статут, 2007.

⁷⁰ *Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management*. P. 4.

⁷¹ *Joly J. R., Reynolds J., Robards M.* Op. cit. P. 261–262, 273.

Представляется обоснованным и заслуживающим внимания при оценке научного характера данных предложения Национального исследовательского совета США по внедрению процедурных руководств по генерации и использованию научной информации:

1) относимость информации — информация должна относиться к определенным видам и запасам рыб;

2) полнота (всеобъемлющий охват) — информация должна отражать достижения различных областей науки, содержать полный перечень научных позиций и мнений, критика и альтернативные точки зрения должны получить соответствующую оценку;

3) объективность — информация должна быть беспристрастной и полученной из достоверных источников;

4) транспарентность — обеспечение доступа общественности к информации, на основе которой принимаются решения;

5) своевременность (актуальность) — проявляется в двух аспектах, во-первых, достаточное количество времени для научной оценки полученной информации, во-вторых, применимость информации к текущей ситуации. Неопределенности и риски должны подлежать оценке, но даже промежуточные результаты могут быть достаточными, чем ожидание окончательных данных;

6) экспертная оценка — информация должна подлежать оценке научным сообществом и иными заинтересованными лицами, должна подтверждаться в результате воспроизведения аналитических данных. Оценка должна осуществляться экспертами, не вовлеченными в процесс принятия решений, не имеющими конфликта интересов, на основе доступа ко всей имеющейся информации и данным. Отсутствие экспертной оценки не может быть основанием для отложения решений по управлению видами, которые подвергаются чрезмерному вылову⁷².

Заключение

Необходимость учета наилучших имеющихся научных данных при установлении МОР или иных зонально привязанных инструментов

хозяйствования является отражением сложившейся практики их учреждения. Устанавливать различные зонально привязанные инструменты хозяйствования, основываясь на наилучших имеющихся научных данных, предписывают международные договоры, акты мягкого права, регулятивные акты различных региональных рыбохозяйственных организаций. При этом содержание критерия в них не раскрывается. Несмотря на широкое распространение данного критерия в актах региональных рыбохозяйственных организаций, его упоминание сопровождается лишь предписаниями относительно повышения качества, надежности и доступности научной информации, без закрепления универсального юридического содержания.

Анализ генезиса закрепления критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» в международно-правовых актах свидетельствует о том, что его внедрение связано с усилением природоохранного сотрудничества государств. Использование наилучших имеющихся научных данных как основы для принятия решений по сохранению и управлению морским биоразнообразием является отражением принципа предосторожного подхода. Необходимость основывать решения на наилучших имеющихся научных данных в качестве обязательного требования вменяется государствам, международным организациям и иным субъектам как международными природоохранными соглашениями общего характера, так и международными договорами по вопросам сохранения и управления морскими живыми ресурсами.

Исследование международной практики применения критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» при принятии решений по вопросам сохранения и управления биоразнообразием не позволяет согласиться с мнением о том, что увеличение количества международных договоров, ссылающихся на наилучшие имеющиеся научные данные, повлечет увеличение внимания к этому критерию и потенциальным судебным спорам⁷³. Единственным делом, в котором международный судебный орган так или иначе поднимал вопросы научного характера деятельности государств, является рассмотренный Международным судом ООН спор Австралии и Новой Зеландии против Японии о китобойном промысле в Антарктике.

⁷² Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. P. 4–7, 55–58.

⁷³ Cook K. Op. cit. P. 388.

Меры по сохранению либо иные решения, потенциально способные нанести вред окружающей среде и состоянию биоразнообразия, следует принимать на основе наилучших имеющихся научных данных. Такие данные являются необходимым условием для признания действий государств или международных организаций соответствующими обязательству должной осмотрительности и требованиям предосторожности, т.е. учитывающими риски негативного воздействия и принятия мер по их минимизации или предотвращению. В соответствии с позицией Трибунала по морскому праву предосторожный подход является неотъемлемой частью обязательства должной осмотрительности. Когда научные данные являются недостаточными, но есть риск причинения вреда, необходимо действовать в соответствии с обязательством должной осмотрительности. Игнорирование рисков влечет несоответствие поведения предосторожному подходу, а это, в свою очередь, представляет собой нарушение обязательства должной осмотрительности.

Практика применения критерия «наилучшие имеющиеся научные данные» позволяет выделить 3 его сущностных элемента: «наилучший характер данных», «научный характер данных» и «доступность (наличие) данных». Наиболее раскрытыми на практике являются «наилучший характер данных» и их доступность, т.к. большинство споров возникало именно в связи с разногласиями относительно соответствия решений органов государственной власти этим элементам.

Элемент «наилучший характер данных» раскрывается судами посредством проверки по ряду признаков: полнота информации, ее надлежащий характер, достоверность, принятие во внимание и оценка различных научных данных, в том числе противоречащих друг другу. Он подразумевает, что не допускается игнорирование соответствующих доступных данных, даже если доступны только относительно скудные данные. Имеющаяся информация должна адекватно отражать воздействие на окружающую среду и альтернативные варианты действий. Использование недопустимых аналогий, устаревших данных, незавершенных процедур, предположений, оставление без ответа возражения и критику принятых за основу научных данных влечет несоответствие наилучшему характеру используемых данных.

Наличие «незначительных неточностей» в используемых научных данных не свидетель-

ствуют о том, что они не являются наилучшими научными данными. Единственный источник данных или даже критика данных со стороны органа государственной власти не свидетельствует о несоответствии элементу «наилучший характер данных». Органы государственной власти обязаны оценивать и проверять достоверность используемой информации. Неопределенность и недостаточность данных может и должна быть отражена в виде оценки рисков их использования.

Содержание элемента «доступность (наличие) данных» заключается в том, что органы власти должны принимать решения на основе тех научных данных, которые получены ими либо представлены им научным сообществом или иными лицами на момент принятия решения. Государственные органы вправе опираться на мнения собственных экспертов и представленные ими научные данные. Они обязаны рассматривать только имеющиеся в их распоряжении на момент принятия решения научные данные. Элемент «доступность данных» не предписывает возложение обязанности на органы исполнительной власти по проведению дополнительных исследований в судебном порядке. Появление новых данных, экспертных заключений после принятия соответствующего решения не влечет его несоответствие критерию «наилучшие имеющиеся научные данные».

Органы государственной власти не обязаны продуцировать новые научные данные. Органы власти могут это делать, но не обязаны. Наилучшие «имеющиеся» научные данные не означает наилучшие «возможные» данные.

Научный характер данных подразумевает использование надлежащих, объективных, беспристрастных, прозрачных, окончательных, интерпретируемых данных, полученных с помощью надлежащих методов исследования, отражающих любые неточности и риски их использования, а также прошедшие независимую экспертную оценку. Органы власти не должны интерпретировать информацию и манипулировать ею так, чтобы выводы на ее основе не могли быть подтверждены каким-либо применимым научным методом. Научная информация соответствует следующим признакам:

1) относимость информации — информация должна относиться к определенным элементам экосистем;

2) полнота (всеобъемлющий охват) — информация должна отражать достижения раз-

личных областей науки, полный перечень научных позиций, критика должна получить соответствующую оценку;

3) объективность — информация должна быть беспристрастной и полученной из достоверных источников;

4) транспарентность — обеспечение доступа общественности к информации, на основе которой принимаются решения;

5) актуальность — достаточное количество времени для научной оценки и применимость информации к текущей ситуации;

6) экспертная оценка — информация должна подлежать оценке научным сообществом и иными заинтересованными лицами, должна подтверждаться в результате воспроизведения аналитических данных.

Национальная судебная практика избегает формулирования определения научных данных, а рассматривает вопросы, связанные с оценкой научного характера информации, сквозь призму требований к научным исследованиям. Нормативное закрепление содержа-

ния термина «наилучшие имеющиеся научные данные» является нецелесообразным. Научные данные являются результатами научных исследований. К критериям научного исследования относятся анализ подходящей совокупности и репрезентативных данных; осуществление исследования квалифицированными специалистами; точность и полное представление собранных данных; объективность методов и беспристрастность участников.

Международный суд ООН в деле о китобойном промысле в Антарктике также не стал давать собственное определение научных исследований и принял во внимание 3 критерия научного исследования:

— определенные и достижимые цели (вопросы или гипотезы), которые направлены на содействие получению знаний;

— надлежащие методы, включая исключительный характер использования летальных методов;

— предотвращение неблагоприятного воздействия на исследуемые объекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бекашев Д. К. Международно-правовой принцип предосторожного подхода в управлении рыболовством // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 44–50.

Бекашев Д. К. Международно-правовые проблемы управления рыболовством : монография. М. : Проспект, 2017. 512 с.

Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Кодекс ведения ответственного рыболовства и возможности его применения в Российской Федерации // Рыбное хозяйство. 2009. № 4. С. 57–62.

Бекашев К. А., Пекарский А. Н. Международный суд ООН запретил Японии под прикрытием научных исследований коммерческий промысел китов в антарктических водах // Рыбное хозяйство. 2016. № 2. С. 44–49.

Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М. : Статут, 2007. 637 с.

Соколова Н. А. Развитие принципов международного экологического права и проблемы их имплементации: на примере законодательства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 185 с.

Теймуров Э. С. Морской охраняемый район и иные зонально привязанные инструменты хозяйствования: международно-правовые проблемы // Lex russica. 2021. № 7. С. 95–110.

Brandon T. O. Fearful Asymmetry: How the Absence of Public Participation in Section 7 of the ESA Can Make the «Best Available Science» Unavailable for Judicial Review // Harvard Environmental Law Review. 2015. Vol. 39. P. 312–369.

Cook K. Judging «Best Available Science»: Emerging Issues and the Role of Experts // Journal of International Dispute Settlement. 2018. Vol. 9. P. 388–400.

Dudley N. Guidelines for applying protected area management categories. IUCN, International Union for Conservation of Nature and Natural Resources, 2008. 86 p.

Improving the use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. National Research Council. 2004. 106 p. URL: <https://nap.nationalacademies.org/read/11045/chapter/1> (Accessed 20.05.2023).

Joly J. R., Reynolds J., Robards M. Recognizing When the «Best Scientific Data Available» Isn't // Stanford Environmental Law Journal. 2010. Vol. 29, Iss. 2. P. 247–282.

Kuhn E. Science and Deference: the «Best Available Science» Mandate is a Fiction in the Ninth Circuit // New-York University Environmental Law Journal. 2016. URL: <https://www.nyuelj.org/2016/10/science-and-difference-the-best-available-science-mandate-is-a-fiction-in-the-ninth-circuit> (Accessed 20.05.2023).

Nandan S. N., Rosenne S., Grandy N. R. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Vol. II. Martinus Nijhoff Publishers, 1993. 1088 p.

Nandan S. N., Rosenne S., Grandy N. R. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Vol. III. Martinus Nijhoff Publishers, 1995. 736 p.

Nylen N. G. To Achieve Biodiversity Goals, the New Forest Service Planning Rule Needs Effective Mandates for Best Available Science and Adaptive Management // Ecology Law Quarterly. 2011. Vol. 38. P. 241–291.

Pinto-Bazurco J. F. The Precautionary Principle // Still Only One Earth: Lessons from 50 years of UN Sustainable Development Policy. Brief 4. P. 1–8. URL: <https://www.iisd.org/system/files/2020-10/still-one-earth-precautionary-principle.pdf> (Accessed 20.05.2023).

Sands Ph. Principles of International Environmental Law. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 1116 p.

REFERENCES

Bekyashev DK, Bekyashev KA. Code of Conduct for Responsible Fisheries and the Possibility of its Application in the Russian Federation. *Rybnoe kkhoyaystvo [The Fisheries Journal]*. 2009;4:57-62. (In Russ.).

Bekyashev DK. International Legal Problems of Fisheries Management. A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).

Bekyashev DK. The International Legal Principle of the Precautionary Approach in Fisheries Management. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2016;2(93):44-50. (In Russ.).

Bekyashev KA, Pekarsky AN. The International Court of Justice of the United Nations Banned Commercial Whaling in Antarctic Waters in Japan under the Guise of Scientific Research. *Rybnoe kkhoyaystvo [The Fisheries Journal]*. 2016;2:44-49. (In Russ.).

Brandon TO. Fearful Asymmetry: How the Absence of Public Participation in Section 7 of the ESA Can Make the «Best Available Science» Unavailable for Judicial Review. *Harvard Environmental Law Review*. 2015;39:312-369.

Campaña NG. To Achieve Biodiversity Goals, the New Forest Service Planning Rule Needs Effective Mandates for Best Available Science and Adaptive Management. *Ecology Law Quarterly*. 2011;38:241-291.

Cook K. Judging «Best Available Science»: Emerging Issues and the Role of Experts. *Journal of International Dispute Settlement*. 2018;9:388-400.

Dudley N. Guidelines for Applying Protected Area Management Categories. IUCN, International Union for Conservation of Nature and Natural Resources; 2008.

Improving the Use of the Best Scientific Information Available Standard in Fisheries Management. National Research Council; 2004. Available from: <https://nap.nationalacademies.org/read/11045/chapter/1> [Accessed 2023 May 20].

Joly JR, Reynolds J, Robards M. Recognizing When the «Best Scientific Data Available» Isn't. *Stanford Environmental Law Journal*. 2010;29(2):247-282.

Kolodkin AL, Gutsulyak VN, Bobrova YuV. The World Ocean. The International Legal Regime. Main Problems. Moscow: Statut Publ.; 2007. (In Russ.).

Kuhn E. Science and Deference: the «Best Available Science» Mandate is a Fiction in the Ninth Circuit. *New-York University Environmental Law Journal*. 2016. Available from: <https://www.nyuelj.org/2016/10/science-and-difference-the-best-available-science-mandate-is-a-fiction-in-the-ninth-circuit> [Accessed 2023 May 20].

Nandan SN, Rosenne S, Grandy NR. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Vol. II. Martinus Nijhoff Publishers; 1993.

Nandan SN, Rosenne S, Grandy NR. United Nations Convention on the Law of the Sea 1982. A Commentary. Vol. III. Martinus Nijhoff Publishers; 1995.

Pinto-Bazurco JF. The Precautionary Principle. Still Only One Earth: Lessons from 50 years of UN Sustainable Development Policy. Brief 4. 1–8. Available from: <https://www.iisd.org/system/files/2020-10/still-one-earth-precautionary-principle.pdf> [Accessed 2023 May 20].

Sands Ph. Principles of International Environmental Law. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2003.

Sokolova NA. The Development of the Principles of International Environmental Law and Problems of their Implementation: The Case of Legislation of the Russian Federation. Cand. Diss. (Law). Moscow; 1998. (In Russ.).

Teymurov ES. Marine Protected Areas and Other Zonally Linked Management Tools: International Legal Issues. *Lex russica*. 2021;74(7):95-110. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Теймуров Эльвин Сахават оглы, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
estejmurov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elvin S. Teymurov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
estejmurov@msal.ru

Статья поступила в редакцию 23 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 21 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 23.05.2023.

Revised 21.06.2023.

Accepted 15.09.2023.

В. Д. Кравец

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Государственные институты развития в системе инновационной кооперации: опыт стран Азии

Резюме. В современных условиях основным направлением технологической политики Российской Федерации является обеспечение технологического суверенитета. Создание критических и сквозных технологий собственных линий разработки и производство на их основе товаров, работ и услуг возможно только в условиях интеграции и кооперации научно-исследовательской и производственно-технической деятельности. Функционирование системы инновационной кооперации невозможно без непосредственного участия в ней государственных институтов развития, которые выполняют организующую роль, обеспечивают создание и развитие инфраструктуры.

В работе анализируется деятельность государственных институтов развития в странах Азии (Китайской Народной Республике, Японии, Республике Индии, Республике Казахстан и Республике Сингапур), их функции, в том числе по обеспечению коммерциализации научных исследований и трансфера технологий. Опыт выстраивания системы инновационной кооперации названных стран представляет непосредственный интерес, во-первых, ввиду наличия развитых экономических отношений между Российской Федерацией и рядом анализируемых стран, во-вторых, поскольку именно странам Азии удалось совершить технологический прорыв в достаточно короткие сроки.

Проведенный анализ показал, что государственные институты развития в анализируемых странах создаются в качестве государственных компаний, находящихся в подчинении правительственных структур, и выполняют функции по реализации государственных стратегий научно-технического развития. Направления деятельности рассматриваемых институтов зависят от уровня развития экономики и выбранного типа (характера) технологической модернизации. Государственные институты развития являются холдингами, при этом имеется тенденция к их объединению и укрупнению. Однако проводимые государствами реформы не всегда имеют положительные итоги.

Ключевые слова: инновации; наука; инновационная кооперация; институты развития; банк развития; технологический суверенитет; инновационная деятельность; страны Азии; технологическое развитие; трансфер инноваций

Для цитирования: Кравец В. Д. Государственные институты развития в системе инновационной кооперации: опыт стран Азии. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 115–124. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.115-124

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

State Development Institutions in the System of Innovation Cooperation: Asian Countries Experience

Victoria D. Kravets

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. In modern conditions, the main direction of the technological policy of the Russian Federation is to ensure technological sovereignty. The creation of critical and end-to-end technologies of proper development and production of goods, works and services based thereon is possible only in the conditions of integration and cooperation of research and production and technical activities. The functioning of the innovation cooperation system is impossible without the direct participation of state development institutions that perform an organizing role, ensure the creation and development of infrastructure.

The paper analyzes the activities of state development institutions in Asian countries (the People's Republic of China, Japan, the Republic of India, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Singapore), their functions, including ensuring the commercialization of scientific research and technology transfer. The experience of building a system of innovation cooperation of these countries is of direct interest, firstly, due to the existence of developed economic relations between the Russian Federation and a number of analyzed countries, and secondly, because it was the Asian countries that managed to make a technological breakthrough in a fairly short time.

The analysis showed that state development institutions in the analyzed countries are created as state-owned companies subordinate to government structures and perform functions for the implementation of state strategies for scientific and technological development. The activities of the institutions under consideration depend on the level of economic development and the chosen type (nature) of technological modernization. State development institutions are holdings, while there is a tendency to merge and consolidate them. However, the reforms carried out by states do not always have positive results.

Keywords: innovation; science; innovation cooperation; development institutions; development bank; technological sovereignty; innovation activity; Asian countries; technological development; innovation transfer

Cite as: Kravets VD. State Development Institutions in the System of Innovation Cooperation: Asian Countries Experience *Lex Russica*. 2023;76(10):115-124. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.115-124

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

В мае 2023 г. было издано распоряжение Правительства РФ, которым утверждена Концепция технологического развития на период до 2030 г.¹ (далее — Концепция). В данном документе отмечается переход России к третьему этапу технологического развития, в рамках которого приоритетным направлением технологической политики становится достижение технологического суверенитета, т.е. обеспечение наличия в Российской Федерации критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, гарантирующих устойчивую возможность государства и общества достигать собственных

национальных целей развития и реализовывать национальные интересы. Новый этап предполагает наличие комплексных и сетевых форматов взаимодействия основных субъектов технологического развития: отраслевых компаний, научных и образовательных организаций, институтов развития и стартапов. Такое взаимодействие требует высокого уровня развития инновационной кооперации, под которой принято понимать систему взаимовыгодных коммуникаций между промышленными предприятиями (предпринимателями), научными организациями и высшими учебными заведениями². Это взаимодействие может происходить как путем создания новых организационно-правовых форм, так и посредством заключения договоров, обеспе-

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

² См.: Буркина Т. А. Научно-производственная кооперация в инновационной сфере // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 6. С. 1–9.

чивающих интеграцию и кооперацию научно-исследовательской и производственно-технологической деятельности.

Важную роль в развитии инновационной кооперации будут играть и государственные институты развития³. Будучи одним из субъектов технологического развития, они способны выполнять организационные функции, обеспечивая создание и развитие институциональной среды для инновационной кооперации.

На сегодняшний день система государственных институтов развития Российской Федерации находится в процессе реформирования. Первым этапом реформирования институтов развития, о завершении которого Правительство РФ объявило в 2021 г.⁴, стало укрупнение институтов посредством передачи ряда из них под управление государственной корпорации «ВЭБ.РФ». В соответствии изменениями, внесенными в Федеральный закон от 17.05.2007 № 82-ФЗ «О государственной корпорации развития “ВЭБ.РФ”»⁵, ВЭБ.РФ получила возможность участвовать в управлении институтами развития в части определения стратегии и основных направлений их деятельности, достижения ключевых показателей эффективности их деятельности и др. В целях обеспечения эффективного выполнения полномочий в составе наблюдательного совета ВЭБ.РФ были созданы координационные комитеты по основным отраслям: городская экономика и строительство, малое и среднее предпринимательство, экспорт, промышленная политика, инновации и информационные технологии. Комитеты участвуют в определении ключевых показателей эффективности институтов развития и рассматривают их крупнейшие проекты и программы (со сроком реализации более одного года), для осуществления которых целесообразно софинансирование со стороны ВЭБ.РФ.

Тенденция к укрупнению институтов развития и выстраиванию их в единую систему, управляемую банком развития, характерна для стран Азии. Подобная реформа в данных странах проводилась в начале 2000-х гг., и на сегодняшний день можно говорить о ее итогах. Кроме того, опыт стран азиатского региона может представлять интерес для Российской Федерации не только ввиду наличия между странами развитых экономических связей, но и потому, что именно в странах данного региона удалось создать крупнейшие банки развития, а также обеспечить технологический прорыв в достаточно короткие сроки.

Китайская Народная Республика

Банк развития Китая (China Development Bank) был создан в 1994 г. с целью социально-экономической модернизации страны. Он функционирует в форме государственной акционерной компании. Согласно отчету за 2022 г., акционерами CDB являются Министерство финансов (36,54 %), Central Huijin Investment LTD (34,68 %), Buttonwood Investment Holding Company LTD (27,19 %), Национальный фонд социального обеспечения (1 %). При этом Central Huijin Investment LTD и Buttonwood Investment Holding Company LTD — это юридические лица, созданные в соответствии с Законом о компаниях Китайской Народной Республики (The Company Law of the People's Republic of China) в форме обществ с ограниченной ответственностью. Central Huijin Investment — общество со 100 %-м участием государства. Оно представляет государство как инвестора в ключевых государственных финансовых институтах. Свои полномочия данное общество получает от Государственного совета КНР. Аналогично Buttonwood Investment Holding

³ Под государственным институтом развития понимается инвестиционно-кредитный институт с преимущественным государственным участием, ориентированный на долгосрочное некоммерческое кредитование инвестиционных проектов в приоритетных для государства отраслях экономики в целях проведения таких изменений в экономике государства, которые направлены на его развитие (см. подробнее: Сазонова Е. С. Институты развития как инструмент государственной инвестиционной политики: общая характеристика и особенности правового регулирования // Предпринимательское право. 2013. № 4. С. 51–55).

⁴ Дмитрий Григоренко провел совещание наблюдательного совета группы «ВЭБ РФ» // URL: <http://government.ru/news/43119/> (дата обращения: 01.07.2023).

⁵ Федеральный закон от 02.07.2021 № 332-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части 1.1 статьи 8 Федерального закона “Об инновационном центре “Сколково”» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5160.

Сотрапу — юридическое лицо с государственным участием, которое создано и функционирует под контролем Государственной валютной администрации КНР (SAFE).

Таким образом, CDB, с одной стороны, является юридическим лицом, созданным в форме акционерной компании, а с другой стороны, находится под непосредственным контролем Государственного совета. Такой подход позволяет сочетать преимущества корпоративной структуры управления с публичными функциями, которые выполняет CDB.

Согласно отчету, основными стратегическими приоритетами CDB в 2022 г. стали инвестирование в развитие инфраструктурных проектов, поддержка производственных и технологических инноваций, поддержка энергетики, обеспечение сбалансированного регионального развития и урбанизации, поддержка благосостояния населения, развитие «зеленых» финансов, поддержка инициативы «Пояс и путь», в рамках которой осуществляется международное сотрудничество в области промышленных мощностей и производства оборудования, подключение к инфраструктуре, а также поддержка китайских предпринимателей, выходящих на международный уровень.

В рамках развития инновационной кооперации CDB в 2022 г. выпустил облигации на сумму 10 млрд юаней с целью коммерциализации наиболее важных результатов исследований и научных открытий. Выпуск облигаций позволил CDB привлечь рыночный капитал к финансированию коммерциализации и индустриализации научных исследований.

В своей деятельности CDB руководствуется основными среднесрочными и долгосрочными стратегиями экономического развития Китая.

CDB представляет собой холдинговую структуру, в которую входят такие институты развития, как CDB Capital, CDB Securities, CDB Leasing, Китайско-африканский фонд развития, Фонд развития CDB и Фонд инфраструктуры CDB. Все они являются дочерними компаниями CDB. Вместе с тем CDB не является структурой, кото-

рая объединяет все институты развития, создаваемые и действующие на территории Китая. Наравне с CDB функционируют такие финансовые институты развития, как Экспортно-импортный банк Китая (Эксимбанк) и Банк развития сельского хозяйства Китая (БРСХК). Данные институты в своей деятельности руководствуются законами КНР «О коммерческих банках»⁶ и «О регулировании банковской деятельности и контроле за ней»⁷. Вместе с тем в Китае отсутствуют специальные законы, регулирующие деятельность CDB, «Эксимбанка» и БРСХК.

Важную роль в обеспечении технологического развития и поддержке инновационных проектов в Китае играют академии наук. Так, компания Lenovo появилась благодаря финансовой поддержке Академии наук Китая. Это во многом стало поворотным моментом в истории технологического развития Китая⁸.

Поддержку и финансирование научных исследований в КНР осуществляет специальный Национальный фонд естественных наук Китая (NSFC), созданный в 1986 г. После своего создания NSFC находился в подчинении Государственного совета, но в 2018 г. был передан в ведение Министерства науки и технологий Китая. Целью создания Фонда является финансирование фундаментальных исследований и содействие социально-экономическому развитию. NSFC была разработана система финансирования научных исследований. При этом NSFC осуществляет финансирование как отдельных ученых (групп ученых), так и закупок оборудования для проведения научных исследований. Согласно отчету за 2020 г. (последний опубликованный отчет) бюджет NSFC составил более 28 919 млн юаней.

Таким образом, можно сказать, что в КНР существует определенная децентрализация институтов развития с их общим подчинением Государственному совету или иным органам публичной власти. Институты развития Китая в своей деятельности руководствуются принимаемыми на государственном уровне стратегиями экономического развития.

⁶ Law of the People's Republic of China on Commercial Banks (Adopted at the 13th Meeting of the Standing Committee of the Eighth National People's Congress on May 10, 1995) // URL: <http://www.china.org.cn/english/DAT/214824.htm> (дата обращения: 01.07.2023).

⁷ Law of the People's Republic of China on Regulation of and Supervision over the Banking Industry (adopted at the 6th Meeting of the Standing Committee of the Tenth national People's Congress of the People's Republic of China on December 27, 2003) // URL: <http://www.china.org.cn/english/DAT/214819.htm> (дата обращения: 01.07.2023).

⁸ Цзяо Д., Конайерс И. Путь Lenovo. М.: Олимп-Бизнес, 2014.

Япония

Банк развития Японии (DBJ) был образован в 1999 г. на базе двух финансовых институтов — Японского банка развития и Государственной финансовой корпорации развития «Хоккайдо-Тохоку». DBJ действует на основании специального закона, которым определяются особенности его статуса⁹. В соответствии со ст. 1 указанного Закона целью деятельности DBJ является осуществление долгосрочных инвестиций, целевого финансирования и совершенствование финансовой деятельности. В соответствии с изменениями, внесенными в 2015 г. в рассматриваемый Закон, DBJ осуществляет свою деятельность способами, которые не препятствуют развитию конкурентных отношений с другими организациями.

В 2008 г. DBJ был преобразован в акционерное общество со 100 %-м государственным участием. На сегодняшний день в своей деятельности DBJ подчиняется Министерству финансов Японии.

В соответствии с отчетом за 2022 г., DBJ осуществляет инвестиционную поддержку проектов в сфере энергетики, перевозок, промышленности, а также развития городов и регионов. Основные социальные цели инвестиций в промышленности — продвижение инноваций с помощью научных технологий, инвестиции в стартап-проекты и др.

DBJ объединяет группу компаний, в которую входят дочерние организации DJB, осуществляющие деятельность в сфере кредитования, консалтинга и управления недвижимостью (DJB Capital Co Ltd, DBJ Securities Co Ltd, DBJ Asset Management Co Ltd, DBJ Digital Solutions Co Ltd).

В состав группы также входят два аналитических института: Японский институт экономических исследований (Japan Economic Research Institute Inc.) и Институт управления стоимостью (Value Management Institute, Inc.). Обе компании являются крупными аналитическими центрами.

Кроме того, в составе группы имеются компании, выполняющие общие организационные функции и обеспечивающие функционирование группы (холдинга).

DJB является основным, но не единственным финансовым институтом Японии. В 2008 г.

в Японии была проведена реформа, направленная на объединение и укрупнение институтов развития. Была создана Японская финансовая корпорация (Japan Finance Corporation, JFC), объединившая такие государственные институты развития, как Японский банк международного сотрудничества (Japan Bank for International Cooperation), Финансовая корпорация сельского хозяйства, лесной промышленности и рыболовства (Agriculture, Forestry and Fisheries Finance Corporation), Корпорация финансирования социальной сферы (National Life Finance Corporation), Японская финансовая корпорация малого и среднего предпринимательства (Japan Finance Corporation for Small and Medium Enterprise). Реформа имела свои недостатки. В частности, Японская финансовая корпорация объединила институты развития, которые имели различные цели и направления деятельности. Это не могло не сказаться на общей эффективности. В итоге в 2012 г. было принято решение о выходе Японского банка международного сотрудничества из состава JFC. На сегодняшний день данный банк функционирует в качестве независимого финансового института развития. Так же как и DBJ, он действует на основании специального закона, является государственным банком и находится в ведении Правительства Японии. Данный институт развития выполняет функции, характерные для экспортно-импортных банков.

Преимущество японской системы построения финансовых институтов развития — проработанная нормативная база: каждый институт развития действует на основании специально разработанного закона. Вместе с тем разнообразие институтов развития создает проблему дублирования их функций.

Республика Казахстан

Первые институты развития в Казахстане были созданы в 1990 г. В период с 1990 до начала 2000-х гг. было организовано более десятка подобных институтов, осуществляющих деятельность по различным направлениям, в том числе в 2003 г. создан Банк развития Казахстана. Необходимость реформирования институтов развития была осознана в 2006 г. Целью про-

⁹ The Development Bank of Japan Inc. Act (Adopted at the 166th Regular Diet Upper House Plenary Session) // URL: <https://www.dbj.jp/en/co/info/law.html> (дата обращения: 01.07.2023).

водимых реформ стало укрупнение институтов развития и объединение их в единую холдинговую структуру¹⁰.

Итогом реформ стало создание в 2013 г. Национального управляющего холдинга «Байтерек». Ему были переданы пакеты акций (доли участия) национальных институтов развития. В состав холдинга вошли 10 институтов развития, которые находились под управлением государственных органов, и АО «Фонд национального благосостояния “Самрук-Казына”». Холдинг «Байтерек» создан в форме акционерного общества, 100 % акций которого принадлежит государству в лице Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

На сегодняшний день в состав холдинга входят: 1) организации, обеспечивающие поддержку крупного бизнеса, в том числе посредством кредитования и иного финансирования (АО «Банк развития Казахстана», АО «Экспортная страховая компания KazakhExport», АО Qazaqstan Investment Corporation); 2) организация, осуществляющая поддержку микро-, малого и среднего бизнеса, — АО «Фонд развития предпринимательства “Даму”»; 3) организации, деятельность которых направлена на повышение доступности жилья (АО «Жилищный строительный сберегательный банк “Отбасы банк”», АО «Казахстанская жилищная компания»); 4) организация, которая содействует развитию и техническому переоснащению агропромышленного комплекса, — АО «Аграрная кредитная корпорация»; 5) финансовый институт универсального характера — АО Bereke Bank)¹¹.

Анализ направлений деятельности институтов развития, объединенных в холдинге «Байтерек», показывает, что деятельность рассматриваемых институтов является узкоспециализированной. В холдинг объединены организации с различными целями деятельности. Это создает значительные трудности в выработке общей стратегии развития и построении эффективного управления. Таким образом, можно предположить, что холдинг «Байтерек» может столкнуться с теми же проблемами, что и Японская финансовая компания (JFC). Уже сегодня эксперты отмечают целый ряд проблем, среди которых высокий уровень проблемных кре-

дитов, хищения, низкий уровень доходности, низкий уровень инновационно активных предприятий, низкий уровень поддержки инновационных проектов¹².

Центральное место в холдинге «Байтерек» занимает *Банк развития Казахстана (БРК)*. Он осуществляет деятельность в форме акционерного общества, 100 % акций которого принадлежит холдингу «Байтерек». Банк развития Казахстана действует на основании Закона Республики Казахстан от 25.04.2001 № 178-П «О Банке развития Казахстана». В соответствии со ст. 1 рассматриваемого Закона деятельность Банка направлена на реализацию государственной инвестиционной политики и государственного стимулирования промышленности. Цели деятельности Банка: совершенствование и повышение эффективности государственной инвестиционной деятельности, развитие производственной инфраструктуры и обрабатывающей промышленности, содействие в привлечении внешних и внутренних инвестиций в экономику страны (ст. 3 Закона).

На БРК возложена функция по реализации программы индустриально-инновационного развития на 2020–2025 гг., целью которой является формирование конкурентоспособной обрабатывающей промышленности. В рамках данной программы БРК должен обеспечить долгосрочное финансирование основных проектов, а также финансовую поддержку продвижения казахской продукции на внешнем рынке.

Анализ направлений деятельности БРК, а также его годовых отчетов позволяет сделать вывод, что данный банк, в отличие от рассмотренных выше банков развития Китая и Японии, не осуществляет финансирование стартап-проектов, венчурного финансирования, а также деятельности, направленной на коммерциализацию результатов научных исследований и разработок. Это может объясняться догоняющим характером модернизации экономики Казахстана.

В 2003 г. был создан Инвестиционный фонд Казахстана (ИФК) — институт развития, целью которого являлось осуществление инвестиций в несырьевые проекты. Здесь обнаруживается определенное дублирование Фондом функций

¹⁰ Подробнее о реформе и ее этапах см.: Ахметова К. А., Тержанова А. Ж., Ахметова А. А. Институты развития: роль в становлении рыночной экономики Казахстана // Проблемы современной экономики. 2018. № 11. С. 213–216.

¹¹ По данным сайта Baiterek. URL: <https://baiterek.gov.kz/> (дата обращения: 01.07.2023).

¹² См., например: Ахметова К. А., Тержанова А. Ж., Ахметова А. А. Указ. соч. С. 216.

БРК. В 2012 г. функции ИФК были изменены, он стал управляющей компанией в области реструктуризации и управления стрессовыми активами. Ему были переданы проблемные кредиты институтов развития, в том числе и БРК. Целью деятельности ИФК стал возврат государственных средств, ранее инвестированных в производственные проекты. Наряду с другими институтами развития ИФК вошел в холдинг «Байтерек». Однако в 2021 г. в рамках Комплексного плана приватизации на 2021–2025 годы (утв. постановлением Правительства РК от 29.12.2020 № 908 «О некоторых вопросах приватизации на 2021–2025 годы») 100 %-й пакет акций ИФК, принадлежащих холдингу «Байтерек», был продан. На сегодняшний день ИФК является частной компанией и осуществляет деятельность в конкурентной среде.

На примере ИФК прослеживается тенденция к приватизации институтов развития и постепенного перевода их в частный сектор экономики. Так, акции Китайского банка развития принадлежат не только непосредственно Китайской Народной Республике, но и, как указывалось выше, ряду юридических лиц. В 2012 г. сообщалось о приватизации Банка развития Японии (планируемый срок приватизации — от пяти до семи лет)¹³. Инициатива реализована не была, но и об отказе от нее не сообщалось. Наиболее яркий пример приватизации институтов развития — Банк промышленного развития Индии (IDBI), на сегодняшний день действующий в форме компании с ограниченной ответственностью и утративший свою роль банка развития. Банк выполняет функции и операции, свойственные коммерческим банкам, и осуществляет деятельность в конкурентной среде.

Республика Индия

Научно-исследовательская деятельность в Индии обеспечивается преимущественно государственным сектором. Это отличает Индию от дру-

гих стран азиатского региона с рыночной экономикой, в которых научно-исследовательская деятельность сосредоточена в частном секторе (например, Япония, Республика Корея и др.)¹⁴. Научно-исследовательские организации Индии создаются и действуют при государственных и правительственных учреждениях. С целью коммерциализации результатов научных исследований создана Национальная корпорация развития исследований (NRDC). Эта организация играет ключевую роль в приобретении, оценке и трансфере технологий, которые разработаны в государственных научно-исследовательских институтах и университетах. NRDC находится в подчинении Департамента научных и промышленных исследований Министерства науки и технологий. NRDC заключает соглашения с научно-исследовательскими институтами, лабораториями и университетами о коммерциализации результатов их научных исследований. NRDC обеспечивает экспорт технологий в зарубежные страны, а также оказывает техническую, консультационную и финансовую поддержку научно-исследовательским учреждениям с целью обеспечения развития технологий. В своей деятельности NRDC руководствуется положениями The Company Act, 2013¹⁵. В соответствии с рассматриваемым актом NRDC является государственной компанией.

Республика Сингапур

Особенность инновационной модели Сингапура — преобладающая роль государства, которое является регулятором инновационных процессов, происходящих в Сингапуре, и проводит государственную политику путем реализации федеральных целевых программ, государственных заказов и контрактов, специальных программ стимулирования инновационного предпринимательства¹⁶. Государство является основным источником финансирования инновационного сектора, в том числе развития инфраструктуры,

¹³ URL: <https://вэб.пф/common/upload/files/veb/analytics/strman/sm201202jdb.pdf> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁴ См. подробнее: Устюжанцева О. В. Индия: научно-технологическое и инновационное развитие. Томск, 2015.

¹⁵ The Companies Act, 2013. Act No. 18 of 2013. Last update-29-7-2022 // URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/2114?view_type=browse&sam_handle=123456789/1362 (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁶ См. подробнее: Осипова М. Г. Инновационная модель Республики Сингапур // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1, № 2 (39). С. 173–182; Никифорова А. Э. Сравнительный политический анализ институтов инновационного развития на примере Сингапура, Швеции и Финляндии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2014.

проведения научных исследований, поддержки центров инноваций, ученых и предпринимателей¹⁷. В стране создано большое количество институтов развития, в числе которых крупнейшие финансовые институты развития — Банк развития Сингапура (с 2003 г. — DBS Bank) и Национальный фонд Сингапура Temasek. Оба рассматриваемых института были созданы в период индустриализации и модернизации экономики страны.

Банк развития Сингапура учрежден в 1968 г. по инициативе Правительства Сингапура и специальной миссии ООН, которая изучала возможности индустриализации экономики и готовила стратегию развития страны. Основным акционером Банка развития выступило Правительство Сингапура, которому принадлежало 49 % акций. Целью деятельности Банка стало финансирование зарождающихся отраслей промышленности и развитие новых.

DBS реализует инвестиционные проекты с целью поддержки инновационного развития страны, в том числе посредством финансирования инновационных социальных предприятий. Через DBS Правительство Сингапура осуществляло финансирование программ развития инноваций, в частности реализуемых в рамках Research, Innovation and Enterprise 2020 Plan (План развития национальной инновационной системы до 2020 г.). Банк также принимал участие в реализации других государственных программ, направленных на построение национальной инновационной системы.

В настоящее время DBS работает на розничном рынке. Именно это направление банковской деятельности стало для него самым успешным и прибыльным. Таким образом, DBS постепенно отступает от функций, характерных для национальных банков развития, предоставляя широкий спектр услуг частным клиентам, среди которых открытие и ведение банковских счетов, выдача кредитов, страхование. Деятельность DBS в конкурентной среде следует признать успешной, на сегодняшний день это крупнейший розничный банк Сингапура, а также признанный мировой лидер.

Сегодня DBS входит в группу компаний Национального фонда Сингапура Temasek. Имен-

но ему в 1974 г. были переданы акции Банка развития, которые принадлежали Правительству Сингапура. На сегодняшний день Temasek контролирует 29 % акций DBS (11,08 % напрямую и 17,9 % через свои дочерние компании) и является самым крупным акционером банка.

Temasek представляет собой финансовый институт развития с холдинговой структурой. В группу компаний Temasek входят как сингапурские, так и зарубежные компании, осуществляющие деятельность в сфере финансовых услуг, транспорта и промышленности, СМИ и телекоммуникаций, недвижимости и др. При создании Национального фонда ему были переданы акции 35 компаний, принадлежавшие министру финансов¹⁸, из них 10 остаются в структуре холдинга, другие были ликвидированы или проданы в процессе инвестиционной деятельности Temasek. Главная задача холдинга, сформулированная при его создании, управление и определение направлений развития компаний, акции которых были переданы Фонду. Его создание позволило Правительству Сингапура сосредоточиться на осуществлении функций регулирования и разработки политики и передать «функции акционера» специализированной организации.

Важнейшей функцией, выполняемой Temasek, является развитие новых отраслей экономики. Temasek осуществляет инвестиции в инновационные проекты, в том числе посредством финансирования разработки технологий на самых ранних стадиях (до коммерциализации), стартап-проектов.

Как и большинство институтов развития, Temasek имеет двойственный статус. С одной стороны, его деятельность регулируется Законом Сингапура о компаниях (Companies Act 1967¹⁹), соответственно, управление активами Фонд осуществляет в качестве коммерческой инвестиционной компании. С другой стороны, министр финансов Сингапура является единственным акционером Temasek. При этом уникальность Temasek на фоне других национальных институтов развития заключается в принципах управления. Temasek управляется независимым советом, большинство членов которого — представители бизнеса, а не Пра-

¹⁷ Гильманова Д. Р., Федоренко Р. В. Анализ инновационного развития Республики Сингапур // Экономика. Право. Инновации. 2019. № 1. С. 57–63.

¹⁸ В соответствии с Законом Сингапура о министре финансов (1959 г.) министр финансов является юридическим лицом.

¹⁹ URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CoA1967> (дата обращения: 01.07.2023).

вительства Сингапура. Управление холдингом строится без политического вмешательства и полностью соответствует принципам управления коммерческой организации. Инвестиционные решения Temasek также принимает независимо, проводя их коммерческую оценку. Правительство Сингапура не имеет влияния на принимаемые фондом инвестиционные решения. Вместе с тем Правительство Сингапура производит общую оценку эффективности деятельности Фонда и состояния его портфеля. Такой комплексный подход к построению системы управления и контроля позволил Temasek стать крупнейшей инвестиционной компанией Азии.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на большое разнообразие государственных институтов развития в странах Азии, можно выявить некоторые общие черты, им присущие.

Во-первых, институты развития создаются в качестве государственных компаний, находящихся в подчинении правительственных структур. Они являются главными акторами, на которых возложена реализация стратегий научно-технологического и индустриального развития государства. Институты развития

осуществляют долгосрочное финансирование инновационных проектов, в том числе на ранних стадиях их реализации. В последние годы наблюдается тенденция к приватизации институтов развития, их переходу в конкурентную среду и выходу на розничный рынок.

Во-вторых, имеется тенденция к укрупнению институтов развития. Вместе с тем их объединение не всегда учитывает цели и направления деятельности этих институтов, что приводит к объединению институтов развития с различными функциями. Это не может не сказаться на эффективности их деятельности.

В-третьих, институты развития чаще всего являются холдинговыми структурами, которые, как правило, возглавляются банками развития.

В-четвертых, важным направлением деятельности институтов развития становится коммерциализация научных исследований и трансфер технологий. В ряде стран подобная деятельность осуществляется банками развития, но имеется тенденция к созданию специальных институтов развития, основным направлением деятельности которых становится поддержка и продвижение технологий. Однако появление рассматриваемого направления деятельности институтов развития и его наполнение напрямую зависит от уровня развития экономики страны, а также от выбранного типа (характера) модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметова К. А., Тержанова А. Ж., Ахметова А. А. Институты развития: роль в становлении рыночной экономики Казахстана // Проблемы современной экономики. 2018. № 11. С. 213–216.
- Буркина Т. А. Научно-производственная кооперация в инновационной сфере // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12, № 6. С. 1–9.
- Гильманова Д. Р., Федоренко Р. В. Анализ инновационного развития Республики Сингапур // Экономика. Право. Инновации. 2019. № 1. С. 57–63.
- Никифорова А. Э. Сравнительный политический анализ институтов инновационного развития на примере Сингапура, Швеции и Финляндии : дис. ... канд. полит. наук. М., 2014.
- Осипова М. Г. Инновационная модель Республики Сингапур // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1, № 2 (39). С. 173–182.
- Сазонова Е. С. Институты развития как инструмент государственной инвестиционной политики: общая характеристика и особенности правового регулирования // Предпринимательское право. 2013. № 4. С. 51–55.
- Устюжанцева О. В. Индия: научно-технологическое и инновационное развитие. Томск : Издательский дом Томского государственного университета, 2015. 242 с.
- Цзяо Д., Конайерс И. Путь Lenovo. М. : Олимп-Бизнес, 2014. 280 с.

REFERENCES

- Akhmetova KA, Terzhanova AZh, Akhmetova AA. Development Institutions: The Role in the Formation of the Market Economy of Kazakhstan. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 2018;11:213-216. (In Russ.).
- Burkina TA. Scientific and Industrial Cooperation in Innovations. *Vestnik Evraziyskoy nauki*. 2020;6(12):1-9. (In Russ.).
- Gilmanova DR, Fedorenko RV. Analysis of Innovative Development of the Republic of Singapore. *Ekonomika. Pravo. Innovatsii*. 2019;1:57-63. (In Russ.).
- Nikiforova AE. Comparative Political Analysis of Innovative Development Institutions: Case of Singapore, Sweden and Finland. Cand. Diss. (Political Sciences). Moscow; 2014. (In Russ.).
- Osipova MG. Innovative Model of the Republic of Singapore. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnye problemy razvitiya*. 2018;2(39):Vol 1:173-182. (In Russ.).
- Qiao G, Conyers Y. The Lenovo Way. Moscow: Olimp-Biznes Publ.; 2014. (In Russ.).
- Sazonova ES. Development Institutions as an Instrument of State Investment Policy: General Characteristics and Features of Legal Regulation. *Predprinimatelskoe pravo [Business law]*. 2013;4:51-55. (In Russ.).
- Ustyuzhantseva OV. India: Scientific, Technological and Innovative Development. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University; 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Виктория Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
vdkravec@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoria D. Kravets, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
vdkravec@msal.ru

Статья поступила в редакцию 10 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 13 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 10.05.2023.

Revised 13.06.2023.

Accepted 15.09.2023.

И. 3. Аюшеева

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима

Резюме. Большие данные (big data) на современном этапе обладают значительной потенциальной ценностью, однако их гражданско-правовой режим остается неопределенным. Сегодня технологии больших данных неразрывно связывают с технологиями искусственного интеллекта. Кроме того, определение особенностей правового регулирования исследуемых отношений невозможно без решения такого аспекта проблемы, как защита личных неимущественных прав, поскольку именно информация о человеке, его предпочтениях, его персональных данных приобретает самостоятельное значение. Сложности в выявлении особенностей больших данных как объекта гражданских прав связаны с тем, что они включают в себя не только различные виды информации, но и технологические решения, направленные на ее сбор, хранение, обработку и анализ. На основе проведенного исследования нормативных источников, судебной практики и доктрины можно сделать вывод о том, что осуществление и защита прав на большие данные возможны в рамках отношений, складывающихся по поводу результатов интеллектуальной деятельности, в связи с чем использование информации, входящей в состав больших данных, и ее обработка могут быть осуществлены на основе лицензионных соглашений с правообладателем. В случае если передаются сведения, полученные в результате применения технологий больших данных, на основе проведенного анализа содержащейся в них информации, речь может идти о заключении договора оказания услуг по предоставлению информации. При определении гражданско-правового режима больших данных необходимо соблюсти баланс публичных и частных интересов. При осуществлении прав на большие данные правообладатель должен соблюдать личные неимущественные права лиц, информация о которых в итоге формирует большой объем данных, в том числе обеспечить конфиденциальность персональных данных, а в случае их распространения — получить согласие на это пользователя в установленном законом порядке.

Ключевые слова: большие данные; информация; искусственный интеллект; услуги по предоставлению информации; персональные данные; база данных; личные неимущественные права; результат интеллектуальной деятельности; пользовательское соглашение; исключительное право

Для цитирования: Аюшеева И. 3. Большие данные: проблемы определения гражданско-правового режима. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 125–134. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.125-134

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

Big Data: Problems of Defining the Civil Law Regime

Irina Z. Ayusheeva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Big data has significant potential value at the present stage, but its civil law regime remains uncertain. Today, big data technologies are inextricably linked with artificial intelligence technologies. In addition, it is impossible to determine the specifics of the legal regulation of the studied relations without solving such an aspect of the problem as the protection of personal non-property rights, since it is information about a person, their preferences, their personal data that acquires independent significance. Difficulties in identifying the features of big data as an object of civil rights are due to the fact that they include not only various types of information, but also technological solutions aimed at its collection, storage, processing and analysis. Based on the conducted research of regulatory sources, judicial practice and doctrine, it can be concluded that the exercise and protection of rights to big data is possible within the framework of relations developing over the results of intellectual activity, in connection with which the use of information included in big data and its processing can be carried out on the basis of license agreements with the copyright holder. If the information obtained as a result of the use of big data technologies is transmitted on the basis of the analysis of the information contained in them, then we can talk about the conclusion of a contract for the provision of services for the provision of information. When determining the civil law regime of big data, it is necessary to maintain a balance of public and private interests. When exercising the rights to big data, the rightholder must respect the personal non-property rights of persons whose information eventually forms a large amount of data, including ensuring the confidentiality of personal data, and in case of their dissemination, obtain the consent of the user in accordance with the procedure established by law.

Keywords: big data; information; artificial intelligence; information services; personal data; database; personal non-property rights; result of intellectual activity; user agreement; exclusive right

Cite as: Ayusheeva IZ. Big Data: Problems of Defining the Civil Law Regime. *Lex Russica*. 2023;76(10):125-134. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.125-134

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number: 1022040700002-6-5.5.1.

Введение

На современном этапе актуальность проблемы определения гражданско-правового режима больших данных (big data) связана с тем, что они имеют большую потенциальную ценность, ранее, как правило, не рассматривавшуюся. Отмечается существенное воздействие больших данных на экономику и общество¹. Обработка больших объемов цифровых данных и использование результатов их анализа значительно повышает эффективность экономических процес-

сов². Возможность сбора, обработки, быстрого анализа большого объема постоянно обновляемой информации предоставляет преимущество участникам гражданского оборота, в связи с чем по этому поводу складываются гражданские правоотношения, что обуславливает необходимость анализа их юридической природы и содержания.

Сегодня технологии больших данных неразрывно связывают с технологиями искусственного интеллекта, поэтому развитие технологий больших данных объединено с направлением развития искусственного интеллекта³.

¹ Big data, Big Impact: New Possibilities for International Development. World Economic Forum. 2012 // URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TC_MFS_BigDataBigImpact_Briefing_2012.pdf (дата обращения: 03.05.2023).

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

³ Войничанис Е. А. Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности: общие подходы, проблемы и перспективы развития // Закон. 2020. № 7. С. 135–156.

Нельзя забывать и о том, что определение особенностей правового регулирования исследуемых отношений невозможно без решения такого аспекта проблемы, как защита личных неимущественных прав, так как именно информация о человеке, его предпочтениях, его персональных данных приобретает самостоятельную ценность. Можно согласиться с мнением о том, что зачастую проблемы, связанные с защитой персональных данных, использованных в составе больших данных, обусловлены действиями самих субъектов персональных данных, которые размещают личные данные в общедоступных ресурсах⁴, что в итоге формирует так называемый цифровой след человека, его цифровой профиль в цифровом пространстве.

Отношения по поводу больших объемов информации регулируются нормами публичного права⁵. В нормах гражданского законодательства отдельных положений об этом нет, в связи с чем особую актуальность приобретает необходимость определения юридической природы больших данных как объекта гражданских прав, особенностей договорных отношений, складывающихся по поводу хранения, сбора, обработки, анализа и передачи больших объемов информации, особенностей осуществления и защиты прав, возникающих в отношении больших данных, в том числе защиты личных неимущественных прав.

Термин «большие данные» широко применяется в различных значениях. Одно из первых определений больших данных, отражающих их техническую характеристику, было дано в глос-

сарии Gartner⁶. Их технические характеристики также указываются в действующих стандартах⁷, однако они не содержат определения гражданско-правового режима.

Специалисты отмечают, что большие данные как массивы информации используются для принятия обоснованных решений (data-driven); для того чтобы их собрать и проанализировать, применяются специальные технологии, оборудование⁸.

Л. Ю. Василевская определяет большие данные не только как цифровую информацию, но и в качестве соответствующих информационных технологий — технологий искусственного интеллекта, с помощью которых осуществляются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации, управление базами данных⁹.

А. И. Савельев определяет большие данные как динамически изменяющийся массив информации, который представляет собой ценность в силу своих больших объемов и возможности эффективной и быстрой обработки автоматизированными средствами¹⁰.

Основные технические характеристики больших данных обычно определяют через объем (Volume), скорость обработки (Velocity), разнообразие (Variety), вариативность (Variability), достоверность (Veracity), изменчивость (Volatility) и т.п. (совокупность нескольких V).

Можно говорить о том, что большие данные по своей сути представляют собой определенным образом обрабатываемую с использованием различных технологических решений раз-

⁴ Терещенко Т. Что думает законодатель о больших пользовательских данных? // URL: https://zakon.ru/blog/2018/10/27/chto_dumaet_zakonodatel_o_bolshih_polzovatel'skikh_dannyh (дата обращения: 03.05.2023).

⁵ См., например: Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4558; Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

⁶ Big data // URL: <https://www.gartner.com/en/information-technology/glossary/big-data> (дата обращения: 03.05.2023).

⁷ ГОСТ Р ИСО/МЭК 20546-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационные технологии. Большие данные. Обзор и словарь» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 13.07.2021 № 632-ст). М.: Стандартинформ, 2021.

⁸ Макаров А., Зуйкова А. Что такое big data и как они устроены // Блог сайта «Яндекс.Практикум». URL: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-big-data/> (дата обращения: 03.05.2023).

⁹ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М.: Проспект, 2023. С. 13–14.

¹⁰ Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.

нообразную информацию больших объемов, изменяющуюся с большой скоростью. Анализ такой информации и представляет существенный интерес, а с учетом объема, изменчивости и скорости прироста он невозможен без применения современных технологических решений, прежде всего искусственного интеллекта. Таким образом, для определения больших данных как объекта гражданских прав следует признать, что они сами по себе являются сложным явлением: содержат различную информацию, требующую сбора, хранения и обработки, а также технологические решения, применяемые для извлечения этой информации и ее анализа.

В состав больших данных могут быть включены как персональные, так и обезличенные данные¹¹. Определение правового режима больших данных усложняется тем, что в современном гражданском законодательстве информация сама по себе не признается самостоятельным объектом гражданских прав, воплощаясь в других поименованных объектах.

Персональные данные включают в себя информацию, которая изначально имеет режим тайны, может быть воплощена в различных нематериальных благах (неприкосновенности частной жизни, личной, семейной, других видов тайн). При этом нематериальные блага являются неотчуждаемыми, непередаваемыми объектами. Между тем по согласию гражданина информация о нем может быть передана, обработана и даже распространена, в связи с чем возникает вопрос о возможности возникновения исключительного имущественного права в отношении персональных данных.

Обезличивание персональных данных должно обеспечить невозможность определения их

принадлежности конкретному лицу без использования дополнительной информации. Например, в Европейском Союзе для этого используется термин «псевдонимизация»¹². Однако отмечается, что сбор обезличенных данных из различных источников, их сопоставление позволяет получить идентифицирующую информацию о субъекте¹³.

Высказывалось также мнение о том, что в целом большие данные должны быть признаны обезличенной информацией, в связи с чем предлагалось исключить регулирование исследуемых отношений, допуская свободную обработку такой информации¹⁴.

Предпринималась попытка дать легальное определение больших пользовательских данных¹⁵. При этом предлагалось рассматривать их именно в качестве обезличенной информации.

Как подмножество больших данных о физических лицах, но без персональных данных определялись большие пользовательские данные в литературе. К их неправовым признакам относят специфику их источников (социальные сети, поисковики и т.п.), формата (текст, видео и т.п.)¹⁶.

А. В. Лисаченко выделяет такую категорию, как большие геномные данные, делая вывод о несоответствии ожидаемых рисков свободного обращения геномной информации и реальных, куда более существенных рисков, связанных с использованием «больших геномных данных», даже если те индивидуально анонимны. Предлагается исключить их свободное обращение¹⁷.

Говоря о больших данных, следует иметь в виду, что интерес для гражданского оборота представляет не просто информация в больших объемах, а соответствующим образом обрабо-

¹¹ См.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

¹² Регламент (ЕС) 2016/679 Европейского парламента и совета от 27.04.2016 «О защите физических лиц в отношении обработки персональных данных и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46 / ЕС (Общие правила защиты данных)» (GDPR) // URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679> (дата обращения: 03.05.2023).

¹³ Макаров А., Зуйкова А. Указ. соч.

¹⁴ Регулирование big data в России // URL: https://proright.ru/2018/12/03/Big_data/ (дата обращения: 03.05.2023).

¹⁵ Законопроект № 571124-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/571124-7> (дата обращения: 03.05.2023).

¹⁶ Карпычев В. Ю. Правовое регулирование больших данных: пусть будет // Юрист. 2022. № 4. С. 68–73.

¹⁷ Лисаченко А. В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 140–151.

танная информация, которая была собрана из различных источников, очищена, извлечена¹⁸, сохранена, обработана (для этого может быть использовано специальное программное обеспечение, например Hadoop¹⁹, Apache Spark²⁰) и проанализирована (для анализа данных также используются различные технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта, нейросетей)²¹.

Таким образом, технология больших данных состоит не просто из самого массива информации, но также из различных электронных средств сбора, очистки, извлечения, хранения, обработки и анализа данных, которые представляют собой компьютерные программы и иные результаты интеллектуальной деятельности. Сегодня актуальной является проблема определения правового режима исследуемой технологии как объекта гражданских прав. Гражданско-правовой режим больших данных в связи со сложностью их составных частей в настоящее время однозначно не определен в действующем законодательстве.

Высказывалась позиция, согласно которой большие данные можно рассматривать в качестве информационной услуги, кроме того, предлагалось признать их новым нетрадиционным объектом интеллектуальной собственности²².

Если определить большие данные как информационную услугу, возникает вопрос: каким образом могут быть защищены права лица, получающего возможность сбора, обработки, хранения информации о пользователях различных платформ на законных основаниях? Ведь зачастую существует риск совершения неправомерных действий иными лицами, в результате чего произойдет утечка накопленных данных, персональная информация может стать доступной широкому кругу лиц²³. Думается, нельзя определить большие данные только в качестве информационной услуги, так как в этом случае

остается открытым вопрос о правах лица, осуществившего сбор данных, их извлечение, хранение, обработку, анализ.

Обладателем данных может быть тот субъект, который на законных основаниях произвел их сбор, обработку, хранение. Очевидно, указанный субъект может предоставлять результаты анализа соответствующей информации иным лицам в рамках договора на предоставление информации. В литературе выделяют также категорию так называемых информационных брокеров, которые приобретают, обрабатывают и впоследствии перепродают данные²⁴. Однако при осуществлении такого рода деятельности недопустимо ущемлять личные неимущественные и иные права субъекта персональных данных: закрытая (конфиденциальная) информация может быть обработана только при условии получения согласия обладателя и обеспечения правомерного доступа к ней.

Согласно позиции Л. Ю. Василевской, большие данные как объект гражданских прав могут рассматриваться как самостоятельный сложный единый неделимый объект (единая технология), в состав которого могут входить различные охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, благодаря которым большие данные предстают перед нами как база данных. Обязательным элементом больших данных считается искусственный интеллект. Предлагается включить большие данные в перечень результатов интеллектуальной деятельности, закрепленный в ГК РФ²⁵.

Следует отметить, что база данных уже именована в действующем законодательстве в качестве охраняемого результата интеллектуальной деятельности, в связи с чем Л. Ю. Василевская также отмечает, что при рассмотрении больших данных в качестве базы данных следует устранить все противоречия в правовом режиме этого объекта интеллектуальных прав²⁶.

¹⁸ См.: Карпычев В. Ю. Указ. соч. С. 68–73.

¹⁹ URL: <https://hadoop.apache.org/> (дата обращения: 03.05.2023).

²⁰ URL: <https://spark.apache.org/> (дата обращения: 03.05.2023).

²¹ Макаров А., Зуйкова А. Указ. соч.

²² Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.

²³ См., например: Маресов Р. Данные, которые мы не уберегли, и уроки, которые мы извлекли // URL: <https://yandex.ru/blog/company/dannye-kotorye-my-ne-uberegli-i-uroki-kotorye-my-izvlekli> (дата обращения: 03.05.2023).

²⁴ См: Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 128.

²⁵ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 18–19.

А. П. Сергеев, Т. А. Терещенко справедливо отмечают, что если рассматривать большие данные как базу данных, то нельзя представить их объектом авторского права, но и режим объекта смежных прав не вполне годится для надлежащего регулирования отношений по использованию больших данных²⁷.

Е. А. Войниканис, В. О. Калятин также не считают вполне обоснованным применение к базам данных режима объекта авторского права²⁸.

Таким образом, признание больших данных базой данных на современном этапе без уточнения правового режима последней всё же не позволяет сделать однозначный вывод о том, что в действующем законодательстве в полной мере определен правовой режим больших данных. Формально понятие больших данных не охватывается легальным определением базы данных, закрепленным в законе.

В связи с неопределенностью правового режима больших данных высказывается позиция, что большие данные не могут являться объектами исключительных прав²⁹. Следует отметить, что при этом не конкретизируется гражданско-правовой режим больших данных в качестве конкретного вида объектов гражданских прав.

Кроме того, ученые отмечают, что «большие данные можно рассматривать с четырех позиций: 1) как плату за пользование услугой, 2) фактор конкуренции, 3) барьеры входа (экспансии) на рынок и 4) товар»³⁰, что также не позволяет определить, к какому именно виду объектов гражданских прав можно отнести большие данные. Безусловно, с точки зрения экономической науки право на использование больших данных может быть отчуждено, но нельзя придавать большим данным такой же режим, как режим вещей, товара.

Существует позиция, в соответствии с которой в состав больших данных могут входить

различные объекты гражданских прав — целый комплекс объектов. При этом предлагается выделить большие данные в качестве самостоятельного объекта гражданских прав³¹. В целом следует согласиться с тем, что большие данные включают в себя разные объекты, тем не менее высказанная позиция не позволяет определить место больших данных в системе объектов гражданских прав.

Итак, анализ положений действующего законодательства и доктринальных подходов к определению гражданско-правового режима больших данных приводит к выводу, что однозначное определение больших данных в качестве конкретного вида объектов гражданских прав не выработано на современном этапе. Думается, наиболее сбалансированным выглядит воззрение о возможности отнесения больших данных к самостоятельному виду сложных объектов интеллектуальных прав, что тем не менее требует внесения изменений в действующее гражданское законодательство, в том числе в части уточнения правового режима базы данных³².

Неопределенность гражданско-правового режима больших данных неизбежно влечет за собой проблемы в осуществлении и защите прав на данный объект.

В отечественной судебной практике был сформулирован подход, в соответствии с которым сведения, составляющие данные о пользователях социальной сети, могут относиться к базе данных, а права администратора социальной сети — рассматриваться как смежные права изготовителя базы данных³³.

Следует обратить внимание на то, что в рамках указанного дела установлено следующее: иным лицом было самостоятельно разработано программное обеспечение, которое на основе оригинальных технологических методов и алгоритмов поиска, хранения и анализа данных

²⁶ Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 25.

²⁷ Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Указ. соч.

²⁸ Войниканис Е. А., Калятин В. О. База данных как объект правового регулирования : учеб. пособие для вузов. М. : Статут, 2011.

²⁹ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020.

³⁰ Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. С. 123.

³¹ Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. С. 480.

³² Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Указ. соч. С. 21–22.

³³ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2018 № С01-201/2018 по делу № А40-18827/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

из социальных сетей позволяет собирать и в автоматизированном режиме обрабатывать данные о пользователях для оценки кредитоспособности потенциальных и существующих заемщиков — пользователей таких социальных сетей³⁴.

На основе данной ситуации можно определить возможные варианты, связанные с осуществлением прав на большие данные и проблемами их защиты.

Прежде всего, если рассматривать непосредственно социальные сети, иные инновационные цифровые платформы, к которым получают доступ физические лица, изначально информация о пользователях, в том числе их персональные данные, размещается в базе данных пользователей социальных сетей, иных цифровых платформ по их воле: на данном этапе наполнение базы данных информацией осуществляется не изготовителем, а пользователями. Обработка персональных данных осуществляется на основании согласия субъекта персональных данных. Очевидно, при размещении в сети личной информации должно быть получено согласие пользователя. При этом отношения между администратором сайта и пользователем устанавливаются на основании договора, согласно которому пользователь получает доступ к информационной системе, услугам соответствующего сервиса. Обычно такие договоры называются пользовательскими соглашениями, правилами пользования сайтом³⁵ и т.п., они заключаются в форме электронного документа, как правило, путем клика (click-wrap), подтверждающего присоединение к условиям соглашения. Помимо указанных правил разрабатываются иные документы, на-

пример Правила защиты информации о пользователях сайта VK.com³⁶.

При заключении соглашений пользователь получает логин и пароль от своей страницы в соответствующей системе, предоставляет соответствующую информацию, в частности имеющую режим персональных данных, администратору сети. Следует сделать акцент на том, что соглашение между владельцем соответствующей платформы и пользователем и согласие на обработку и распространение персональных данных по действующему законодательству рассматриваются как разные юридические факты. Соглашение является двусторонней сделкой — договором, согласие можно рассматривать как одностороннюю сделку, оно может быть в любой момент отозвано пользователем.

В связи с тем, что в условиях цифровизации отношений подобные пользовательские соглашения получили широкое распространение, возникает вопрос об их правовой природе.

Е. Б. Подузова рассматривает пользовательское соглашение как лицензионный договор³⁷. Л. В. Кузнецова предлагает использовать для таких договоров модель оказания услуг³⁸. В. О. Пучков указывает, что исследуемые отношения носят потребительский характер³⁹. С. А. Краснова признает, что разные платформы предлагают разные модели договорных отношений, а возникающие судебные споры с участием операторов платформ и пользователей демонстрируют отсутствие однозначности в оценке судами роли оператора⁴⁰.

Думается, данные договоры содержат в себе элементы не только лицензионного договора, но и договора оказания услуг, а в иногда и элементы других договоров, в связи с чем их

³⁴ См. также категорию профайлинга как метода поиска данных, который позволяет сопоставлять огромное количество различных данных, чтобы оценить, насколько лицо или событие соответствуют каким-либо характеристикам или насколько ожидаемо от лица определенное поведение (см. подробнее: *Право в сфере Интернета : сборник статей / М. З. Али, Д. В. Афанасьев, В. А. Белов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018*).

³⁵ См., например: *Правила пользования сайтом «ВКонтакте»* // URL: <https://vk.com/terms> (дата обращения: 03.05.2023).

³⁶ URL: <https://vk.com/privacy> (дата обращения: 03.05.2023).

³⁷ *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 86–88.

³⁸ Привод. по: *Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А.* Указ. соч. С. 84.

³⁹ *Пучков В. О.* Посмертная передача цифровых объектов: пользовательское соглашение vs национальное наследственное право // *Наследственное право*. 2020. № 3. С. 17–23.

⁴⁰ *Краснова С. А.* Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022. № 1. С. 67–82 ; № 2. С. 76–86.

можно отнести в большинстве случаев к смешанным договорам.

Является ли пользовательское соглашение возмездным или безвозмездным? Думается, в современных реалиях понимание природы этого договора в качестве безвозмездного будет не вполне точным, поскольку при его заключении выгоду получают обе стороны: пользователь имеет доступ ко всем сервисам соответствующего сайта, а его владелец получает информацию, формирующую базу данных, к которой применимы технологии больших данных, что в итоге приобретает самостоятельную ценность.

Высказывается мнение о том, что люди заслуживают более весомой компенсации, чем бесплатные сервисы, что они имеют право получать плату за информацию о себе напрямую. Предлагается создавать биржи персональных данных, которые позволят пользователям монетизировать информацию о себе. Приводятся примеры стартапов, которые помогают людям распорядиться своими данными⁴¹.

В дальнейшем обработка полученных данных, создание базы данных пользователей, анализ данных могут осуществляться непосредственно владельцем сайта, с которым пользователь заключил соглашение и которому было дано согласие на совершение указанных действий. В этом смысле осуществление прав на полученные большие объемы данных может осуществляться в рамках реализации исключительного права на базу данных ее изготовителем. Передача полученных в результате анализа больших данных сведений, имеющих самостоятельную ценность, третьим лицам также должна осуществляться с соблюдением требований законодательства о персональных данных: их распространение возможно только, если было получено согласие на это от субъекта персональных данных. При наличии соответствующего согласия, думается, владелец инновационной платформы может заключать с третьими лицами лицензионные договоры на самостоятельную обработку ими таких данных либо, если речь идет о передаче информации, полученной в связи с обработкой данных самим

оператором, возможно заключение договора оказания услуг о предоставлении информации.

Поскольку часть информации, в том числе персональных данных, после ее размещения на соответствующем сайте становится общедоступной, появляется возможность обработки ее третьими лицами самостоятельно. Соответственно, должны быть соблюдены права как пользователя, разместившего личную информацию в сети, так и изготовителя базы данных (владельца соответствующего сайта, на котором размещена информация). Генерирование новых больших данных, основанных на анализе открытой информации, с одной стороны, вряд ли может быть запрещено или ограничено, с другой стороны, требует соблюдения исключительных прав обладателей соответствующих исходных ресурсов (данных, программ и т.п.). В связи с этим может быть поставлен вопрос о возможности применения института открытой неисключительной лицензии на использование общедоступных данных для дальнейшей их обработки и последующего анализа.

Заключение

На основе анализа действующих норм, судебной практики и доктринальных источников можно сделать вывод о том, что осуществление и защита прав на большие данные возможны в рамках отношений, складывающихся по поводу результатов интеллектуальной деятельности. Если передаются сведения, полученные вследствие применения технологий больших данных, речь может идти о заключении договора оказания услуг по предоставлению информации. Безусловно, при осуществлении прав на большие данные правообладатель должен соблюдать личные неимущественные права лиц, информация о которых в итоге формирует большой объем данных в информационной системе, в том числе обеспечить конфиденциальность персональных данных, а в случае их распространения получить согласие на это пользователя в установленном порядке.

⁴¹ Регулирование big data в России // URL: https://proright.ru/2018/12/03/Big_data/ (дата обращения: 03.05.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: big data в механизме гражданско-правового регулирования (цивилистическое исследование) : монография : в 5 т. Т. 5 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2023. 360 с.
- Войниканис Е. А. Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности: общие подходы, проблемы и перспективы развития // Закон. 2020. № 7. С. 135–156.
- Войниканис Е. А., Калятин В. О. База данных как объект правового регулирования : учеб. пособие для вузов. М. : Статут, 2011. 174 с.
- Карпычев В. Ю. Правовое регулирование больших данных: пусть будет // Юрист. 2022. № 4. С. 68–73.
- Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 67–82 ; № 2. С. 76–86.
- Ларионова В. А. Информационный брокер как новый субъект информационного права в эпоху big data // Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. С. 62–103.
- Лисаченко А. В. Правовой режим «больших геномных данных»: за и против свободного обращения // Российский юридический журнал. 2022. № 2. С. 140–151.
- Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. 528 с.
- Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. 896 с.
- Пучков В. О. Посмертная передача цифровых объектов: пользовательское соглашение vs национальное наследственное право // Наследственное право. 2020. № 3. С. 17–23.
- Савельев А. И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. 2018. № 5. С. 122–144.
- Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020. 304 с.
- Сергеев А. П., Терещенко Т. А. Большие данные: в поисках места в системе гражданского права // Закон. 2018. № 11. С. 106–123.
- Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.
- Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019.
- Frawley W., Piatetsky-Shapiro G., Matheus C. Knowledge Discovery in Databases: An Overview // AI Magazine. 1992. P. 213–228.

REFERENCES

- Blazheyev VV, Egorova MA, editors. Digital Law: A textbook. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
- Frawley W, Piatetsky-Shapiro G, Matheus C. Knowledge Discovery in Databases: An Overview. *AI Magazine*. 1992;213-228.
- Karpychev VYu. Legal Regulation of Big Data: Let it Be. *Yurist [Jurist]*. 2022;4:68-73. (In Russ.).
- Krasnova SA. Civil Status of Online Platform Operators: Uncertain Present and Possible Future. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. 2022;1:67-82; 2022;2:76-86. (In Russ.).
- Larionova VA. Information Broker as a New Subject of Information Law in the Era of Big Data. In: *Pravo v sfere Interneta: sbornik statey*. Moscow; Statut Publ.; 2018. Pp. 62–103. (In Russ.).
- Lisachenko AV. Legal Regime of «Big Genomic Data»: Pros and Cons of Free Circulation. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 2022;2:140-151. (In Russ.).
- Podshivalova TP, Titova EV, Gromova EA, editors. The Law of the Digital Environment. A monograph. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Puchkov VO. Posthumous Transfer of Digital Objects: User Agreement vs. National Inheritance Law. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2020;3:17-23. (In Russ.).

Rozhkov MA, editor. E-commerce and related areas (legal regulation). A collection of papers. Moscow; Statut Publ.; 2019. (In Russ.).

Rozhkov MA, editor. Law in the Sphere of the Internet. A collection of papers. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).

Sannikova LV, Kharitonova YuS. Digital Assets: Legal Analysis. A monograph. Moscow: 4 Print Publ.; 2020. (In Russ.).

Savelev AI. Directions of Big Data Regulation and Protection of Privacy in the New Economic Realities. *Zakon*. 2018;5:122-144. (In Russ.).

Sergeev AP, Tereshchenko TA. Big Data: In Search of a Place in the Civil Law System. *Zakon*. 2018;11:106-123. (In Russ.).

Vasilevskaya LYu, Poduzova EB, Tasalov FA. Digitalization of Civil Turnover: Big Data in the Mechanism of Civil Law Regulation (Civil Research). A monograph. In 5 vols. Vol. 5. Vasilevskaya LYu, editor. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Voynikanis EA, Kalyatin VO. Database as an Object of Legal Regulation: A textbook for universities. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).

Voynikanis EA. Big Data Regulation and Intellectual Property Law: General Approaches, Problems and Prospects of Development. *Zakon*. 2020;7:135-156. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аюшеева Ирина Зориктуевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
izayusheeva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Ayusheeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
izayusheeva@msal.ru

Статья поступила в редакцию 3 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 6 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 03.04.2023.

Revised 06.06.2023.

Accepted 15.09.2023.

DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145

Е. Г. Стрельцова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Цифровое исполнительное производство

Резюме. Одним из направлений цифровизации является введение цифрового исполнительного производства. В статье анализируются: специфика цифрового исполнительного производства в соотношении с предшествующим этапом защиты права — судебными и внесудебными порядками; проблемы устранения правовых и фактических ошибок, допущенных на этапе подтверждения права; совместимость механизма поворота исполнения с цифровым исполнительным производством. Оцениваются совместимость текущих правил исполнительного производства с упрощенным цифровым исполнительным производством и риски дополнительных бюджетных расходов, связанные с несовершенным механизмом поворота исполнения в цифровом исполнительном производстве. Выделены три варианта исполнительных производств, в которых могут быть задействованы информационные технологии: упрощенное обращение взыскания на денежные средства, обращение взыскания на иное имущество, обращение взыскания на цифровые активы. Обосновано, что упрощенное исполнительное производство, применяемое в отношении денежных взысканий, должно исключить возможность взыскания через банки и работодателя. На основании анализа статистических данных демонстрируется, что большинство взысканий потребует перехода из цифрового исполнительного производства в ординарное исполнительное производство, следовательно, необходимо решение проблемы регулирования вопросов предоставления срока на добровольное исполнение, взыскания исполнительского сбора, ареста имущества и т.д. В ординарном исполнительном производстве использование информационных технологий должно быть направлено на решение проблемы обнаружения имущества неисполняющего должника; это требует законодательных и технологических решений по перекрестному анализу информации, необходима единая база сведений о долговых обязательствах, имеющихся денежных средствах, имуществе лица и его расходах, совмещенная с базой, обеспечивающей возможность применения типичных запретов, лишения типичных льгот и преимуществ. Сделан вывод, что для продвижения национальной юрисдикции в трансграничных спорах необходимо развивать направление разрешения споров в отношении цифровых активов, и предложены конкретные меры для этого развития.

Ключевые слова: упрощенное исполнительное производство; информационные технологии; ошибка; поворот исполнения; денежные взыскания; цифровые активы; трансграничные споры; национальная юрисдикция

Для цитирования: Стрельцова Е. Г. Цифровое исполнительное производство. *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 10. С. 135–145. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145

Благодарности. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

Digital Enforcement Proceedings

Elena G. Streltsova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. One of the directions of digitalization is the introduction of digital enforcement proceedings. The paper analyzes the specifics of digital enforcement proceedings in relation to the previous stage of legal protection — judicial and extrajudicial procedures; the problems of eliminating legal and factual errors made at the stage of confirming the right and the compatibility of the mechanism of restitution with digital enforcement proceedings. The compatibility of the current rules of enforcement proceedings with summary digital enforcement proceedings and the risks of additional budget expenditures associated with an imperfect mechanism for a writ of restitution in digital enforcement proceedings are evaluated. There are three ways to enforce proceedings in which information technologies can be involved: simplified foreclosure on funds, foreclosure on other property, foreclosure on digital assets. It is proved that the summary enforcement proceedings applied to monetary penalties should exclude the possibility of recovery through banks and the employer. Based on the analysis of statistical data, it is demonstrated that most of the penalties will require a transition from digital enforcement proceedings to ordinary enforcement proceedings, therefore, a solution is required to regulate the issues of granting a term for voluntary execution, collection of enforcement fees, seizure of property, etc. In ordinary enforcement proceedings, the use of information technology should be aimed at solving the problem of detecting the property of a non-performing debtor; this requires legislative and technological solutions for cross-analysis of information, a single database of information on debt obligations, available funds, the property of a person and their expenses, combined with a base that provides the possibility of applying typical prohibitions, deprivation of typical benefits and privileges. It is concluded that in order to promote national jurisdiction in cross-border disputes, it is necessary to develop the direction of dispute resolution in relation to digital assets, and specific measures for this development are proposed.

Keywords: summary enforcement proceedings; information technology; error; writ of restitution; monetary penalties; digital assets; cross-border disputes; national jurisdiction

Cite as: Streltsova EG. Digital Enforcement Proceedings. *Lex Russica*. 2023;76(10):135-145. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2023.203.10.135-145

Acknowledgements. The paper was prepared within the framework of the state task «The Russian legal system in the realities of the digital transformation of society and the state: adaptation and prospects for responding to modern challenges and threats (FSMW-2023-0006)». Registration number: 1022040700002-6-5.5.1.

Введение

Проблема эффективности исполнительного производства актуальна с начала 1990-х гг. Изменения в законодательстве об исполнительном производстве и об организации службы судебных приставов, перераспределение функций между судами и службой судебных приставов, увеличение финансирования ФССП — все эти меры не привели к существенному изменению в результативности исполнения исполнительных документов. Так, в 2019 г. в среднем на одного судебного пристава приходилось 4,3 тыс. исполнительных производств, в 2020 г. — 4,6 тыс.¹,

в 2021 г. — 4,9 тыс., в 2022 г. — 5,6 тыс.², а в Татарстане в 2022 г. нагрузка составила 8,8 тыс. исполнительных производств на одного судебного пристава³.

При этом надо учитывать, что часть исполнительных документов исполняется вне обращения к ФССП: через работодателей и других лиц, выплачивающих периодические платежи, банки, держателей реестров ценных бумаг, а также при обращении взыскания на средства бюджетов бюджетной системы России и на средства участников казначейского сопровождения.

Невозможно считать эффективной защиту права в случае, если не достигается его реаль-

¹ URL: <https://tass.ru/obschestvo/10949209> (дата обращения: 25.04.2023).

² URL: <https://fssp.gov.ru/2837777/> (дата обращения: 11.03.2023).

³ URL: <https://tatarstan.ru/index.htm/news/2168291.htm> (дата обращения: 17.02.2023).

ное восстановление, — это очевидный постулат. Точно так же не может быть привлекательной юрисдикция, не способная обеспечить эффективность исполнения. Таким образом, эффективность исполнительного производства не только является фактором, влияющим на внутрисударственный правопорядок, но также может оказывать самое существенное воздействие на выбор России в качестве страны — места рассмотрения спора, обеспечивая конкурентоспособность национальной юрисдикции на международном рынке разрешения трансграничных споров. Идея цифрового исполнительного производства откликается на оба этих вызова. Не являясь панацеей от всех сложностей исполнительного производства, информационные технологии могут решить часть проблем стагнации принудительного исполнения. Выделяются следующие направления применения технологий при принудительном исполнении:

1) введение упрощенного исполнительного производства;

2) использование аналитических возможностей цифровых технологий и возможностей больших данных;

3) принудительное исполнение в отношении цифровых активов.

Каждое из этих направлений относительно самостоятельно, нацелено на решение различных задач и требует разных законодательных и технологических решений.

Первое направление — *упрощенное исполнительное производство*. Идея упрощенного исполнительного производства вытекает из общей тенденции «стремительного упрощения правовых процедур в ключевых юрисдикционных органах», в том числе при принудительном исполнении⁴. Она связана прежде всего с автоматизацией исполнительного производства в части взыскания денежных средств. Часть 4 ст. 5 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» устанавливает, что «Федеральная служба судебных приставов использует государственные информационные системы, а также в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, может принимать решения и обмениваться

информацией в автоматическом режиме (без участия должностных лиц службы судебных приставов)»⁵.

В настоящий момент в рамках работы суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» предусмотрена следующая модель:

1) подача исполнительного документа через суперсервис «Госуслуги» (либо направление исполнительного документа судом);

2) автоматизированное извещение о начале исполнительного производства;

3) обязанность банков сообщить приставу о денежных счетах и движениях по ним для принятия решения;

4) автоматизированное обращение и отмена взыскания на денежные средства должника, а также на заработную плату и (или) иные доходы должника;

5) автоматизированное взыскание исполнительского сбора;

6) автоматизированное наложение и снятие арестов, ограничений, запретов;

7) автоматизированное окончание исполнительного производства.

ФССП планирует ввести реестровую модель исполнительного производства и подключить искусственный интеллект к поиску должников и сбору информации о них. Было запланировано, что к 2023 г. 80 % решений службы должны приниматься автоматически⁶.

Анализ автоматизированного алгоритма позволяет прийти к выводу, что предлагаемая модель максимально близка к структуре принудительного исполнения, осуществляемого при обращении взыскания на денежные средства должника через банки и работодателя. Решение создать единый универсальный порядок является правильным, поскольку обеспечивает большую защищенность и взыскателя, и должника. Само по себе введение централизованного цифрового упрощенного порядка снижает риск незаконных действий при принудительном исполнении, существующих в текущей исполнительной практике, таких как предъявление фальсифицированных исполнительных документов к исполнению, использование механизмов принудительного исполнения для выведения денежных средств за рубеж, для

⁴ Ярков В. В., Ренц И. Г. Действительность принципов нотариата в XXI веке: новые вызовы // Закон. 2019. № 7. С. 30–43.

⁵ Ст. 4 Федерального закона от 21.12.2021 № 417-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8976.

⁶ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5049787> (дата обращения: 25.10.2021).

обналичивания денежных средств, для легализации (отмывания) денежных средств. Однако для того, чтобы защищенность была действительной, а исполнение — эффективным, необходимо решить ряд практических и юридических проблем.

Развивая идею автоматизации исполнительного производства, В. А. Гуреев предлагает возможность введения упрощенных процедур исполнения незначительных по сумме исполнительных документов без обязательного возбуждения исполнительного производства⁷.

Предложение О. П. Гурьева более сдержанно. Делая оговорку о том, что в упрощенном исполнительном производстве предполагается систематическое использование информационных технологий, он полагает, что само производство должно вестись через судебного пристава⁸, т.е. что в исполнительном производстве человек не будет удален из упрощенного порядка взыскания.

Е. Н. Кузнецов предлагает перевести исполнительное производство по взысканию по судебным приказам полностью в цифровой формат⁹.

Во всех предложениях содержится идея минимизации человеческого участия в исполнительном производстве. Ее смысл заключается в высвобождении времени судебных приставов от технической работы и минимизации расходов по исполнению. Но в каких случаях будет применимо предложение об упрощенном исполнительном производстве и какие риски оно несет?

Прежде всего следует помнить, что исполнительное производство — это завершающий этап защиты права, которому предшествовал этап установления наличия нарушения права. Не будет избыточным предположить, что в упрощенном исполнительном производстве преимущественно будут исполняться исполнительные документы, выданные на основе упрощенных и приказных порядков установления права требования. Сами по себе, в том числе отдельно от дискуссии об упрощенном исполнительном производстве, эти порядки

также предлагается автоматизировать. Таким образом, это позволит подчинить интеллектуальному алгоритму всю цепочку защиты права, от момента обращения с заявлением о наличии факта нарушения права до его исполнения. В таком варианте действительно можно полностью обойтись без решений, принимаемых человеком, передав анализ документов интеллектуальному алгоритму. Однако сам по себе этот вариант содержит проблему отсутствия механизмов выявления допущенных ошибок, и в настоящее время законодатель не учитывает специфику этих ошибок.

Между тем в обсуждаемом варианте могут содержаться следующие ошибки: 1) ошибка программы, 2) ошибка ввода данных, 3) ошибка в прилагаемых документах (включая их фальсификацию). Ни один из вариантов этих ошибок в настоящий момент не имеет разработанного процессуального порядка устранения.

Очевидно, что для ошибок первого типа (ошибка программы) вряд ли могут быть применимы общие сроки обжалования, установленные законом: время выявления такой ошибки может составлять годы или даже десятилетия. Следовательно, необходимо устанавливать особые сроки и особый порядок устранения этих ошибок, вероятно, более сходный с пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, чем с апелляционным производством.

Последствия устранения ошибки ввода данных прямо зависят от того, на каком этапе и кем допущена ошибка ввода: это может быть ошибка, совершенная должностным лицом; ошибка, допущенная стороной спора, и т.д. В этом случае также необходимо предусматривать особые правила отмены вынесенного постановления: действующее законодательство не предусматривает соответствующих оснований отмены, а для приказного производства эта ошибка практически неустранима из-за специфики пределов пересмотра судов кассационной инстанции.

Наконец, проблема ошибок в прилагаемых документах требует общего законодательно-технического решения. Учитывая, что пере-

⁷ Гуреев В. А. Оптимизация исполнительного производства и упрощение процедур взыскания Федеральной службой судебных приставов: вызовы, проблемы и пути их решения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 3–9.

⁸ Гурьев О. П. Упрощенное исполнительное производство: размышления о предпосылках и содержании правового института // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 12. С. 19–22.

⁹ Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 14.

крестной проверке может быть подвергнут не всякий документ, очевидно, необходимо предусмотреть двойственность верификации подлинности документа. Так, для документов, которые могут быть проверены по другим источникам, на основании перекрестной перепроверки сведений, требуется внедрение сервиса, позволяющего обеспечить загрузку информации, ее аналитическую проверку и перекрестный обмен информацией. Проблема заключается в том, что эта информация не может исходить исключительно из государственных источников, и в этом смысле требуется предоставление возможности загрузки информации коммерческим и некоммерческим организациям, а также частным лицам. При этом достоверность загруженной информации должна подтверждаться различным образом в зависимости от того, кем выдан соответствующий документ и кто его загружает в систему.

Однако всё вышеперечисленное — нерешенные проблемы только первого этапа защиты права. Они кратно усложняются при упрощенном исполнительном производстве. Во-первых, подача документа через сайт «Госуслуги» требует создания единого реестра исполнительных документов с целью их верификации, что в настоящее время затруднительно в отношении некоторых исполнительных документов, поскольку отсутствует единый учет этих лиц (КТС, медиаторов, осуществляющих внесудебное медиативное урегулирование). В связи с этим целесообразно создать единый реестр субъектов, осуществляющих деятельность по рассмотрению или урегулированию споров и обязать таких лиц вносить в единую базу принятые ими исполнительные документы. В целях обеспечения функционирования суперсервиса закон предписывает, помимо более точной верификации должников и взыскателей, чтобы «организации, через которые производится уплата денежных средств в счет погашения задолженности по исполнительному производству, направляли информацию об их уплате в Государственную информационную систему о государственных и муниципальных платежах» (ст. 4 Федерального закона от 21.12.2021 № 417-ФЗ). Обращение к этой же системе (ГИСГМП) становится обязательным при решении вопроса о возбуждении исполнительного производства. Этот подход можно только одобрить, поскольку хотя бы по некоторым вопросам вводится перекрестная проверка поступающей информации. Это важный задел

для продолжения работы в направлении формирования достоверных данных в исполнительном производстве.

Тем не менее часть положений Федерального закона от 21.12.2021 № 417-ФЗ фактически ориентируют на работу судебных приставов-исполнителей в ручном режиме. Судебными приставами-исполнителями «в целях установления идентификаторов должника и взыскателя (страхового номера индивидуального лицевого счета, идентификационного номера налогоплательщика, серии и номера документа, удостоверяющего личность) на основании исполнительного документа у соответствующих органов могут запрашиваться указанные сведения с использованием государственных информационных систем. В целях уведомления должника и взыскателя у операторов связи могут запрашиваться номера телефонов должника и взыскателя». Сходным образом изменения к ст. 67 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ устанавливают, что, «получив из Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах информацию об уплате задолженности по исполнительному документу, судебный пристав осуществляет проверку достаточности указанной уплаты, по результатам которой принимает решение о снятии временного ограничения на выезд должника из Российской Федерации». Изменения к ст. 69 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ предписывают, что «информационный обмен с банками и иными кредитными организациями, налоговыми органами, а также с органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на имущество, осуществляется с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия... в течение трех дней». Фактически и в этом случае речь идет о ручном режиме собирания и проверки информации. Примечательно, что во всех приведенных примерах изменения норм закона речь идет о подборе и анализе информации человеком. То есть часть механизмов коммуникации типа «человек — человек» превращены в коммуникации типа «человек — машина — человек», в которых машина выполняет лишь функцию накопителя информации. Главные интеллектуальные возможности информационных технологий не используются. Таким образом, минимизируются преимущества, связанные с возможностями межведомственного анализа информации, сквозной проверки достоверности данных, автоматизированного

принятия процессуальных решений исходя из маркерных данных. Между тем устранение работы человека из этой цепочки влияет сразу на несколько проблемных участков в деятельности службы: загруженность судебных приставов-исполнителей; устранение «человеческого фактора» при анализе информации, ведущего к ошибке; устранение повода для коррупционной составляющей. Полагаем, что дальнейшее развитие цифрового исполнительного производства в значительной степени зависит от технических возможностей, в том числе от уровня программного обеспечения, которое должно быть направлено на повышение уровня его аналитичности и одновременно на устранение излишних действий человека, способных внести ошибку в алгоритмизированный порядок.

Следует подчеркнуть, что параллельно с внедрением механизма взыскания в рамках упрощенного исполнительного производства необходима разработка механизмов, обеспечивающих устранение правовых и фактических ошибок. В настоящее время закон не располагает универсальными механизмами, обеспечивающим эффективное восстановление нарушенного права, соответствующими специфике упрощенного порядка. Инструментом, позволяющим исправить ошибки, допущенные при упрощенном исполнительном производстве в части произведенных взысканий, выступает поворот исполнения (ст. 443 ГПК РФ, ст. 326 АПК РФ) в отношении исполнительных документов, выданных судами. В отношении остальных исполнительных документов порядок поворота исполнения отсутствует как таковой, соответственно, может быть осуществлен либо путем обращения к субъекту, выдавшему соответствующий исполнительный документ, либо посредством судебного порядка защиты права, например путем оспаривания исполнительной надписи нотариуса в особом производстве. При этом правовое регулирование, в принципе не учитывающее потенциальную дефектность основания исполнения во внесудебных порядках, создает дополнительные преграды должнику для защиты своего права.

Так, С. Ю. Катукова, Е. А. Нахова приводят прямо противоречащие друг другу примеры судебной практики, в одном из которых истец обратился с иском к кредитной организации о признании недействительным пункта инди-

видуальных условий кредитования о возможности внесудебного взыскания, признании недействительной исполнительной надписи нотариуса. Исковое требование к банку суд удовлетворил, требование о признании недействительной исполнительной надписи нотариуса оставил без удовлетворения, поскольку, по мнению суда, такое требование может быть рассмотрено только в порядке гл. 37 ГПК РФ. В деле с аналогичными обстоятельствами другой суд вынес решение о признании исполнительной надписи незаконной и ее отмене. Авторы констатируют нерешенность вопроса о процессуальном порядке рассмотрения таких соединенных требований¹⁰, что вполне закономерно создает дополнительные сложности в связи с высокой перспективой отмены соответствующих судебных актов при разрешении судом двух требований в одном процессуальном порядке либо требует от заинтересованного лица прохождения двух судебных процессов. При этом следует отметить, что именно денежные взыскания по несудебным исполнительным документам (ст. 12 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ) будут составлять существенный, если не основной массив документов, исполняемых в упрощенном исполнительном производстве.

Таким образом, упрощенному порядку взыскания противостоит усложненный порядок отмены ошибочного взыскания. Логически усложненный порядок объясняется тем, что в данном случае задействуется механизм проверки имеющейся ошибки, а это всегда более сложная процедура. Но, оценивая это положение закона, нельзя не отметить, что при защите своих прав взыскатель и должник в упрощенном исполнительном производстве будут находиться в неравноправном положении. Не говоря о трудностях с несудебными исполнительными документами, даже специализированный судебный порядок в этом случае (поворот исполнения) — вопрос, рассматриваемый по заявлению заинтересованного лица или по инициативе суда в судебном заседании, по его итогам выносится решение или определение. Постановление суда о повороте исполнения подлежит обжалованию в общем порядке, в отличие от судебных постановлений, вынесенных в упрощенном порядке. Это означает, что время и расходы, которые понесет должник

¹⁰ Катукова С. Ю., Нахова Е. А. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи // Нотариус. 2020. № 7. С. 45–48.

(с последующим взысканием с взыскателя), будут кратно отличаться от времени и средств, затраченных взыскателем на этапе до поворота исполнения, что само по себе может потребовать дополнительного — отдельного — исполнительного производства, связанного с взысканием причиненных убытков. Следовательно, восстановление нарушенного права будет для должника более длительной, дорогой и сложной процедурой, чем первоначальное взыскание для взыскателя. Охраняя права должника, Пленум ВС РФ устанавливает: «Если во исполнение судебного акта ответчиком перечислены денежные средства кредитору, а впоследствии данный судебный акт отменен или изменен в части взыскания указанных денежных средств и полученные взыскателем денежные средства должнику не возвращены, то по общему правилу на названную денежную сумму подлежат начислению проценты, установленные статьей 395 ГК РФ, с момента вступления в силу итогового судебного акта (п. 2 ст. 1107 ГК РФ). Вместе с тем с учетом обстоятельств конкретного дела, например если имела место фальсификация доказательств и это привело к принятию решения, послужившего основанием для перечисления ему денежных средств, предусмотренные статьей 395 ГК РФ проценты подлежат начислению с более раннего момента, например с момента зачисления денежных средств на расчетный счет недобросовестного взыскателя (п. 3, 4 ст. 1, п. 2 ст. 1107 ГК РФ)»¹¹.

Но если взыскатель — частное лицо может возвратить должнику неправомерно взысканные средства и, таким образом, предотвратить последующее требование о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, то по взысканиям в пользу бюджетов всех уровней отсутствует возвратный механизм, обеспечивающий автоматическое восстановление нарушенного права должника. Если первоначальное взыскание было обращено в бюджет, поворот исполнения возможен только в порядке, установленном главой 24.1 БК РФ, следовательно, на бюджет лягут дополнительные расходы по возмещению должнику убытков и процентов по ст. 395 ГК РФ.

Юридическая неуравновешенность процедур ставит вопрос о нарушении принципа равноправия, поскольку устанавливает для должника осложненный порядок восстановления права по итогам ошибочного упрощенного исполнительного производства. Учитывая постоянный динамический рост исполнительных документов, передаваемых на исполнение, будет увеличиваться и процент взысканий в упрощенном порядке, как следствие, будет увеличиваться и процент допущенных ошибок. Эта связь очевидна. Следовательно, необходима разработка адекватных процессуальных механизмов поворота исполнения по упрощенным исполнительным производствам, сочетающих учет специфики первого этапа исполнения и обеспечение достоверности на этапе проверки необходимости осуществления поворота исполнения.

Наконец, специфика упрощенного цифрового исполнительного производства заключается в том, что в соответствующем порядке исполнение может быть обращено лишь на денежные средства. Между тем, по данным ФССП, в настоящее время общая эффективность взыскания (т.е. с обращением взыскания как на денежные средства, так и на иное имущество должника) по исполнительным производствам имущественного характера составляет 16 % (от взысканной суммы по исполнительным производствам); налоговой задолженности — 35,6 %; задолженности по жилищно-коммунальным платежам — 31,6 %; алиментных платежей — 28,5 %; взыскания с физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в пользу физических лиц — 20,5 %; штрафов ГИБДД — 54,2 %; взыскания с физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц в пользу юридических лиц — 11,5 %; взыскания денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации — 35,3 %¹². В настоящий момент ФССП не располагает данными о том, какая часть из всех исполненных исполнена за счет непосредственно взысканных денежных средств, а какая — за счет продажи имущества. Даже допуская умозрительное преобладание процента исполнения исполнительных документов за счет денежных

¹¹ П. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 г. // URL: <https://fssp.gov.ru/2837777/> (дата обращения: 24.05.2023).

средств должника, надо признать, что после нерезультативного упрощенного исполнительного производства по неисполненным исполнительным документам будет необходимо перейти к основному исполнительному производству, допускающему обращение взыскания на иное имущество, принадлежащее должнику. Это единственный вариант решения, поскольку в рамках исполнительного производства окончание исполнения допускается при исчерпанности возможности обращения взыскания на любое имущество должника, а не на какой-то отдельный его вид.

Следовательно, будет необходима гармонизация порядка, регулирующего ординарное исполнительное производство, с порядком, установленным для упрощенного исполнительного производства. В частности, доктринального решения требует вопрос о предоставлении в этом случае срока на добровольное исполнение. Затем необходимо решить вопрос исполнительского сбора, в том числе учитывая природу исполнительского сбора: будет ли он одинаковым для должников, в отношении которых ранее применялся упрощенный порядок исполнения и с которых уже взыскивался исполнительский сбор, и для должников, в отношении которых упрощенного исполнительного производства не возбуждалось. Помимо этого, возникает множество других вопросов, связанных с согласованием порядков, например вопросы сроков самих производств, возможности наложения ареста на неденежное имущество в упрощенном исполнительном производстве с сохранением этого ареста при переходе в ординарное исполнительное производство и т.д.

Наконец, требует решения вопрос параллельного существования упрощенного цифрового исполнительного производства и взыскания через банки и работодателя. Фактически закон может как допустить их сосуществование, так и отказаться от взыскания через лиц, не являющихся органами ФССП. Полагаем, что отказом от прямого взыскания через банки и работодателя не затрагиваются диспозитивные права взыскателя, наоборот, обеспечиваются дополнительные гарантии защиты права взыскателя, должника, а также банков и работодателей за счет повышенной верификации исполнительных документов. Для взыскателя и для должника обращение взыскания в унифицированном порядке также повышает защиту их прав: упрощает возможность получения информации о ходе исполнения, устраняет риски,

связанные с недобросовестным поведением работодателя или банка в отношении частного лица — взыскателя. Поэтому, на наш взгляд, при введении упрощенного цифрового исполнительного производства надлежит отказаться от возможности взыскания напрямую через банки и работодателей.

Ресурсы, предполагаемые к использованию в упрощенном цифровом исполнительном производстве, безусловно, могут быть использованы и в *ординарном исполнительном производстве*: автоматизированы определенные исполнительные действия, такие как направление уведомлений, запросов, вынесение некоторых постановлений, автоматизированный анализ и проверка поступающей информации и т.д. Перекрестная проверка необходима не только по вопросам подлинности исполнительных документов и наличия реальных обязательств должника (по всем принудительным исполнениям, а не только в рамках исполнительного производства). Но поскольку цель внедрения информационных технологий как целостной программы должна состоять в решении значимых проблем этого варианта исполнительного производства, то целевым назначением в использовании информационных технологий должно стать решение проблемы обнаружения имущества неисполняющего должника. Это возможно сделать путем накопления и перекрестного анализа информации о доходах и расходах должника, составе его имущества, а также некоторых иных сведений, например о пользовании имуществом (квартирой, машиной и т.д.), юридически не принадлежащим должнику; о приобретении на имя должника за чужой счет авиационных и железнодорожных билетов и т.п.

Вопрос перекрестной проверки информации, имеющей значение для исполнительного производства, необходимо разрабатывать более широко как с юридической, так и с технологической позиций. Следовательно, необходима единая база данных о долговых обязательствах, имеющихся денежных средствах, об имуществе лица и его расходах, совмещенная с базой, обеспечивающей возможность применения типичных запретов, лишения типичных льгот и преимуществ (запрет на получение лицензии, запрет на управление автомобилем и т.д.). Эта база обеспечит оперативное взыскание и одновременно даст дополнительную гарантию последующего исполнения в случае, если у должника будут отсутствовать денежные средства и

потребуется обращение взыскания на имущество.

В более долгосрочной перспективе необходимо разработать *обращение взыскания на цифровые активы*, учитывая их особый статус и специфику порядка обращения взыскания на них. Так, президент Международного союза судебных исполнителей М. Шмитц справедливо отмечает, что это не только криптовалюта, но прежде всего адрес электронной почты, аккаунты в социальных сетях, домены, онлайн-хранилища, инвестиционные счета (такие как PayPal, Revolut) и воздушные мили¹³, т.е. те цифровые активы, одним или несколькими из которых обладает каждый гражданин¹⁴.

Именно этот тип исполнения, при условии его своевременной законодательной и технологической проработки, способен стать причиной привлечения участников спора в национальную юрисдикцию Российской Федерации.

В настоящее время одной из важных экономико-юридических задач многих государств является привлечение в национальную юрисдикцию участников трансграничных споров, для которых создаются особые порядки рассмотрения дел¹⁵. Конкуренция юрисдикций связана не столько с удобным для участников спора и более дешевым по сравнению с международным коммерческим арбитражем процессом. Юрисдикция государства становится особенно привлекательной тогда, когда выигравшая сторона в состоянии обеспечить быстрое и эффективное исполнение в той же юрисдикции¹⁶. В силу множества причин Российская Федерация не может конкурировать в этой сфере с другими юрисдикциями, проигрывая им в отношении обеспечения возможности обращения взы-

скания на имущество юридических и физических лиц. Как правило, для эффективного взыскания необходимо фактическое присутствие должника или его имущества на территории соответствующей юрисдикции. Исключением (впрочем, не безусловным) как раз и являются цифровые активы.

Следовательно, для продвижения национальной юрисдикции в трансграничных спорах необходимо развивать направление разрешения споров в отношении цифровых активов, одновременно действуя в трех направлениях:

— во-первых, создавать благоприятную правовую и экономическую среду, включая благоприятные налоговые режимы, для регистрации цифровых активов в юрисдикции России;

— во-вторых, с учетом иностранной юридической практики создать особый суд по рассмотрению трансграничных споров в отношении цифровых активов, ориентированный прежде всего на дистанционный порядок судопроизводства, с возможностью использования новейших технологий и в судопроизводстве, и в доказывании;

— в-третьих, разработать порядок исполнения в отношении цифровых активов, включая механизмы выявления, ареста, реализации и передачи конкретно определенных активов.

Заключение

В действительности можно заключить, что цифровое исполнительное производство не будет однородным. Одни преимущества цифровых технологий могут быть использованы для более быстрого исполнения в упрощенных исполни-

¹³ Шмитц М. Принудительное исполнение и цифровые ресурсы // Принудительное исполнение: современное состояние и векторы развития = Enforcement: The Current State and Development Vectors. М. : Литрес, 2021. С. 32–33.

¹⁴ Важно акцентировать внимание на замечании М. Шмитца, касающемся исполнительного производства. Отмечая специфику цифровых активов, невозможность применения к ним общих правил принудительного изъятия, он одновременно указывает на их трансграничность, из чего делает вывод о необходимости глобальной гармонизации права, т.е. потребности выхода за границы конкретных правовых традиций (Шмитц М. Указ. соч. С. 35–36). Нам представляется, что это общая тенденция для всех этапов защиты права, а не только для исполнительного производства, и она будет определять одно из главных направлений развития гражданского процессуального права в ближайшие десятилетия (аргументацию см.: Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия : монография. М. : Проспект, 2019).

¹⁵ См.: Институты публичной власти в условиях глобализации : монография / под ред. Т. А. Васильевой и Н. В. Варламовой. М. : Норма, Инфра-М, 2020. § 5. С. 149–169.

¹⁶ В. В. Ярков в одном из выступлений в качестве весьма эффективной дополнительной меры, привлекающей в иностранную юрисдикцию, называл иностранную практику предоставления налоговых льгот в отношении денежных средств, полученных взыскателем в результате исполнительного производства.

тельных производствах, ориентированных на внутригосударственные споры, другие — в качестве инструмента повышения привлекательности национальной юрисдикции для трансграничных споров. Соответственно, должны быть и разные законодательные решения для этих исполнений. При этом необходимо учитывать,

что исполнение не существует само по себе, вне отрыва от предшествующего этапа защиты права, и нормы, регулирующие цифровое исполнительное производство, должны учитывать возможности исправления ошибок, допущенных как на этапе исполнения, так и на этапе подтверждения права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуреев В. А. Оптимизация исполнительного производства и упрощение процедур взыскания Федеральной службой судебных приставов: вызовы, проблемы и пути их решения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 8. С. 3–9.

Гурьев О. П. Упрощенное исполнительное производство: размышления о предпосылках и содержании правового института // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 12. С. 19–22.

Институты публичной власти в условиях глобализации : монография / под ред. Т. А. Васильевой и Н. В. Варламовой. М. : Норма, Инфра-М, 2020. 272 с.

Катукова С. Ю., Нахова Е. А. К вопросу о судебном порядке оспаривания исполнительной надписи // *Нотариус*. 2020. № 7. С. 45–48.

Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской Федерации : автореф. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 39 с.

Шмитц М. Принудительное исполнение и цифровые ресурсы // *Принудительное исполнение: современное состояние и векторы развития = Enforcement: The Current State and Development Vectors*. М. : Литрес, 2021. 640 с.

Ярков В. В., Ренц И. Г. Действительность принципов нотариата в XX веке: новые вызовы // *Закон*. 2019. № 7. С. 30–43.

REFERENCES

Gureev VA. Optimization of Enforcement Proceedings and Simplification of Recovery Procedures by the Federal Bailiff Service: Challenges, Problems and Ways to Solve them. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2018;8:3-9. (In Russ.).

Guryev OP. Simplified Enforcement Proceedings: Reflections on the Prerequisites and Content of the Legal Institute. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2020;12:19-22. (In Russ.).

Katukova SYu, Nakhova EA. On the Issue of the Judicial Procedure for Challenging the Executive Inscription. *Notarius*. 2020;7:45-48. (In Russ.).

Kuznetsov EN. The Right to the Execution of Judicial Acts in the Russian Federation. Abstract Dr. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2022. (In Russ.).

Schmitz M. Enforcement and Digital Resources. In: *Prinuditelnoe ispolnenie: sovremennoe sostoyanie i vektory razvitiya = Enforcement: The Current State and Development Vectors*. Moscow: Litres Publ.; 2021. (In Russ.).

Vasilyeva TA, Varlamova NV. Institutions of Public Power in the context of Globalization. A monograph. Moscow: Norma: Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Yarkov VV, Rents IG. The Validity of the Principles of the Notary in the 21st Century: New Challenges. *Zakon*. 2019;7:30-43. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельцова Елена Геннадиевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
egstrelcova@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena G. Streltsova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor,
Department of Civil and Administrative Proceedings, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9, Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation
egstrelcova@msal.ru

Статья поступила в редакцию 29 мая 2023 г.

Статья получена после рецензирования 13 июня 2023 г.

Статья принята к печати 15 сентября 2023 г.

Received 29.05.2023.

Revised 13.06.2023.

Accepted 15.09.2023.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008